

Понкин И.В.

**Комментарий
к некоторым статьям
Федерального закона
«О свободе совести и
о религиозных
объединениях»**

Москва
2007

УДК 321.01 + 342.0 + 35.0
ББК 66.0 + 67.0 + 67.400

Рецензент – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор М.Н. Кузнецов.

Понкин И.В. Комментарий к некоторым статьям Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007. – 120 с.

В настоящем издании приведен комментарий к преамбуле, статьям 1–5 и 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Комментарий подготовлен доктором юридических наук И.В. Понкиным – директором Института государственно-конфессиональных отношений и права, преподавателем кафедры государственного строительства и права и доцентом кафедры государственного управления и правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, членом Экспертного совета при Комитете по делам общественных организаций и религиозных объединений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

УДК 321.01 + 342.0 + 35.0
ББК 66.0 + 67.0 + 67.400

© Понкин И.В., 2007

**Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ
(в ред. Федеральных законов от 26.03.2000 № 45-ФЗ, от 21.03.2002 № 31-ФЗ, от 25.07.2002 № 112-ФЗ, от 08.12.2003 № 169-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 06.07.2006 № 104-ФЗ)
КОММЕНТАРИЙ**

Преамбула

**Федеральное Собрание Российской Федерации,
подтверждая право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений,
основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством,
признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры,
уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России,
считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания,
принимает настоящий Федеральный закон.**

Обычно преамбула нормативно-правового акта представляет собой вводную или вступительную часть, в ней в концентрированной форме фиксируются цели и задачи данного акта, условия и мотивы, ставшие поводом для его принятия. То есть преамбула обычно не содержит норм прямого действия, а предваряет собственно нормативно-правовой акт (международный договор, декларацию, закон и пр.).

Преамбула Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Закон) содержит вводные положения, концептуальные основы данного Закона. Преамбула не содержит правовых норм, но важна для понимания целей и подходов законодателя в этой области.

Кроме того, преамбула несет и определенный пропагандистский потенциал, определяет вектор понимания Закона, декларирует принципы свободы совести и свободы вероисповедания, а также важнейшие принципы отношений между государством и религиозными объединениями.

С юридической точки зрения, ряд формулировок преамбулы Закона является некорректным, содержит терминологические ошибки, которые далее дублируются в нормах Закона.

Прежде всего, следует отметить некоторую юридическую некорректность выражения «право на свободу».

Право человека – это возможность конкретных действий лица, мера возможного поведения лица как участника общественных отношений, вне зависимости от того, где эти отношения имеют место.

Свобода – это возможность самореализации, поведения лица, не требующая строгой правовой регламентации со стороны государства, личная независимость людей в сфере действия общеобязательной нормы.

Свобода реализуется через субъективные права, определяющие направления и формы использования свободы.

Строго говоря, следует также отметить содержательную некорректность термина «свобода совести», представляющего собой неудачный вариант перевода английского термина «*freedom of conscience*». «Свобода совести» при дословном прочтении в русском языке представляет собой сочетание несочетаемого, даже бессмыслицу. Совесть – это чувство моральной ответственности за свое поведение, нравственные принципы. Свобода моральной ответственности за свои какие бы то ни было поступки – это абсурд.

Более точным было бы использовать понятие свободы мировоззренческого выбора, свободы убеждений, поскольку убеждения могут быть как религиозными (или антирелигиозными), так и не связанными с религией. Но поскольку термин «свобода совести» использован в статье 28 Конституции Российской Федерации и в комментируемом Законе, далее используем этот термин.

Содержащиеся во втором, третьем и шестом абзацах преамбулы декларации корреспондируют статьям 28 и 14 Конституции Российской Федерации.

Содержащиеся в четвертом и пятом абзацах преамбулы декларации вызывали со времени принятия Закона 1997 году и вызывают по сей день дискуссии. Именно преамбула Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» наряду с его статьей 27 вызвала наибольшее количество нападков. В этой части преамбула Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» составлена некорректно и вносит слишком много неопределенности.

В российских средствах массовой информации не раз высказывалось мнение, что якобы преамбула Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» дает какие-то дополнительные возможности религиозным организациям традиционных для России, исторически представленных религий и дискриминирует прочие религиозные объединения. Но это – ошибочное мнение, не имеющее убедительных правовых аргументов. Нет никаких юридических или фактических оснований считать даже и расширенное сотрудничество государства с религиозными организациями тех или иных религий установлением или проявлением неравенства или дискриминации других религиозных объединений.

Тот факт, что в преамбуле не будут упомянуты мормоны и свидетели Иеговы, к христианству отношения не имеющие, или индуисты, совершенно никак не ущемляет таковых в свободе совести, поскольку это

не является нарушением их прав. В данном случае преамбула просто декларативно расставляет некоторые приоритеты государства в сфере отношений с религиозными объединениями.

Вместе с тем, непонятно, какой юридический смысл заложен в формулировке: «*признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры*» и «*уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии*». При написании таких положений авторы этого Закона нарушили одно из правил юридической техники – требование простоты применения и понимания норм. Использованы неясные, многозначные и нечеткие термины, которые можно истолковать как угодно.

Уважение к упомянутым в преамбуле религиям, к примеру, вполне может исчерпываться только лишь высказыванием такого уважения. При этом государство вполне может игнорировать права и интересы верующих этих религий наравне с другими. Ни преамбула данного Федерального закона, ни содержащиеся в его тексте правовые нормы этому не препятствуют.

Общий смысл законодательства предполагает, что ничего в законодательных актах не пишется просто так, бесцельно. Логично предположить, что государство должно закрепить, конкретизировать нормативными актами продекларированное в данном законе уважение к религиозным организациям традиционных религий. Но в самом Законе нет ничего, что позволяло бы реализовать эту декларацию «уважения». Не подкрепленная никакими правовыми механизмами декларация «уважения» государства к традиционным российским религиозным организациям ничего им не дает.

В преамбуле произведено не «ранжирование» религий, не выделение особого положения представляющих эти религии религиозных организаций, а лишь создана видимость учета степени их распространенности и значимости в Российской Федерации, но без каких-либо правовых последствий.

С другой стороны, после многих десятилетий господства воинствующего атеизма как составной части государственной идеологии и обусловленной им политики преследований верующих, подавления свободы совести даже такая декларация акцента на сотрудничестве государства с религиозными организациями исторически представленных религий может восприниматься как конструктивная.

Некорректность преамбулы определяется и неопределенностью конструкции: «*и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России*». Какие религии подпадают под определение «других» – унитарство, Свидетели Иеговы, мормоны или кришнаиты? Судя по тексту преамбулы, она выделяет вообще все религии, что было бы, по существу, неверно, поскольку никакого отношения к историческому наследию народов России не имеют никакого отношения ни кришнаизм, ни саентология и т.п. Не имеют сюда никакого отношения и многочисленные религиозные объединения неоязычников, поскольку их религиозные верования представляют собой ложные

реконструкции, основанные на 99% на домыслах и собственного авторства религиозных догматах современных последователей.

На статус «неотъемлемой части» исторического наследия народов России высказывают необоснованные претензии последователи религиозного объединения «Бахаи», утверждая, что они на территории России существуют почти 150 лет, хотя, на самом деле, в середине XIX в. это течение было представлено в Туркестане небольшим числом верующих, сбежавших в Россию от грозившей им расправы в своей стране. С того времени религиозное течение «Бахаи» не оказало никакого сколько-нибудь значимого влияния на культуру народов России, и к российским традициям это религиозное течение не имеет совершенно никакого отношения. Традиционными считают себя религиозные группы неоязыческой направленности, хотя в большинстве из них вероучения являются искусственными и выдуманными самими сегодняшними основателями этих организаций. Апофеозом абсурда явилась ситуация, когда руководители неоиндуистского религиозного объединения кришнаитов (адептов которой, как заявил руководитель организации В. Тунеев в 1997 г., в Индии меньше, чем католиков) в июле–сентябре 1997 г. при обсуждении проекта Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в своих публичных выступлениях задавали вопрос, на каком основании в этом законопроекте не отнесен к «составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России» религиям России индуизм. Но именно к такого рода абсурдным ситуациям и приводит юридически некорректно составленная преамбула Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Из того, что в России проживают отдельные афроамериканцы – последователи вудуизма, не следует, что их религия обязательно должна быть провозглашена «неотъемлемой частью» исторического наследия народов России, а сами афроамериканцы – одним из народов России. Традиционной религия признается с точки зрения национальных традиций России, а не из уважения к тому или иному народу, диаспора которого существует в нашей стране. Однако ни преамбула, ни сам комментируемый Закон ничего конкретного по этому поводу не устанавливают.

Использование в тексте преамбулы Закона неопределенных формулировок «православие», «ислам», «буддизм» еще больше запутывает ситуацию. Что имеется в виду под православием – Русская Православная Церковь Московского Патриархата и старообрядцы? Или же, помимо них, имеются в виду маргинальные религиозные группы (религиозное объединение «митрополита» Рафаила и пр.), открыто практикующие оккультно-религиозные ритуалы, но прикрывающиеся наименованием православия? Или и те, и другие, и третьи вместе? Что понимается под уважением государством ислама? Какого именно течения ислама? Каких организаций? То же касается и буддизма – совершенно неясно, кого государство зачисляет в разряд традиционных и кому высказывает уважение. Исторически сложившимся буддийским религиозным организациям или религиозному объединению последователей Оле Нидала?

При нынешней редакции Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» строгого юридического ответа на выше указанные вопросы не дается.

С другой стороны, хотя положения преамбулы не имеют обязательной юридической силы, но продекларированное в них отношение государства к тому или иному вопросу может являться идейной основой для выработки мер государственной политики, ориентирует граждан в определенном отношении. Обоснованно предположить, что законодатель этой формулировкой выделяет именно те религии, которые имеют непосредственное отношение к историческому наследию народов России, составляют его неотъемлемую часть.

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений.

Статья 1 определяет действие комментируемого Закона по кругу регулируемых общественных отношений, ограничивая их область реализации свободы совести и свободы вероисповедания, в том числе коллективной свободы вероисповедания, и связанных с ними прав, а также вопросами правового статуса религиозных объединений, их деятельности и их прав – имущественных, культурных, образовательных и пр.

Статья 2. Законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях

1. Законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях состоит из соответствующих норм Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, из настоящего Федерального закона, принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Пункт 1 статьи 2 определяет состав законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, дает этому межотраслевому институту правовых норм соответствующее (указанное) наименование. Иногда в литературе используется синонимичное название законодательства – о свободе вероисповедания и об отношениях между государством и религиозными объединениями.

Законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях призвано охранять и защищать общественные отношения, связанные со свободой совести и свободой вероисповедания, складывающиеся в процессе реализации свободы

совести и свободы вероисповедания, в том числе коллективной свободы вероисповедания, и реализации связанных ними прав, а также в процессе создания, деятельности и ликвидации религиозных объединений, реализации ими своих прав – имущественных, культурных, образовательных и пр.

Представленная норма носит служебный характер. Очевидно, что хотя, и без того, конституционные нормы (статьи 28, 14, 13 и 29), нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, нормы комментируемого Закона, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации входят в состав законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, тем не менее, такое перечисление имело смысл, учитывая существующие по сей день в России настроения религиозной нетерпимости, отношения к взаимодействию государства и религиозных объединений исключительно с позиций идеологии атеизма, в направлении умаления прав религиозных объединений.

Кроме того, данная норма несет в себе также и следующий правовой смысл. По общему правилу при расхождении нормы общего закона и нормы специального закона действует норма специального, профильного закона. Но комментируемый закон не содержит исчерпывающей правовой базы имущественных прав религиозных организаций и имущественного аспекта отношений между государством и религиозными объединениями. Поэтому данная норма ставит применительно к обсуждаемым вопросам в равное положение комментируемый Закон и Гражданский кодекс Российской Федерации, разделяя их предметное ведение.

В состав межотраслевого правового института – законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях также входят нормы уголовного права (статьи 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», 148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий», 239 «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан», 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», 282.1 «Организация экстремистского сообщества», 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» и др. статьи Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с послед. изменениями)); административного права (статьи 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» и 20.28 «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с послед. изменениями)); а также нормы законодательства о противодействии экстремистской деятельности, о

здравоохранении, о культуре, об образовании, нормы иных отраслей, отраслевых и межотраслевых институтов права.

Необходимо отметить, что помимо указанных актов, законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, включает в себя общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, участником которых является Российская Федерация. Такие нормы, хотя и могут получать прямое дополнительное закрепление в федеральных законах, по общему правилу, обязательного такого закрепления не требуют, имеют на территории Российской Федерации прямую силу, являются непосредственно действующими.

Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» было установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Постановление № 5 Пленума Верховного суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 разъясняло, что под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Частью правовой системы Российской Федерации являются также заключенные СССР действующие международные договоры, в отношении которых Российская Федерация продолжает осуществлять международные права и обязательства СССР в качестве государства – продолжателя Союза ССР.

Согласно части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты. Признаками, свидетельствующими о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, в частности, могут быть содержащиеся в международном договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

Согласно выраженной в указанном Постановлении позиции Верховного суда Российской Федерации, при рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 1 и 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», часть 2 статьи 7 ГК РФ). Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе военными, при разрешении гражданских, уголовных и административных дел, в частности: при рассмотрении гражданских дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем законом Российской Федерации, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения; при рассмотрении гражданских и уголовных дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем гражданским процессуальным или уголовно-процессуальным законом Российской Федерации; при рассмотрении гражданских или уголовных дел, если международным договором Российской Федерации регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения (например, при рассмотрении дел, перечисленных в статье 402 ГПК РФ, ходатайств об исполнении решений иностранных судов, жалоб на решения о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства); при рассмотрении дел об административных правонарушениях, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях.

Пункт 10 указанного выше Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации определял, что Российская Федерация как участник Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение российскими судами Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека.

2. Права человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания регулируются федеральным законом. Законы и

иные нормативные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации и затрагивающие реализацию права на свободу совести и свободу вероисповедания, а также деятельность религиозных объединений, должны соответствовать настоящему Федеральному закону. В случае противоречия настоящему Федеральному закону нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации по вопросам защиты права на свободу совести и свободу вероисповедания и по вопросам деятельности религиозных объединений действует настоящий Федеральный закон.

Следует отметить, что свобода совести и свобода вероисповедания относятся к личным свободам человека. Права и свободы гражданина – это иной блок прав и свобод, которые установлены для граждан страны (избирательные права и пр.)

Второе предложение пункта 2 статьи 2 устанавливает приоритет норм комментируемого Закона перед другими федеральными нормативными правовыми актами. При этом следует понимать, что такой приоритет может быть только в отношении вопросов, непосредственно относящихся к предмету регулирования этого Закона, тогда как законодательство о свободе совести, о свободе вероисповедания и о религиозных объединениях шире, чем совокупность норм Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Поэтому нормы уголовного права, административного права, имеющие отношения к сфере взаимодействия государства и религиозных объединений, могут иметь приоритет перед нормами Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в конкретных ситуациях.

Норма пункта 2 статьи 2 (последнее предложение) о том, что в случае противоречия настоящему Федеральному закону нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации по вопросам защиты права на свободу совести и свободу вероисповедания и по вопросам деятельности религиозных объединений действует настоящий Федеральный закон, корреспондирует пункту «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации, относящему регулирование прав и свобод человека и гражданина к исключительному ведению Российской Федерации.

Поскольку пункт «б» статьи 72 Конституции Российской Федерации относит к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъекта Российской Федерации защиту прав и свобод человека и гражданина (норма отчасти дублирует норму пункта «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации, исключая регулирование прав и свобод), то субъекты вправе принимать свои законы по вопросам свободы совести, свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений. Но в силу требования пункта «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации и пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», законы субъектов Российской Федерации не должны противоречить комментируемому Закону. А в случае такого противоречия действуют и имеют приоритет нормы комментируемого Закона, но, как указано в пункте 2 статьи 2, по

вопросам защиты права на свободу совести и свободу вероисповедания и по вопросам деятельности религиозных объединений.

3. Ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией Российской Федерации или вытекающих из международных договоров Российской Федерации.

Пункт 3 статьи 2 корреспондирует частям 1 и 2 статьи 55, части 4 статьи 15, частям 1 и 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации.

Согласно части 1 статьи 55 Конституции Российской Федерации, перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Часть 2 этой же статьи дополнительно закрепляет, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

Учитывая, что достоинство личности и личные мировоззренческие, в том числе религиозные, убеждения человека неразрывно связаны, здесь же можно упомянуть и часть 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации, устанавливающую, что достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления.

Вместе с тем, следует отметить, что свобода совести и свобода вероисповедания не абсолютны, имеют свои границы, а устанавливаемые федеральным законом правомерные ограничения свободы совести и свободы вероисповедания не являются умалением или ущемлением таковых свобод. Согласно части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Статья 3. Право на свободу совести и свободу вероисповедания

1. В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории Российской Федерации, пользуются правом на свободу совести и свободу вероисповедания наравне с гражданами Российской Федерации и несут установленную

федеральными законами ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.

Первый абзац пункта 1 статьи 3 дублирует статью 28 Конституции Российской Федерации: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Кроме того, первый абзац пункта 1 статьи 3 корреспондирует статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах¹, устанавливающей, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию и убеждения по своему выбору. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

Комментируемая норма соответствует и части 1 статьи 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950²: «Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и совместно с другими лицами, публичным или частным порядком, в богослужении, учении и отправлении религиозных и ритуальных обрядов».

Второй абзац пункта 1 статьи 3 соответствует части 3 статьи 62 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Второй абзац пункта 1 статьи 3 распространяет в соответствии с указанной конституционной нормой свободу совести и свободу вероисповедания на иностранных граждан и лиц без гражданства. Однако следует понимать, что указанная норма Закона просто дублирует и без того имеющие прямую силу и непосредственно действующие на территории Российской Федерации

¹ Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966. Вступил в силу 23.03.1976.

² Текст, измененный в соответствии с положениями Протокола № 3 (ETS, № 45), вступившего в силу 21 сентября 1970 г., Протокола № 5 (ETS, № 55), вступившего в силу 20 декабря 1971 г., и Протокола № 8 (ETS, № 118), вступившего в силу 1 января 1990 г., и содержащий также текст Протокола № 2 (ETS, № 44), который согласно пункту 3 статьи 5 данного Протокола является составной частью Конвенции с момента его вступления в силу 21. сентября 1970 г.

нормы международных договоров, участником которых является Российская Федерация и которые устанавливают свободу совести и свободу вероисповедания для каждого человека.

Свобода совести и свобода вероисповедания относятся к личным конституционным свободам, наряду с правом на жизнь, со свободой мысли, убеждений и слова, с правом на личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни, с правами на личную и семейную тайну, защиту чести, достоинства и доброго имени; с правом на определение и указание своей национальной принадлежности; правом на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания и творчества; с другими личными правами и свободами.

Соотнесение между собой понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в Законе не определяется, а в научной литературе получает различные трактовки.

Учитывая содержание статьи 28 Конституции Российской Федерации, а также положения международных документов³, можно предложить следующие определения.

Свобода вероисповедания – это свобода выбора и исповедания индивидуально или коллективно (совместно с другими), публичным или частным порядком, любой религии, либо отказа от исповедания какой бы то ни было религии, свобода иметь и распространять безо всякого принуждения и давления религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, свобода принимать участие в осуществлении богослужений и иных форм религиозного культа, проведении религиозных обрядов и церемоний.

Свобода совести (свобода мировоззренческого выбора) – это свобода мировоззренческого самоопределения, включающая, помимо относящихся к свободе вероисповедания, свободу выбора и обладания любыми иными (помимо религиозных) убеждениями, право их распространять и действовать в соответствии с таковыми убеждениями.

Свобода совести и свобода вероисповедания пересекаются, большая часть элементов свободы вероисповедания входит в состав свободы совести, но, вместе с тем, свобода вероисповедания не является полностью составной частью свободы совести. Это связано с тем, что для

---

³ Ст. 18 и 19 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; ч. 1 и 2 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; ст. 1 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981 г.; п. «b» ч. 1 ст. 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.; ст. 14 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г.; ч. 1 ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (Рим, 4 ноября 1950 г.; текст, измененный в соответствии с положениями Протокола № 3, вступившего в силу 21.09.1970 г., Протокола № 5 (ETS, № 55), вступившего в силу 20.12.1971 г., и Протокола №8 (ETS, №118), вступившего в силу 1.01.1990 г., и содержащий текст Протокола №2 (ETS, № 44)); часть VII Заключительного акта Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 г.; пп. 11 и 16 Итогового документа Венской встречи государств-участников Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15.01.1989 г.; п. 9.4 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29.06.1990 г. (Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М.: Изд-во НОРМА (НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С. 41–42, 59, 133, 161, 310, 542, 641, 649, 651, 656).

реализации религиозных убеждений, в большинстве случаев и для всех исторически представленных в России религий, требуются особые места религиозного поклонения и почитания, здания и сооружения религиозного назначения, необходимы особые религиозные обряды и церемонии. Чего не требуется для исповедания иных, нерелигиозных убеждений. В этом и состоит специфика феномена религии.

Со свободой совести тесно связаны следующие права и свободы:

1) право на объединение⁴;

2) право на свободное выражение своего мнения – включая право придерживаться своего мнения, право искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи устно, письменно, или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору⁵;

3) право на защиту от дискриминации по признаку отношения к религии, национальности или расе или убеждений, на защиту от пропаганды неравенства, дискриминации или геноцида по признаку отношения к религии, национальности или расе или мировоззренческих взглядов, на защиту от пропаганды неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальности или расе или убеждений⁶;

---

⁴ Ст. 20 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; ч. 1 ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; часть 4 статьи 2 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18.12.1992 г. (принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН); ч. 1 ст. 15 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г.; ч. 1 ст. 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М.: Изд-во НОРМА (НОРМА–ИНФРА-М), 2000. – С. 42, 60, 111, 310, 542).

⁵ Статья 19 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; ч. 1 и 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; ст. 1 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981 г.; ч. 1 ст. 12, ст. 13 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г.; статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г.; пп. 9.1, 10.1, 10.2 и 26 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29.06.1990 г.; п. 26 Документа Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 03.10.1991 г. (Международные акты о правах человека. – С. 41–42, 59, 133, 309–310, 542, 656, 660, 670).

⁶ Ст. 1, 2, 6 и 7 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; ч. 2 ст. 2, ст. 5 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г.; ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 4, ст. 5, 16 и 20, ч. 1 ст. 24, ст. 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; ст. 2, 3 и 4, ч. 2 ст. 5, ст. 7 и 8, ч. 1 и 2 ст. 9, ст. 10 Декларации о расе и расовых предрассудках от 27.11.1978 г.; ст. 2, 3 и 4, ч. 3 ст. 5 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981 г.; ч. 1 ст. 1, ст. 3 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.; ст. 2–4 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18.12.1992 г.; ст. 2 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г.; ст. 5, ч. 1 ст. 6 Декларации о праве на развитие от 04.12.1986 г.; ст. 1 и 2 Конвенции о дискриминации в области труда и занятий от 25.06.1958 г.; ст. 14 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (Международные акты о правах человека. – С. 39–40, 45, 54–55, 58, 60–61, 107, 111–112, 116–119, 133–134, 155, 159–160, 307, 542).

4) право на национально-культурную и религиозную идентичность – включая:

право на сохранение национальной культуры, на культурное развитие, на доступ к культурным ценностям и на участие в культурной жизни, право народов на самоопределение и свободное установление и осуществление своего культурного развития⁷;

право на духовное благополучие⁸;

право на духовное развитие в условиях свободы и достоинства⁹;

право на духовное развитие ребенка¹⁰;

право родителей на выбор воспитания и образования для своих малолетних детей¹¹;

право на воспитание в ребенке уважения к его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает¹²;

право на повышение духовного уровня жизни¹³.

Коллективная свобода вероисповедания включает следующие права и свободы:

⁷ Ст. 22, ч. 2 ст. 26, ч. 1 ст. 27 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 13, ч. 1 и 2 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г.; ч. 1 ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; ст. 1, ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 8 Декларации о праве на развитие от 04.12.1986 г.; преамбула, ст. 8, п. «с» ч. 1 ст. 29, ст. 30 и 31 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г.; ч. 2 и 3 ст. 1, ч. 1 ст. 5 Декларации о расе и расовых предрассудках от 27.11.1978 г.; ст. 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.; ч. 1 ст. 1 Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18.12.1992 г.; п. 2 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14.12.1960 г.; п. «е» ст. 10 Декларации социального прогресса и развития от 11.12.1969 г.; ст. I, VI, VIII, IX Декларации принципов международного культурного сотрудничества от 04.11.1966 г. (Международные акты о правах человека. – С. 42–43, 44, 48–49, 53, 100, 106–108, 111, 115–117, 161, 307, 308, 315, 316, 328, 392–393).

⁸ Ч. 1 ст. 7 Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах / Конвенции № 169 Международной организации труда от 1989 г. (Международные акты о правах человека. – С. 122).

⁹ Преамбула Конвенции о дискриминации в области труда и занятий от 25.06.1958 г. (Международные акты о правах человека. – С. 155).

¹⁰ Ч. 3 ст. 23, ч. 1 ст. 27 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г. (Международные акты о правах человека. – С. 313, 314).

¹¹ Ч. 3 ст. 26 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; ч. 3 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г.; ч. 4 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; ст. 5 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981 г.; п. «b» ч. 1 ст. 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.; ст. 2 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20.03.1952 г.); пп. 16.6 и 16.7 Итогового документа Венской встречи государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15.01.1989 г. (Международные акты о правах человека. – С. 43, 48, 59, 133–134, 161, 551, 651).

¹² П. «с» ч. 1 ст. 29 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г. (Международные акты о правах человека. – С. 315).

¹³ Абзац 1 ч. II Декларации социального прогресса и развития от 11.12.1969 г. (Международные акты о правах человека. – С. 327).

- право на объединение в религиозное объединение, которое (применительно к российской правовой действительности) может быть зарегистрировано в качестве религиозной организации, право участвовать в управлении и деятельности таких объединений;

- свобода приобретать, создавать и содержать места религиозного поклонения и почитания, здания и сооружения религиозного назначения;

- свобода проведения коллективных религиозных служб, обрядов и церемоний;

- право коллективно распространять, в том числе проповедовать, религиозные убеждения или верования;

- свобода производства, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из нее, распространения религиозной литературы и иной информационной продукции, а также предметов религиозного назначения.

В пункте 16 Итогового документа Венской встречи государств–участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 15 января 1989 г. закреплён перечень обязательств государств по обеспечению свободы личности «исповедовать религию или веру»¹⁴.

Обозначим перечень корреспондирующих им составных элементов свободы вероисповедания:

- право на защиту от дискриминации по признаку убеждений или отношения к религии;

- право граждан на обеспечение государством равноправия, терпимости и уважения между верующими различных объединений, а также между верующими и неверующими;

- право религиозных объединений на признание статуса, предусмотренного для них в их соответствующих странах;

- право религиозных объединений создавать и содержать свободно доступные места богослужений или собраний, организовываться в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой, выбирать, назначать и заменять свой персонал согласно своим соответствующим требованиям и стандартам, а также любым свободно достигнутым договоренностям между ними и их государством;

- право религиозных объединений испрашивать и получать добровольные финансовые и другие пожертвования;

- право каждого на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими, включая право на подготовку религиозного персонала в соответствующих заведениях;

- право родителей свободно обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями;

- право граждан и религиозных объединений иметь в собственности, приобретать и использовать по своему выбору религиозную литературу и иные предметы и материалы, относящиеся к вероисповеданию;

- право религиозных объединений производить и распространять религиозные издания и материалы;

---

¹⁴ Международные акты о правах человека. – С. 651.

- право религиозных объединений вступать в консультации с государством и на участие в общественном диалоге, в том числе через средства массовой информации;
- право граждан требовать от государства выражения заинтересованности в лучшем понимании религиозных свобод и потребностей религиозных объединений.

2. Право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Пункт 2 статьи 3 Закона корреспондирует части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Кроме того, пункт 2 статьи 3 Закона соответствует международным актам о правах человека. В частности, пункт 3 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Часть 2 статьи 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 устанавливает, что свобода исповедовать свою религию или свои убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Пункту 2 статьи 3 Закона корреспондируют, в частности, следующие его нормы:

пункт 5 статьи 3 – запрет вовлечения малолетних в религиозные объединения, а также их обучения религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих;

пункт 4 статьи 6 – запрет создания и деятельности религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону;

статьи 8 и 9 – в части ограничений по созданию религиозных организаций;

статья 12 – в части оснований для отказа в государственной регистрации религиозной организации;

статья 13 – в части ограничений по созданию представительства иностранной религиозной организации;

статья 14 – в части оснований и порядка ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке.

3. Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается.

Данная норма корреспондирует части 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации, устанавливающей государственные гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина, в том числе, независимо от отношения к религии, убеждений, принадлежности к объединениям, а также других обстоятельств, и запрет любых форм ограничений прав граждан по признаку религиозной принадлежности.

Кроме того, указанная норма соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, положениям международных договоров, участником которых является Российская Федерация и которые устанавливают запрет дискриминации по признаку отношения к религии.

Так, статья 14 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет, что пользование правами и свободами, изложенными в ней, обеспечивается без какой-либо дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или иным признакам.

Данной нормой корреспондирует статья 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина» Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая уголовную ответственность за дискриминацию, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также за такое деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения. Указанная норма Уголовного кодекса является гарантией защиты граждан от дискриминации по религиозному признаку.

Что касается части формулировки пункта 3 статьи 3 Закона, устанавливающей запрет установления преимуществ или ограничений в зависимости от религии, это такие формулировки представляют собой части сложносоставных правовых норм и должны толковаться и реализовываться совместно с другими нормами законодательства Российской Федерации в зависимости от конкретной ситуации.

Так, ограничения в зависимости от отношения к религии вполне могут правомерно устанавливаться в тех, например, случаях, когда речь идет об участнике религиозной организации, которая была ликвидирована и деятельность которой была запрещена решением суда.

Не составляют нарушения и преимущества в виде фактически реализуемого расширенного сотрудничества государства с теми или иными религиозными организациями. Объективно, в состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации входят представители конечного числа религиозных организаций. Практика расширенного сотрудничества государства с одной или несколькими религиозными организациями де-факто (а в ряде случаев и де-юре) характерна для всех стран мира (США, Франция, Испания, Италия, Израиль, Германия, Великобритания и мн. др.).

Поэтому норму пункта 3 статьи 3 следует понимать как запрет на законодательное закрепление в России каких-либо прямых преимуществ для тех или иных религиозных организаций.

4. Граждане Российской Федерации равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой.

Первое предложение пункта 4 статьи 3 дополняет пункт 3 этой же статьи и отвечает комментарию, приведенному выше.

Кроме того, следует отметить, что данной норме корреспондируют нормы целого ряда федеральных законов. Так, часть 1 статьи 1.4 «Принцип равенства перед законом» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает, что лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом. Физические лица подлежат административной ответственности независимо от отношения к религии, убеждений, принадлежности к объединениям. Согласно статье 4 «Принцип равенства граждан перед законом» Уголовного кодекса Российской Федерации, лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от отношения к религии, убеждений, принадлежности к объединениям.

Второе предложение пункта 4 статьи 3 закрепляет одну из важнейших гарантий свободы совести, поскольку существуют такие мировоззренческие, в том числе религиозные, убеждения, которые не позволяют человеку исполнять военную службу по призыву.

Право на замену военной службы альтернативной гражданской службой закреплено частью 3 статьи 59 Конституции Российской Федерации.

Альтернативная гражданская служба – это особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву. Порядок направления на альтернативную гражданскую службу и ее прохождения определяется Федеральным законом «Об альтернативной гражданской службе» от 25.07.2002 № 113-ФЗ (с послед. изменениями).

На альтернативную гражданскую службу направляются граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, которые не пребывают в запасе, имеют право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой, лично подали заявление в военный комиссариат о желании заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой и в отношении которых в соответствии с указанным Федеральным законом призывной комиссией, создание которой регулируется Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», принято соответствующее решение.

Согласно Определению Конституционного суда Российской Федерации от 17.10.2006 № 447-О по жалобам граждан Жидкова Михаила Александровича и Пильникова Олега Сергеевича на нарушение их конституционных прав статьей 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе», закрепленное в статье 59 (часть 3) Конституции Российской Федерации право на альтернативную гражданскую службу в случаях, если несение военной службы противоречит убеждениям или вероисповеданию гражданина, а также в иных установленных федеральным законом случаях, связанное с конституционной гарантией свободы совести и вероисповедания, закреплено также в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», который предусматривает, что гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой (пункт 4 статьи 3). Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23.11.1999 № 16-П по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» указал, что федеральный закон, о котором идет речь в данной конституционной норме, может определить условия и порядок замены военной службы альтернативной гражданской службой, однако само закрепленное ею право не нуждается в конкретизации и является, как следует из статей 18, 28 и 59 Конституции Российской Федерации, непосредственно действующим, притом именно индивидуальным правом, т.е. связанным со свободой вероисповедания в ее индивидуальном, а не коллективном аспекте, а значит, должно обеспечиваться независимо от того, состоит гражданин в какой-либо религиозной организации или нет.

5. Никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих.

Запрет на принуждение объявления о своем отношении к религии является одной из гарантий свободы совести и связан с тремя аспектами. Во-первых, в противном случае, такое требование, тем более – доведенное до абсурда, могло бы оскорбить религиозные чувства верующего. Во-вторых, этот запрет является преградой для дискриминации граждан по религиозному признаку. И в третьих, этот запрет обязывания является одной из гарантий светскости государства, которому, тем самым, не дозволяется вмешиваться в вопрос оценки «качества веры» того или иного верующего. Между тем, сегодня в литературе часто можно встретить попытки подсчитывать количество истинно или не истинно верующих граждан той или иной религии (в основном, такие «исследования» отчего-то касаются Русской Православной Церкви и направлены на доказывание мнимого факта ничтожной численности православных верующих в России). Если в частном порядке исследователи или публицисты вольны писать это, то со стороны государства такие подсчеты неправомерны и не допускаются, в том числе, указанным запретом. Государство может только фиксировать количество граждан, выражающих принадлежность или предпочтительное отношение к той или иной религии и представляющей ее религиозной организации, и не более.

Вместе с тем, законодательством установлены случаи отступления от этого запрета.

Для замены военной службы по призыву на альтернативную гражданскую службу призывник обязан заявить о своих мотивах.

Согласно Определению Конституционного суда Российской Федерации от 17.10.2006 № 447-О по жалобам граждан Жидкова Михаила Александровича и Пильникова Олега Сергеевича на нарушение их конституционных прав статьей 11 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе», обращенное к призывнику требование обосновать наличие убеждений и вероисповедания, препятствующих прохождению военной службы, не является нарушением свободы совести и указанного выше запрета, поскольку из статьи 59 (часть 3) Конституции Российской Федерации вытекает лишь обязанность изложить соответствующие доводы, которая не может рассматриваться как противоречащая статье 29 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, поскольку процесс обоснования наличия убеждений вызван не принуждением гражданина, а его собственной инициативой – заменить военную службу по призыву альтернативной гражданской службой.

Установленный пунктом 5 статьи 3 запрет принуждения кого бы то ни было при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений так же является важнейшей гарантией свободы совести, поскольку без такой гарантии свобода совести превращается в фикцию.

Установленный вторым предложением пункта 5 статьи 3 запрет вовлечения малолетних в религиозные объединения, а также обучения малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих, несмотря на периодически раздающуюся его критику, является вполне обоснованным и правомерным. Это – правомерное ограничение свободы вероисповедания.

В действительности, нет никаких фактических и юридических оснований считать, что эта норма требует предоставления родственниками несовершеннолетних детей каких-то письменных согласий или ношения с собой таких письменных согласий (родителя – от второго родителя, иного родственника (бабушка, дедушка и т.д.) – от обоих родителей) при посещении религиозной службы, иного посещения здания религиозного назначения. Такого рода требования от родителей неправомерны. Разногласия же между родителями по поводу религиозной принадлежности (реальной, должной или желаемой) не относятся к компетенции государства и должны разрешаться в процессе переговоров родителей или же в судебном порядке. Эти частные внутрисемейные вопросы не могут быть урегулированы законом.

Встречающиеся мнения о том, что комментируемая норма ограничивает права несовершеннолетних, ставя их религиозную ориентацию в зависимость от согласия родителей, невозможно признать юридически и фактически обоснованными. А кто должен определять религиозную принадлежность детей, как не их семья? Уличные проповедники, воспитатели детских садов или учителя школ? Очевидно, что такая ситуация была бы абсурдной и явилась бы нарушением прав как самих детей, так и их родителей.

Право родителей на выбор воспитания и образования для своих несовершеннолетних (а не только малолетних) детей является их неотъемлемым правом (часть 3 статьи 26 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; часть 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г.; часть 4 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; статья 5 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981 г.; пункт «b» части 1 статьи 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.; статья 2 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20.03.1952 г.; часть 2 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»; часть 1 статьи 52 Закона РФ «Об образовании»).

Бессмысленно обсуждать информированный и сознательный самостоятельный выбор малолетнего ребенка в пользу той или иной религии. Ребенок просто не созрел еще до такого выбора.

В соответствии с комментируемой нормой, по достижении 14 лет мнение ребенка уже становится юридически значимым, хотя и для детей старше 14 лет определяющие права их родителей не прекращаются. Согласно статье 57 «Право ребенка выражать свое мнение» Семейного кодекса Российской Федерации, ребенок вправе выражать свое мнение

при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Вопрос корреспонденции указанных мер и различий в мере учета мнения ребенка законодательно детально не урегулирован.

Необходимость этой нормы вызвана массовыми попытками и фактами нарушения свободы совести несовершеннолетних учащихся общеобразовательных учреждений (а равно прав их родителей) посредством их принудительного привлечения к участию в мероприятиях религиозных объединений, их вовлечения в религиозные объединения.

Начиная с 1991 г. и по настоящее время российские государственные и муниципальные образовательные учреждения стали самым настоящим полигоном для внедрения оккультных и иных разрушительных вероучений, для проведения оккультных экспериментов на российских детях. В последние годы формы нарушений прав учащихся на свободу совести стали более разнообразными и латентными.

Анализ зафиксированных в государственных и муниципальных образовательных учреждениях фактов нарушений прав учащихся на свободное мировоззренческое самоопределение, прав их родителей позволяет обобщенно выделить следующие направления и формы противоправного вторжения (проникновения) в систему образования религиозных объединений, представляющих опасность для личности и общества и систематически нарушающих законодательство Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина¹⁵:

- распространение в государственных и муниципальных образовательных учреждениях учебно-методических пособий и иных материалов (пособие «Мозаика культур», пособия «Церкви объединения» С.М. Муна, пособия религиозных объединений т.н. «ноосферитов» и др.), навязывающих элементы религиозных вероучений или религиозных идеологий («ноосферное образование», т.н. «светский гуманизм», рериховская «гуманная педагогика» и пр.), не востребуемых учащимися и их родителями (законными представителями), то есть при отсутствии добровольного согласия учащихся и их родителей (законных представителей);

---

¹⁵ Подробнее см.: Право против ксеноморфов в области общественной нравственности: Методология противодействия: Сборник материалов / Отв. ред. и сост. д.ю.н., проф. М.Н. Кузнецов, д.ю.н. И.В. Понкин. – М., 2007. – 454 с.; Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. – М., 2005. – 216 с.; Метастазы оккультизма в системе образования: Аналитическое исследование. – М.: Паломник, 1999. – 95 с.; Галицкая И.А., Метлик И.В. Новые религиозные культы и школа: пособие для руководителей образования и учителей. – М.: Сентябрь, 2001. – 160 с.; Куликов И. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. – Изд. 3-е, дополн. и перераб. – Том 2. Оккультизм. Часть 1. – М., 1999. – 596 с.; Центр «Холис» – угроза обществу: вопросы и ответы о преступной деятельности Центра «Холис» в школах Екатеринбурга / Сост. Н.Г. Храмова, Г.С. Авдюшин, А.В. Панибратцев. – Екатеринбург, 2006.

- навязывание учащимся элементов религиозных вероучений через устную пропаганду представителями (в том числе вовлеченными преподавателями образовательных учреждений) неволевыми учащимися и их родителями (законными представителями) религиозных объединений во время учебных занятий или внеурочных мероприятий как в помещениях образовательных учреждений, так и вне таковых («Духовно-родовая Держава Русь», «Церковь объединения» С.М. Муна, религиозные объединения последователей Рерихов, «Анастасия», «Свидетели Иеговы»);

- навязывание учащимся религиозных практик неволевыми ими и их родителями (законными представителями) религиозных объединений или принуждение учащихся к выполнению каких бы то ни было религиозных обрядов и ритуалов, включая разновидности религиозной медитации и йоги (раджа-йога, агни-йога и т. д.), «магические ритуалы», иные оккультные техники, связанные с так называемыми «чакрами», «третьим глазом» и проч., имеющие отношение к религиозным верованиям;

- принудительное вовлечение учащихся в неволевыми ими и их родителями (законными представителями) религиозные объединения посредством принуждения к участию в мероприятиях таких религиозных объединений (концерты, праздничные или иные культурно-просветительские, образовательные, спортивные, оздоровительные, задекларированные как направленные на борьбу с наркоманией, алкоголизмом и моральной распущенностью и прочие мероприятия), проводимых как в помещениях образовательных учреждений, так и вне таковых («Церковь объединения» С.М. Муна в лице Федерации «Семьи за единство и мир во всем мире», Международный фонд «Надежда по всему миру» и др.);

- навязывание учащимся элементов религиозных вероучений или идеологий под видом полового воспитания (просвещения) или профилактики наркопотребления (екатеринбургский центр «Холис», «Церковь объединения» С.М. Муна в лице Федерации «Семьи за единство и мир во всем мире» и др.);

- навязывание в практику деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений «праздников», чуждых российской национальной культуре или имеющих непосредственное отношение к неволевым учащимся и их родителями (законными представителями) религиозным учениям или/и объединениям («хэллоуин», «день святого Валентина»); принуждение учащихся к посещению таковых празднований;

- навязывание учащимся элементов религиозных вероучений или идеологий под видом религиозоведческого обучения¹⁶.

---

¹⁶ Очевидно, что основы знаний о крупнейших религиях должны преподаваться детям в школе, однако здесь речь идет именно о фактах навязывания религиозных вероучений (под видом религиозоведения) как форме нарушения свободы совести (вероучение Рерихов, вероучение «Церкви объединения» С.М. Муна и пр.).

Между тем, попытки обосновать свободой совести возможность религиозного объединения вести ни чем не ограниченную пропаганду не имеют под собой правовых оснований.

Статья 28 Конституции Российской Федерации определяет правовое содержание свободы совести и свободы вероисповедания. Вместе с тем свободу совести и свободу вероисповедания нельзя трактовать как обязанность гражданина выслушивать и воспринимать пропаганду со стороны любого религиозного объединения. В соответствии со статьей 28 Конституции Российской Федерации, каждый вправе свободно распространять религиозные и иные убеждения, однако этому праву не корреспондирует обязанность других граждан выслушивать пропаганду этих религиозных и иных убеждений.

Более того, часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации закрепляет: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Эта конституционная норма определяет, что невозможно абсолютизировать субъективные права (тем более, выдаваемые за них частные интересы) отдельных граждан, игнорируя права всех остальных.

Поэтому утверждения о том, что, отказывая представителям религиозного объединения в проведении пропагандистского мероприятия в государственном (муниципальном) образовательном учреждении (если нет соответствующего запроса со стороны учащихся и их родителей или законных представителей), руководители учреждения ущемляют свободу совести, лишены оснований, так как здесь основным является соблюдение прав учащихся образовательного учреждения и их родителей (законных представителей). Протесты представителей религиозных объединений против полученного отказа в данном случае есть злоупотребление правом.

Распространение в государственных и муниципальных образовательных учреждениях учебно-методических и иных материалов, навязывающих элементы религиозных вероучений (религиозно-философских воззрений) религиозных объединений, при отсутствии добровольного согласия учащихся и их родителей (законных представителей), а также иные формы навязывания учащимся государственных и муниципальных образовательных учреждений элементов религиозных вероучений и религиозных практик представителями (в том числе вовлеченными преподавателями) таких неостребованных учащимися и их родителями (законными представителями) религиозных объединений является:

1. Грубейшим нарушением законодательства Российской Федерации, а именно:

- статьи 14 Конституции Российской Федерации, устанавливающей светскость Российского государства, и статьи 28 Конституции, гарантирующей свободу совести и вероисповедания¹⁷;

---

¹⁷ Согласно пункту 6.4 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 38 от 22.06.2001 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», органам прокуратуры предписано «обеспечить надзор за соблюдением конституционного принципа светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, прав

- пункта 4 статьи 2 Закона РФ «Об образовании», устанавливающего светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях: «*Государственная политика в области образования основывается на следующих принципах... светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях*», а также дублирующего эту норму пункта 2 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: «*В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство... обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях*»;

- пункта 5 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» о запрете вовлечения в религиозные объединения малолетних вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих;

- пункта 1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (с послед. изменениями), устанавливающего в качестве целей государственной политики в интересах детей содействие физическому, интеллектуальному, **психическому, духовному и нравственному развитию детей**; пункта 1 статьи 14 «Защита ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию» указанного Федерального закона, устанавливающего, что органы государственной власти Российской Федерации принимают меры **по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию**, в том числе от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроductии, пропагандирующей насилие и жестокость, порнографию, антиобщественное поведение;

- пункта 1 статьи 2 Закона РФ «Об образовании», устанавливающего, что государственная политика Российской Федерации в области образования основывается на **принципах гуманистического характера** образования, приоритета общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; воспитания любви к семье;

- статьи 11 Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (с послед. изменениями), закрепляющую права каждого человека на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством его культурной самобытности.

2. Грубейшим нарушением прав и свобод учащихся этих образовательных учреждений, а именно:

- свободы мысли, убеждений и вероисповедания (статья 28, части 1 и 3 статьи 29 Конституции Российской Федерации; пункт 1 статьи 5 Закона РФ «Об образовании»; статья 3 Федерального закона «О свободе

совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (с послед. изменениями));

- права на защиту от дискриминации (часть 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации);

- прав на психическое, духовное и нравственное развитие (пункт 1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»);

- прав на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от распространения печатной продукции, аудио- и видео-продукции, пропагандирующей порнографию и антиобщественное поведение (пункт 1 статьи 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»);

- прав на обеспечение интеллектуальной, нравственной, психической безопасности, безопасности жизни, охраны здоровья, нравственности ребенка, на защиту их от негативных воздействий (пункты 2 и 3 статьи 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»);

- прав на особую заботу, в том числе правовую защиту, специальную охрану и заботу ввиду их (детей) физической и умственной незрелости (преамбула Конвенции о правах ребенка);

- прав на защиту от информации и материалов, наносящих вред их благополучию (пункт «е» статьи 17 Конвенции о правах ребенка);

- прав на гармоничное развитие на основе традиций и культурных ценностей своего народа, на духовное и нравственное развитие и на защиту от безответственного сексуального поведения взрослых (преамбула Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающихся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии¹⁸);

- прав на национально-культурную и религиозную идентичность – включая право на национально-культурную и мировоззренческую, в том числе религиозную, самоидентификацию и самобытность, на сохранение национальной культуры, на культурное развитие, на доступ к культурным ценностям и на участие в культурной жизни, право народов на самоопределение и свободное установление и осуществление своего культурного развития; право на духовное благополучие; право на духовное развитие в условиях свободы и достоинства; право на духовное развитие ребенка; право родителей на выбор воспитания и образования для своих малолетних детей; право на воспитание в ребенке уважения к его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает; право на повышение духовного уровня жизни;

- комплекса прав в области образования – включая право на самоопределение личности и создание условий в государственных и муниципальных образовательных учреждениях для ее самореализации (пункт 1 статьи 14 Закона РФ «Об образовании»); право на получение в

---

¹⁸ Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25.05.2000.

государственных и муниципальных образовательных учреждениях образования, содержание которого обеспечивает интеграцию личности в национальную и мировую культуру, формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества (пункт 2 статьи 14 Закона РФ «Об образовании»; часть 1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (с послед. изменениями)); право на формирование у обучающегося адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы (ступени обучения) картины мира (пункт 2 статьи 14 Закона РФ «Об образовании»); право ребенка воспитываться своими родителями и на защиту его прав и законных интересов (часть 2 статьи 54 и часть 1 статьи 56 Семейного кодекса Российской Федерации); право ребенка на такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (часть 2 статьи 3 Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 г.);

- права на защиту от нарушения прав и свобод при реализации другими лицами своих прав и свобод (часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации);

- права на защиту от принуждения к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (часть 2 статьи 20 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; часть 2 статьи 30 Конституции Российской Федерации; пункт 15 статьи 50 Закона РФ «Об образовании»; пункт 5 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Что касается норм международного права, то, в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, указанные нормы международных актов о правах человека являются составной частью правовой системы Российской Федерации, а потому имеют прямое действие¹⁹.

3. Грубейшим нарушением прав родителей (законных представителей) учащихся этих образовательных учреждений, таких, как:

- преимущественное право родителей на нравственное воспитание и охрану здоровья собственных детей (пункт 4 статьи 18 Международного Пакта о гражданских и политических правах²⁰; пункт 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах²¹; статья 5, пункт 2 статьи 14, пункт 1 статьи 18 Конвенции о правах ребенка²²; часть 2 статьи 38 Конституции Российской Федерации; пункт 1

¹⁹ См. также: Постановление № 5 Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003.

²⁰ Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966. Вступил в силу 23.03.1976.

²¹ Принят и открыт для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 2200 А (III) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966. Вступил в силу 03.01.1976.

²² Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989. Вступила в силу 02.09.1990. Конвенция подписана СССР 26.01.1990, ратифицирована ВС СССР 13.06.1990. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 16.08.1990.

статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (с послед. изменениями), части 2 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

- право родителей на выбор воспитания и образования для своих малолетних детей (часть 3 статьи 26 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.; часть 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г.; часть 4 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.; статья 5 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981 г.; пункт «b» части 1 статьи 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.; статья 2 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20.03.1952 г.; часть 2 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»; часть 1 статьи 52 Закона РФ «Об образовании»);

- право на защиту законных прав и интересов своего ребенка (пункт 1 статьи 52 Закона РФ «Об образовании»; часть 1 статьи 64 Семейного кодекса Российской Федерации; часть 2 статьи 7 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ);

- право на участие в управлении образовательным учреждением (пункт 1 статьи 52 Закона РФ «Об образовании»);

- право на защиту семьи обществом и государством (часть 3 статьи 16 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г.).

В частности, пункт 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает, что родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами.

Использование отдельными религиозными объединениями²³ методов контроля сознания в отношении несовершеннолетних (по существу, представляющих собой психологическое насилие) без их согласия и без разрешения и даже без информирования их родителей не только неэтично, но и, более того, незаконно и противоправно, нарушает:

- статью 7 Международного Пакта о гражданских и политических правах, согласно которой ни одно лицо не должно без его добровольного согласия подвергаться медицинским или научным опытам;

- статью 5 Всеобщей декларации прав человека, устанавливающую, что никто не должен подвергаться бесчеловечному и унижающему его достоинство обращению;

---

²³ Подробно факты см. в: Право против ксеноморфов в области общественной нравственности: Методология противодействия: Сборник материалов / Отв. ред. и сост. д.ю.н., проф. М.Н. Кузнецов, д.ю.н. И.В. Понкин. – М.: Региональный фонд поддержки мира и стабильности во всем мире; Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007. – 454 с.

- часть 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации и пункт 4 статьи 50 Закона РФ «Об образовании», устанавливающие гарантии защиты человеческого достоинства;

- часть 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации, устанавливающую, что никто не должен подвергаться насилию или унижающему человеческое достоинство обращению, никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам;

- статью 24 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.07.1993 № 5487-1 (с изм., согл. Федеральных законов от 02.03.1998 № 30-ФЗ, от 20.12.1999 № 214-ФЗ, от 02.12.2000 № 139-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 27.02.2003 № 29-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ (ред. 29.12.2004), от 01.12.2004 № 151-ФЗ, от 07.03.2005 № 15-ФЗ, с изм., внесенными Указом Президента РФ от 24.12.1993 № 2288), устанавливающую **права несовершеннолетних** – больных наркоманией в возрасте старше 16 лет, иных несовершеннолетних в возрасте старше 15 лет **на добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него**, а также абзацы 1 и 3 статьи 32 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, согласно которым необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие гражданина, при этом согласие на медицинское вмешательство в отношении лиц, не достигших указанного выше возраста, дают их законные представители;

- часть 3 статьи 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 № 3185-1 (с изм. и доп., согл. ФЗ от 21.07.1998 № 117-ФЗ, от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 10.01.2003 № 15-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ), согласно которой **медицинские средства и методы** применяются только в диагностических и лечебных целях в соответствии с характером болезненных расстройств и **не должны использоваться в интересах других лиц**;

- часть 1 статьи 10 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которой **гражданин не может подвергаться медицинскому вмешательству только по причине его несогласия с моральными «ценностями»** или по иным причинам, непосредственно не связанным с состоянием его здоровья; согласно преамбуле указанного Закона РФ, отсутствие должного законодательного регулирования психиатрической помощи может быть одной из причин использования ее в немедицинских целях, наносить ущерб здоровью, человеческому достоинству и правам граждан;

- часть 3 статьи 11 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которой согласие на оказание несовершеннолетнему в возрасте до 15 лет психиатрической помощи дается его законными представителями;

- пункты 1 и 3 статьи 30 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, устанавливающие права

пациента при обращении за медицинской помощью и ее получении на уважительное и **гуманное отношение** со стороны медицинского и обслуживающего персонала, а также на обследование, лечение и содержание в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям;

- статью 43 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, устанавливающую, что в практике здравоохранения используются методы профилактики, диагностики, лечения, медицинские технологии, разрешенные к применению в установленном законом порядке; что не разрешенные к применению, но находящиеся на рассмотрении в установленном порядке методы диагностики, лечения могут использоваться в интересах излечения пациента только после получения его добровольного письменного согласия; что не разрешенные к применению, но находящиеся на рассмотрении в установленном порядке методы диагностики, лечения и лекарственные средства могут использоваться для лечения лиц, не достигших возраста, установленного частью второй статьи 24 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, только при непосредственной угрозе их жизни и с письменного согласия их законных представителей; пропаганда методов профилактики, диагностики и лечения, не прошедших проверочных испытаний в установленном законом порядке, запрещается;

- пункт 1 статьи 51 Закона РФ «Об образовании», обязывающий образовательное учреждение создавать условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья обучающихся, воспитанников;

- статью 19 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, устанавливающую право граждан на информацию о факторах, оказывающих вредное влияние на здоровье;

- пункты 1 и 5 статьи 2 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, устанавливающие, что основными принципами охраны здоровья граждан являются: соблюдение прав человека и гражданина в области охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий, а также ответственность органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности, должностных лиц за обеспечение прав граждан в области охраны здоровья;

- часть 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации, а также статьи 1 и 17 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, закрепляющие права граждан на охрану здоровья и гарантии таких прав, в том числе право на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека;

- пункт 1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», устанавливающий, что одной из целей государственной политики в интересах детей является содействие их психическому и нравственному развитию;

- пункт 1 статьи 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», устанавливающий право ребенка

на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью.

Представители ряда религиозных объединений, насчитывающих несущественное количество верующих, но ориентированных на массовые прозелитические мероприятия среди несовершеннолетних с использованием некорректных и неправомερных способов, игнорируя их свободу вероисповедания, связанные с ней права и законные интересы, а также игнорируя права их родителей, неоднократно осуществляли попытки через неправомерно содействующих такой их деятельности государственных служащих исключить указанную норму-запрет из комментируемого Закона.

Так, в 2002–2004 гг. А.Е. Себенцов предлагал внести такое изменение в пункт 5 статьи 3, которое привело бы к массовым нарушениям прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних и их родителей. Предлагаемый А.Е. Себенцовым вариант пункта 5 статьи 3 звучал следующим образом: *«Привлечение малолетних детей к участию в богослужениях, религиозных обрядах, церемониях и иной деятельности религиозных объединений, включая обучение малолетних религии, допускается при отсутствии возражений родителей или лиц, их заменяющих».*

Совершенно очевидно, что предлагаемая А.Е. Себенцовым формулировка кардинально отличается от действующей нормы, закрепляющей императивный запрет на вовлечение малолетних в религиозные объединения и на обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих. А.Е. Себенцов настойчиво предлагает изменить запрет на дозволение, допускающее такое вовлечение при *«отсутствии возражений родителей или лиц, их заменяющих».*

Формулировка *«при отсутствии возражений родителей или лиц, их заменяющих»* предполагает реакцию (или отсутствие такой реакции) родителей уже после совершения в отношении их детей действий, направленных на привлечение малолетних детей к участию в богослужениях, религиозных обрядах, церемониях и иной деятельности религиозных объединений, включая обучение малолетних религии. Однако значительное число родителей сегодня мало интересуются школьными делами своих детей. Таких достаточно много в силу разных причин – загруженность на работе, семейные неурядицы и пр. Многие родители не сразу разберутся, что за навязываемой их детям «духовностью» стоит неоиндуистское религиозное объединение «Брахма Кумарис», а за предлагаемыми программами «нравственности и целомудрия» – «Церковь объединения» С.М. Муна в лице Федерации «Семьи за единство и мир во всем мире».

Сегодня и так практически полностью игнорируется мнение родителей учащихся руководством образовательных учреждений и учительским корпусом, активно допускающими к учащимся всевозможные религиозные секты. Если норма будет изменена на предлагавшийся А.Е. Себенцовым вариант, то это приведет к массовым нарушениям прав учащихся и их родителей.

Характерны комментарии, сопровождающие предложения А.Е. Себенцова и должные, по его мнению, дать исчерпывающие разъяснения, зачем нужно то или иное дополнение или изменение. Но не дают. Например, есть такое обоснование: «*Из практики нелепых запретов*» (к пункту 3 статьи 5). Однако с «нелепыми запретами» нужно бороться посредством привлечения к ответственности чиновников, осуществляющих такие неправомерные запреты, а не нормативным закреплением положений, объективно способствующих массовым нарушениям свободы совести.

Учитывая сказанное, указанное предложение А.Е. Себенцова ни в коем случае не может быть принято.

6. Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, запрещается и преследуется в соответствии с федеральным законом. Проведение публичных мероприятий, размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан, вблизи объектов религиозного почитания запрещаются.

Данный пункт содержит гарантии свободы совести, как защищая религиозные объединения и их верующих от противоправных посягательств, направленных на воспрепятствование проведению религиозных обрядов и церемоний, иных форм правомерной деятельности законно действующих религиозных объединений, так и защищая граждан от противоправных посягательств религиозных объединений, осуществляющих возбуждение религиозной вражды, насилие над гражданами.

Законодательство не содержит уточнения понятия «вблизи» – применительно к объектам религиозного почитания. Не ясно также, что такое «объект религиозного почитания». Имеются ли в виду какие-то предметы религиозного почитания (иконы в православии), либо же здания религиозного назначения, комментируемый Закон ответа не дает. Можно предположить, что в данном случае при возникновении конфликтной ситуации будет использоваться в качестве основы для принятия решения правовой обычай (какое расстояние от объекта обычно воспринимается как вблизи него и используется в правовых спорах), а сама ситуация будет рассматриваться по существу.

Данный пункт не содержит оснований для разрешения конфликта между двумя рядом расположенными религиозными организациями, когда вполне обычные действия верующих одной организации будут субъективно восприниматься верующими другой организации как оскорбление их религиозных чувств или будут объективно являться таким оскорблением, но совершаемым невиновно.

Данная норма, представляющая собой одну из гарантий свободы совести и свободы вероисповедания, является сложносоставной и должна рассматриваться совместно со следующими нормами:

части 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации, устанавливающей запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание религиозной розни;

части 2 статьи 29 Конституции Российской Федерации, устанавливающей запрет пропаганды или агитации, возбуждающей религиозную ненависть и вражду;

статьи 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с послед. изменениями), устанавливающей административную ответственность за воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него, а также за оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики;

статьи 148 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с послед. изменениями), устанавливающей уголовную ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов;

статьи 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей уголовную ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признаку отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, а также за такие деяния, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения; лицом с использованием своего служебного положения; организованной группой;

статьи 14 комментируемого Закона.

На практике нормы о запрещении религиозной ненависти и вражды реализуются крайне редко, правоприменительная практика по этому вопросу очень сложна и недостаточна.

Этому, в немалой степени, способствуют двойные стандарты в этой области, практикуемые отдельными сообществами философов-религиоведов, которые готовы оправдать любые откровенно расистские призывы, положения, явно направленные на возбуждение религиозной ненависти и вражды и на унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии.

Приведем для примера несколько цитат из вероучительных источников ряда религиозных объединений.

Так, в религиозном объединении «Фалуньгун» публично распространяются информационные материалы, в которых все люди вне их объединения оскорбительно объявляются неполноценными – «отребьем с неясным интеллектом»²⁴, «вырождающимися старыми жизнями»²⁵, «злыми подонками»²⁶, «самыми отъявленными и самыми злыми подонками»²⁷, «принадлежащими к дьявольскому полю»²⁸, «злойной средой, в среде, которая наполнена дьявольскими факторами»²⁹, «злыми жизнями»³⁰, «дьяволами»³¹, «силами зла»³², «дьявольское и порочное»³³, «подлое отребье мира людей»³⁴ и пр. В книгах Ли Хунчжи содержится множество такого рода утверждений: «Если тело человека не имеет Юаньшэнь..., то оно всего-навсего кусок мяса. Такого человека нельзя считать цельной индивидуальной личностью»³⁵; «Потому что человечество сейчас разлагается. Везде дьяволы»³⁶; «А мирские злодеи, находящиеся на самом поверхностном уровне, скоро заплатят за все свои грехи. Они будут полностью уничтожены в процессе Исправления Человечества по Закону»³⁷; «Цивилизация человечества будет уничтожена. Это не то, что несправедливо, а то, что человек не годится сам по себе»³⁸; «Все человеческое общество находится на одном уровне. С точки зрения сверхспособностей или великих просветленных, падение человечества уже дошло до такой прискорбной степени, когда эти живые существа должно уничтожить»³⁹; «Было заранее запланировано, что многие жизни на самых разных уровнях, не будут допущены к участию в ходе Исправления Законом, чтобы не мешать осуществлению их планов... Те, кто участвуют в этом комплексе, являются теми жизнями во Вселенной, которые подлежат отсеву, и которые являются наихудшими, самыми ужасными жизнями... Уже с самого начала мне было известно, что старые силы будут мешать нам »⁴⁰. Согласно

²⁴ Ли Хунчжи. Устранить помехи. 5 июля 2000 г. // www.falundafa.ru/JW-PCGR.html.

²⁵ Ли Хунчжи. Проповедь Закона на Конференции во Флориде, США. 29 декабря 2001 г. // www.falundafa.ru/k29122001.htm.

²⁶ Ли Хунчжи. Лекция Закона на Вашингтонской международной конференции 21 июля 2001 г.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Ли Хунчжи. Фалунь Дафа. С.93; Ли Хунчжи. Лекция Закона на Вашингтонской международной конференции 21 июля 2001 г.

³² Ли Хунчжи. Лекция Закона на Вашингтонской международной конференции 21 июля 2001 г.

³³ Ли Хунчжи. Идти к полному совершенству. 16.06.2000 // www.ru-enlightenment.org/docs/Jinwen/zouxiangyuanman.htm, 9.03.2002.

³⁴ Там же.

³⁵ Ли Хунчжи. Фалунь Дафа. С.257.

³⁶ Там же. С.93.

³⁷ Ли Хунчжи. Устранить последнее пристрастие. 12 августа 2000 г. // www.falundafa.ru/JW-QDZHDZZ.html.

³⁸ Ли Хунчжи. Проповедь в г. Нью-Йорке 23 марта 1997 г.

³⁹ Ли Хунчжи. Фалунь Дафа. С.11-12.

⁴⁰ Ли Хунчжи. Лекция Закона на Вашингтонской международной конференции 21 июля

заклучению отдельных религиоведов, «Фалуныгун» – вполне законопослушное религиозное объединение.

В религиозном объединении «Свидетели Иеговы» «козлоподобными» и просто «козлами» (авторский текст составителей распространяемых информационных материалов) публично объявляются все, кто не состоит в этом религиозном объединении и не разделяет принятые в нем взгляды⁴¹: *«Иисус предсказал, что в наши дни все человечество будет разделено на овцеподобных и козлоподобных людей. “Овцы” - те, которые любят его и его братьев. “Козлы” же, наоборот, не любят ни его, ни его братьев. “Овцы” получают вечную жизнь, “козлы” же нет. Это разделение проводится путем проповедования благой вести о Царстве»*⁴²; *«Козлы – это упрямые люди, отвергающие братьев Христа и не поддерживающие Божье правление»*⁴³; *«Насколько же по-иному все кончится для “козлов”!»*⁴⁴.

Международное общество сознания Кришны осуществляет публичное распространение информационных материалов, содержащих пропаганду следующих возбуждающих религиозную вражду положений: *«Обыкновенного человека, лишённого духовных знаний. “Шримад-Бхагаватам” причисляет к категории собак, свиней, верблюдов и ослов, и это отнюдь не преувеличение. Вожди таких невежественных людей очень гордятся тем, что ими восхищается такое количество собак и свиней, но самом деле в этом нет ничего лестного для них. “Бхагаватам” открыто провозглашает, что тот, кто не проявляет желанья постичь науку о Кришне – будь он даже великий лидер человекоподобных собак и свиней, – по сути дела, является животным. Он может быть могущественным, сильным или большим животным, но, с точки зрения “Шримад-Бхагаватам”, в силу атеистического склада его ума такого лидера нельзя считать человеком. Иначе говоря, подобные собакам и свиньям лидеры-атеисты – это всего-навсего более крупные животные, у которых лишь ярче выражены животные качества»*⁴⁵; *«Человек имеет право зачать сотни детей..., но только при том условии что сможет воспитать всех своих детей в сознании Бога. В противном случае, зачиная детей, он мало чем отличается от свиней. Свиньи в этом отношении даже более искусны, чем люди, потому что в одном приплоде свиньи может быть до двенадцати поросят, тогда как у человека, как правило, рождается только один ребенок»*⁴⁶; *«Язык дан человеку специально для того, чтобы петь ведические гимны, а не для*

2001 г.

⁴¹ Подробнее см.: Комплексное экспертное заключение от 29.06.2001 о вероучении и деятельности объединения «Свидетели Иеговы» в российском обществе, выполненное по запросу Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

⁴² Правительство, которое принесет Рай / Watchtower Bible and Tract Society of New York. – Brooklyn, New York, U.S.A., 1993. – С. 23.

⁴³ На самом ли деле Бог заботится о нас? / Watchtower Bible and Tract Society of New York. – Brooklyn, New York, U.S.A., 1992. – С. 31.

⁴⁴ сторожевая башня. – 01.05.1999. – С. 13.

⁴⁵ Шримад-Бхагаватам. – Песнь 2, комм. к т. 19 гл. 3.

⁴⁶ Шримад-Бхагаватам. – Песнь 2, комм. к т. 26 гл. 10.

того, чтобы квакать, подобно лягушке... Проститутка не может похвастаться женскими добродетелями. Аналогично этому, язык, который дан человеку для пения ведических гимнов, но вместо этого повторяет мирскую чепуху, становится похожим на проститутку»⁴⁷ (эти высказывания написаны несколько десятилетий назад и распространяются в настоящее время).

Министерство юстиции Российской Федерации и его региональные органы зарегистрировали по всей России множество религиозных объединений как кришнаитов, так и иеговистов, основываясь на ложных выводах религиоведческих экспертиз, подготовленных людьми, не компетентными определять наличие или отсутствие положений, возбуждающих религиозную вражду в представленных на экспертизу материалах (такую оценку компетентна выполнить только смешанная комиссия, включающая в себя лингвиста, психолога, юриста, в некоторых случаях – философа-религиоведа – специалиста по вероучению данного религиозного объединения или по данной группе религий).

Ярчайшим примером унижения человеческого достоинства по признаку отношения к религии и оскорбления религиозных чувств верующих сегодня является развязанная в СМИ антиправославная информационная кампания, сопровождающаяся жесткими оскорблениями и унижительными ложными обвинениями в адрес православных верующих и Русской Православной Церкви. Так, В. Гинзбург в одном из своих газетных интервью сделал следующее оскорбительное, направленное на унижение человеческого достоинства православных верующих заявление: *«А преподавая религию в школах, эти, мягко говоря, сволочи церковные хотят заманить души детей»⁴⁸*. К сожалению, органы прокуратуры стараются не замечать подобного рода преступные действия.

7. Тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди.

Закрепленная пунктом 7 статьи 3 норма представляет собой важнейшую гарантию свободы совести.

Исповедь – религиозный (в христианстве) обряд покаяния в грехах перед священнослужителем и получение от него (через него) отпущения грехов.

Данная норма корреспондирует пункту 4 части 3 статьи 56 «Свидетель» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с послед. изменениями), устанавливающему, что священнослужитель не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди.

В принципе, эта норма предполагает возможность добровольного рассказа священнослужителем об обстоятельствах, ставших ему

⁴⁷ Шримад-Бхагаватам. – Песнь 2, комм. к т. 20 гл. 3.

⁴⁸ Гинзбург. В. Влияние церкви на школу // Вести образования. – 1–15.02.2007. – № 3.

известными из исповеди. Например, священник может рассказать о том, относительно чего с ним советовался в исповеди человек, жестоко убитый, либо покончивший собой вскоре после этого, если сочтет, что передача этих обстоятельств (части ставшей ему известной из исповеди информации, о высказанных этим человеком опасениях, страхах, раздававшихся в его адрес угрозах и т.п.) этически корректна по отношению к покойному, не нанесет вреда его имени и доброй памяти о нем.

Вместе с тем, пункт 7 устанавливает законодательную защиту тайны исповеди, что означает не только далее в том же пункте 7 закрепленный запрет на привлечение священнослужителя к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди, но и запрет требования от священнослужителя предоставления такой информации и возможность привлечения должностных лиц за такого рода неправомерные требования к ответственности.

Следует отметить, что тайна исповеди не только распространяется на вопросы дачи показаний правоохранительным органам, но и в качестве обязанности священнослужителя дополнительно устанавливается по ряду вопросов законодательством (например, тайна усыновления).

Статья 4. Государство и религиозные объединения

1. Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Пункт 1 статьи 4 дублирует конституционные нормы статьи 14 Конституции Российской Федерации.

Принцип светскости государства – это один из основополагающих принципов построения и функционирования современного правового государства в большинстве стран мира. Часть 1 статьи 14 Конституции Российской Федерации устанавливает, что Российская Федерация – светское государство, и закрепляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, фундаментальный принцип построения и функционирования современного Российского государства.

Конституционно-правовой институт светскости государства в Российской Федерации представляет собой совокупность взаимосвязанных различных по юридической силе норм – конституционных норм более высокой юридической силы по отношению к нормам других статей Конституции, а также норм федеральных законов.

Общественная значимость светскости государства в Российской Федерации отражена в особой защите принципа светскости государства и признании фундаментального конституционного значения этого принципа как одной из основ конституционного строя Российской Федерации.

Статьи 16 и 135 Конституции Российской Федерации закрепляют особо усложненный для реализации порядок пересмотра главы 1

Конституции «Основы конституционного строя», включая статью 14, устанавливающую светскость государства в Российской Федерации. Статья 16 Конституции Российской Федерации устанавливает, что положения первой главы Конституции составляют основы конституционного строя Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией, никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

Придание конституционным нормам, закрепляющим основы конституционного строя Российской Федерации (статьи 1–16), более высокой юридической силы по отношению к нормам других статей Конституции показывает, что светскости государства, обеспечивающей защиту ценностей демократического общества, равно как и иным основам конституционного строя Российской Федерации, придается особое значение, проявляющееся, в частности, в особой защите светскости как характеристики государства и признании фундаментального конституционного характера этой характеристики как одной из основ конституционного строя Российской Федерации.

Принцип светскости государства как одна из основ конституционного строя Российской Федерации, непосредственно установленный и гарантированный статьей 14 Конституции Российской Федерации и усиленный частями 1, 2 и 3 статьи 13 Конституции, непосредственно связан и корреспондирует другим основам конституционного строя – принципу правового государства (часть 1 статьи 1); принципу высшего приоритета прав и свобод человека и гражданина (признания человека, его прав и свободы высшей ценностью – статья 2); принципу народовластия (часть 1 статьи 3); принципу суверенитета Российской Федерации (часть 1 статьи 4, часть 1 статьи 3); принципу верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации (часть 2 статьи 4, части 1 и 2 статьи 15); приоритета международного права (часть 4 статьи 15).

Принцип светскости государства непосредственно взаимосвязан с целым рядом конституционных гарантий прав и свобод человека:

- гарантия свободы совести, свободы вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (статья 28);
- гарантии прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией (часть 1 статьи 17);
- гарантия неотчуждаемости основных прав и свобод человека, принадлежащих каждому от рождения (часть 3 статьи 17);
- гарантия недопустимости нарушения кем бы то ни было прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав и свобод человека и гражданина (часть 3 статьи 17);
- гарантии того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл,

содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18);

- гарантия равенства всех перед законом и судом (часть 1 статьи 19);

- гарантия равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; гарантия недопустимости всех форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (часть 2 статьи 19);

- гарантия равенства прав и свобод мужчины и женщины и равных возможностей для их реализации⁴⁹ (часть 3 статьи 19);

- гарантия охраны государством достоинства личности, гарантия недопустимости умаления достоинства личности на каком бы то ни было основании (часть 1 статьи 21);

- гарантия каждому свободы мысли и слова, запрет на принуждение кого бы то ни было к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (части 1 и 3 статьи 29);

- гарантия недопустимости создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание религиозной розни; гарантия недопустимости пропаганды или агитации, возбуждающей религиозную ненависть и вражду (часть 5 статьи 13, часть 2 статьи 29);

- гарантия права каждого на объединение для защиты своих интересов, гарантия свободы деятельности общественных объединений (часть 1 статьи 30);

- гарантия недопустимости принуждения кого бы то ни было к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (часть 2 статьи 30);

- гарантия прав граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе (часть 4 статьи 32);

- гарантия права каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (часть 2 статьи 44);

- гарантия сохранения исторического и культурного наследия, сбережения памятников истории и культуры (часть 3 статьи 44);

- гарантия государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (часть 1 статьи 45);

- гарантия права каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45);

- гарантия судебной защиты прав и свобод каждого (часть 1 статьи 46);

---

⁴⁹ Данная норма, в том числе, гарантирует недопустимость дискриминации женщин по религиозным мотивам.

- гарантия права на обжалование в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (часть 2 статьи 46);

- гарантия права каждого на обращение в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (часть 3 статьи 46);

- гарантия того, что перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (часть 1 статьи 55);

- гарантия недопустимости издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (часть 2 статьи 55);

- гарантия того, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (часть 3 статьи 55).

Кроме того, конституционно-правовой институт светскости государства в Российской Федерации включает в себя совокупность норм различных федеральных законов (Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», Уголовный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и др.⁵⁰), конкретизирующих или дополняющих правовые требования, составляющие существенные признаки или элементы существенных признаков светскости государства.

Термин «светскость» сегодня является наиболее часто употребляемым в спорах по вопросам отношений государства и религиозных объединений.

Существующие многочисленные интерпретации принципа светскости государства свидетельствуют о том, что светскость – достаточно сложное понятие.

Об этом же свидетельствуют решения Европейского суда по правам человека, многочисленные судебные решения в различных странах мира и России. Из наиболее показательных в этом отношении решений Европейского суда по правам человека можно выделить: решение от 27 июня 2000 г. по делу «Шаар Шалом Тседек против Франции», решение от 13 февраля 2003 г. по делу «Партия процветания» и другие против Турции», решение от 26 сентября 1995 г. по делу «Фогт против Германии», решение от 15 февраля 2001 г. по делу «Далаб против Швейцарии», решение от 1 июля 1997 г. по делу «Калас против Турции», решение от 3 мая 1993 г. по делу «Карадэм против Турции» и др.

---

⁵⁰ См. выше.

Доклад от 11 декабря 2003 г. созданной президентом Франции летом 2003 г. Комиссии по светскости государства под руководством Бернара Стази утверждает, что светскость государства не враждебна и не оппозиционна традиционным духовно-нравственным и культурным ценностям страны, что светскость «спокойная, понимающая и мыслящая» уже давно пришла на смену детищу эпохи революционных потрясений. Принцип светскости государства, совмещающий в себе как предоставление прав, так и императивное требование исполнения обязанностей, сегодня является действенным инструментом раннего предотвращения межрелигиозных и межнациональных конфликтов. Но, как показывает опыт Франции, жесткие требования светскости должны дополняться «разумными приспособлениями», направленными на обеспечение достойной совместной жизни всех жителей⁵¹. И очень важно отметить, что появляющиеся во французском обществе серьезные проблемы дезинтеграции и социальных конфликтов устраняются не одними лишь запретами и «завинчиванием гаек», а комплексным правовым подходом, основанным на этом демократическом принципе. «Сохранить светскость государства и образования в государственных школах, но при этом видеть в мусульманской девочке в платке девочку-подростка, а не религиозную фанатичку» – вот, по сути, девиз французского подхода к осмыслению и пониманию светскости. Гордящаяся своими традициями светскости государства Франция призывает не ставить под сомнение историческое значение, которое в обществе имеют христианские ценности и культура⁵².

Формулируя содержание понятия светскости государства, следует иметь в виду независимость государственных институтов и религиозных объединений в соответствующих сферах их компетенции, принципиальное различие сфер компетенции (сфер деятельности, целей, задач, методов их решения) государства и религиозных объединений, а также иные значимые обстоятельства.

Так, государство не вмешивается в вопросы вероучительного характера, определения гражданами религиозной принадлежности, в религиозную деятельность и в вопросы внутренней самоорганизации религиозного объединения и др., а религиозные объединения не вмешиваются в вопросы государственного управления, в совокупность урегулированных правом политических, публично-властных отношений, устройство и деятельность органов государственной власти, иных государственных органов и учреждений, а также правовых и общественно-политических институтов.

Светскость, выражающаяся через отделение религиозных объединений от государства (а корректнее – разделение государства и таковых объединений), предполагает, что в религиозных вопросах

---

⁵¹ Rapport de la Commission de réflexion sur l'application du principe de laïcité dans la République remis au Président de la République, 11.12.2003. Commission présidée par Bernard Stasi. – Paris: La Documentation française, 2004. – P. 54.

⁵² Ibid. – P. 137.

верующие являются хозяевами у себя и для себя, а государство не позиционирует себя в качестве религиозного арбитра⁵³.

Можно выделить следующие **существенные признаки** (differentia specifica) **светскости государства**:

1. Отделение религиозных объединений от государства.
2. Недопустимость установления общеобязательной религии.

Очевидно, что одно лишь указание предложенных существенных признаков светскости государства явно недостаточно для полного описания содержания светскости государства, поэтому необходимо детально раскрыть эти признаки через характеризующие уже их признаки, что будет сделано ниже.

Рассматривая содержание светскости государства, можно говорить и о таком признаке светскости государства, как **светскость легитимности государства**.

В конституционном праве легитимностью (от лат. legitimus – законный) называется признание законности прав и полномочий органа государственной власти или высших должностных лиц, их строгое соответствие конституции и законно выраженной воле народа⁵⁴.

В данном контексте светскость легитимности государства – это социальная и правовая независимость легитимности государства от религиозных институтов и норм, недопустимость правового обуславливания или обоснования суверенитета и прав государства каким-либо предшествующим или высшим порядком или же авторитетом, имеющим религиозную природу. Это значит, что светское государство не нуждается в сакрализации, оправдывающей то, как государство возникло и существует.

По нашему мнению, данный признак не является существенным признаком светскости государства, вместе с тем, находя свое отражение в приведенных выше существенных признаках светскости государства.

Светскость государства (фр.: la laïcité de l'État) – конституционная характеристика государства, отражающая определенную независимость и баланс интересов государства и религиозных объединений в соответствующих сферах их компетенции, гарантированные правовыми требованиями отделения религиозных объединений от государства и недопустимости установления в государстве общеобязательной религии.

Светскость государства также направлена на обеспечение баланса интересов верующих и неверующих, религиозных объединений и других институтов гражданского общества в социально-политической, духовной, культурной и иных сферах жизни общества.

Соответственно, **светское государство** (фр.: l'État laïc; англ.: the secular State) – государство, обеспечивающее определенную независимость и баланс интересов государственных институтов и религиозных объединений в соответствующих сферах их компетенции, гарантированную правовыми требованиями отделения религиозных

⁵³ Разумеется, это не касается вопросов пресечения государством правонарушений, совершаемых религиозными объединениями и их членами.

⁵⁴ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА (НОРМА – ИНФРА-М), 2002. – С. 357.

объединений от государства и недопустимости установления в государстве общеобязательной религии.

Отделение религиозных объединений от государства – один из существенных признаков светскости государства, отражающий независимость государства и государственно-правовых отношений от религиозного санкционирования или давления, от подчинения государственной деятельности религиозным объединениям, от их вмешательства в совокупность урегулированных правом политических, публично-властных отношений, устройство и деятельность органов государственной власти, иных государственных органов и учреждений, а также правовых и общественно-политических институтов.

Существенные признаки (и одновременно правовые гарантии) отделения религиозных объединений от государства:

1). Независимость государства от религиозных объединений и независимость религиозных объединений от произвольного, не основанного на законе вмешательства государства:

- независимость формирования, устройства и деятельности государства, государственной правовой системы, государственно-правовых отношений, государственного управления, органов государственной власти, иных государственных органов и учреждений, от религиозного санкционирования или давления, от санкционирования или контроля религиозными объединениями, за исключением осуществления в соответствии с законодательством общественного контроля за выполнением государством своих функций;

- недопустимость произвольного, не основанного на законе вмешательства государства, его органов и должностных лиц в религиозную деятельность, во внутренние дела, включая вопросы внутреннего устройства, законно действующих религиозных объединений, а также в вопросы определения гражданами своего отношения к религии и в исповедание религии членами религиозных объединений.

2). Недопустимость смешения и подмены компетенции государства и религиозных объединений:

- запрет создания и деятельности в органах государственной власти, иных государственных органах и учреждениях подразделений религиозных объединений, а также одновременного замещения высших государственных (политических) должностей руководителями религиозных объединений;

- запрет создания в государственной судебной системе особых религиозных судов, а равно распространяющих свою юрисдикцию на всех граждан судов религиозных объединений, участия государства в реализации решений таких судов;

- недопустимость финансирования государством религиозной деятельности религиозных объединений.

3). Недопустимость вмешательства религиозных объединений в совокупность урегулированных правом политических, публично-властных отношений и преследования религиозными объединениями политических целей.

4). Недопустимость признания религиозных норм или решений религиозных организаций в качестве источников права в государстве (светский характер правовой системы государства):

- религиозные нормы (внутриконфессиональные установления, религиозное право и т.д.) не являются источниками права в государстве, за исключением случаев, специально оговоренных в законодательстве;
- решения руководящих органов религиозных объединений не имеют силы публично-правовых норм или актов, а государство не участвует в их реализации для членов религиозных объединений и иных лиц.

Запрет преследования религиозными объединениями политических целей включает запрещение участия религиозных объединений, а также их руководителей, выступающих в качестве представителей соответствующих религиозных объединений, в избирательных кампаниях по выборам в органы государственной власти, вхождения религиозных объединений в избирательные блоки, выдвижения религиозными объединениями кандидатов в депутаты и на выборные государственные должности, ведения предвыборной агитации, внесения пожертвований в избирательные фонды кандидатов, участия в деятельности политических партий и политических движений, оказания им материальной помощи. Вместе с тем, указанные запреты не исключают прав граждан – членов религиозных объединений принимать участие в личном качестве в выборах и референдумах в установленном законом порядке.

Следует также отметить, что запрет создания и деятельности в органах государственной власти, иных государственных органах и учреждениях подразделений религиозных объединений не исключает осуществления религиозными объединениями образовательной, культурно-просветительской и благотворительной деятельности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, сотрудничества с государством в социально значимых проектах. А запрет финансирования государством сугубо религиозной деятельности религиозных объединений не исключает возможности поддержки государством их благотворительной, культурно-просветительской и иной социально значимой деятельности в соответствии с законодательством.

Термин «санкционирование» широко используется в российском законодательстве, например, в пункте 22 статьи 10 Закона РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. №1026-1 (с послед. изменениями); статьях 77.1 и 139 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. №1-ФЗ (с послед. изменениями) и многих других нормативных правовых актах. Термин «давление» является достаточно широко используемым в международном праве, к примеру он использован в пункте 2 Основных принципов независимости судебных органов (Одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи 40/32 от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г.); преамбуле и пункте 6 Софийской декларации ООН по вопросам образования, науки и культуры от 13 сентября 1997 г.; подпункте «g» пункта 21 Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности

среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы; Приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи 45/112; Приложение); пункте 31 Венской декларации и Программы действий (Принята 25 июня 1993 г. Всемирной конференцией по правам человека); части 11 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила; Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.); пунктах «g» и «k» преамбулы Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания (Одобрена резолюцией 3348 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1974 г.); статье 82 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.) и др. В российской правовой науке данный термин также используется⁵⁵.

Приведенный перечень существенных признаков отделения религиозных объединений от государства не является жестким (однозначно определяющим), так как в мире существуют специфические правовые модели отношений государства с религиозными объединениями, которые содержат элементы, не соответствующие некоторым пунктам этого перечня.

Как отмечает П.Н. Дозорцев, современное светское государство может обладать определенным набором признаков. Их состав не поддается какому-либо стандарту и зависит от многих факторов и обстоятельств. Для каждого конкретного государства, декларирующего себя как светское, присущ свой, во многом уникальный набор этих признаков⁵⁶.

Статья 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод защищает религиозную свободу, при этом ее не абсолютизируя и не устанавливая жестко каких-либо детализированных моделей отношений между государством и религиозными объединениями. Государство может установить ограничения свободы исповедовать религию или убеждения при тройном условии⁵⁷, что данное ограничение установлено законом, что оно соответствует законной цели и что оно является необходимым для демократического общества. На основании статьи 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский суд по правам человека был вынужден трактовать вопросы, касающиеся светскости, основываясь на признании традиций каждой страны, не пытаясь навязывать единую модель отношений между государством и религиозными объединениями. Так, в Постановлении от 13 февраля 2003 г. по делу «Партия процветания» и другие против Турции»

---

⁵⁵ См., например, часть 4 статьи 3 Кодекса чести судьи Российской Федерации (Утвержден Постановлением Совета судей Российской Федерации от 21 октября 1993 г.)

⁵⁶ Дозорцев П.Н. Развитие светской государственности в России: история и современность. – С. 138.

⁵⁷ Часть 2 статьи 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Свобода исповедовать свою религию или свои убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Европейский суд по правам человека установил, что светскость занимает такое место в Конституции Турции, что роспуск и запрещение Турецким государством исламской «Партии процветания» были допустимыми и законными мерами и не привели к нарушению Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так как Конституционный суд Турции счел, что деятельность «Партии процветания» была опасна для конституционных прав и свобод, для светскости государства и что у этой партии были реальные шансы практически осуществить свою программу, угрожающую демократии, если бы эта партия оказалась у власти⁵⁸.

И государство вправе самостоятельно выбирать модель светскости, на основе которой выстраиваются отношения с религиозными объединениями.

Этот вывод подтверждается решением Европейского суда по правам человека от 27 июня 2000 г. по делу «Шаар Шалом Тседек против Франции», в котором было отмечено, что каждое государство самостоятельно устанавливает в своей правовой системе особенности отношений с религиозными объединениями⁵⁹.

Существующие сегодня в мире разнообразные типы светских государств – это результат длительных и сложных социальных процессов, на которые оказывают значительное влияние конкретные исторические, культурные, политические и иные особенности развития каждого общества. Процесс формирования в каждой конкретной стране светского государства определенного типа в значительной степени зависит от понимания руководителями государства значения и содержания принципа светскости государства, от воплощенных в решениях органов государственной власти представлений о должном взаимодействии государства с религиозными объединениями.

Так, несоблюдение или неполное соблюдение в правовой системе принципа отделения религиозных объединений от государства, как свидетельствует мировая практика, не всегда приводит к превращению государства из светского в несветское⁶⁰.

В США разрешается предоставление церквями помощи политическим партиям посредством предоставления в пользование помещений и предоставления иных услуг (подпункт а-ii пункта 8 статьи 431 Отдела I «Открытие фондов федеральных кампаний» Главы 14 «Федеральные избирательные кампании» Титула 2 «Конгресс» Свода законов США⁶¹).

---

⁵⁸ Rapport de la Commission de réflexion sur l'application du principe de laïcité dans la République remis au Président de la République, 11.12.2003. Commission présidée par Bernard Stasi. – Paris: La Documentation française, 2004. – P. 48.

⁵⁹ Rapport de la Commission de réflexion sur l'application du principe de laïcité dans la République remis au Président de la République, 11.12.2003. – P. 48.

⁶⁰ Такая проблема для Российской Федерации неактуальна, в силу не только закрепления в части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации правовой нормы об отделении религиозных объединений от государства, но и фактического отсутствия претензий и попыток нарушить эту конституционно-правовую норму со стороны религиозных объединений, прежде всего тех, которые являются исторически укоренившимися, традиционными для России.

⁶¹ Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства /

Зарубежная практика отношений между государством и религиозными объединениями показывает, что и существование параллельно с государственной судебной системой религиозных судов (судов религиозных объединений), чья сфера компетенции распространяется на гражданско-правовые вопросы, так же не нарушает и не отменяет светского характера государства.

Существенные признаки принципа недопустимости установления общеобязательной религии:

- запрет на законодательное закрепление какой-либо религии в качестве общеобязательной;
- свобода мировоззренческого самоопределения;
- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от убеждений и отношения к религии;
- равенство религиозных, а также общественных объединений перед законом.

Следует отметить, что применительно к конкретной личности, конечно же, первичной будет свобода мировоззренческого самоопределения (свобода убеждений), а не принцип недопустимости установления общеобязательной религии. Их можно рассматривать как находящиеся в функционально обусловленной связи цель и средство. Однако в настоящем исследовании обоснованно выделить в качестве существенного признака светскости государства именно требование, предъявляемое к государству (в форме запрета), а не конкретную свободу человека, потому что исследуется светскость как характеристика государства и связанные с ней иные аспекты светскости, которые могут быть раскрыты через определенные конкретизирующие качества государства или предъявляемые к нему требования.

Запрет установление какой-либо религии в качестве общеобязательной может быть реализован через прямое закрепление в законодательстве соответствующих норм и конкретизацию этого запрета в правовых нормах соответствующих отраслей и институтов права (уголовное право, образовательное право).

Недопустимость установления общеобязательной религии или идеологии, как один из существенных признаков светскости государства, гарантируется не только закреплением свободы совести, но также и законодательным закреплением равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от убеждений и отношения к религии, то есть равенства перед законом верующих различных религий, а также представителей различных идеологий.

Равенство религиозных объединений перед законом – конституционно-правовой принцип, означающий равенство юридических прав и обязанностей религиозных объединений, действующих в соответствии с законодательством, равные требования, предъявляемые законодательством ко всем религиозным объединениям, независимо от каких-либо их характеристик, установление единых правовых основ

деятельности религиозных объединений, распространение установленных законодательством запретов и ограничений на все религиозные объединения в одинаковом объеме, установление в законодательстве равных мер ответственности в отношении любых религиозных объединений и их членов за совершение правонарушений.

Понимание светскости государства – это обусловленная особенностями состояния политико-правового развития общества и государства, историческими и национально-культурными традициями, распределением национально-культурной и религиозной идентичности общества система представлений о содержании светскости государства и обусловленных светскостью государства правах, обязанностях и ограничениях во взаимоотношениях между государством и религиозными объединениями.

Вместе с тем, светскость государства делает необходимым введение определенных правовых ограничений и на способы распространения идеологии, в том числе запрета на установление государством какой-либо идеологии в качестве общеобязательной, что необходимо для обеспечения свободы убеждений и слова, предотвращения злоупотреблений правом на распространение информации и убеждений.

Важнейшими производными и, одновременно, гарантиями конституционного принципа светскости государства являются светскость государственной службы, государственных и муниципальных образовательных учреждений – основополагающие принципы, соответственно, организации и функционирования системы государственной службы и системы государственных и муниципальных образовательных учреждений⁶².

---

⁶² Несмотря на то, что в соответствии со статьей 12 Конституции Российской Федерации, местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, следствием светскости государства также являются светскость местного самоуправления и светскость муниципальной службы.

Светскость местного самоуправления – характеристика местного самоуправления, отражающая независимость местного самоуправления и религиозных объединений в соответствующих сферах их компетенции, гарантированную правовым требованием недопустимости установления общеобязательной религии и об обеспечении разделения сфер компетенции местного самоуправления и религиозных объединений.

Светскость местного самоуправления является, по мнению автора настоящего исследования производной светскости государства, потому что светскость – это, как уже отмечалось, фундаментальная характеристика современного правового государства, в целом.

В силу того, что единственным источником власти, как государственной, так и местной (местное самоуправление) является в Российской Федерации народ, основные конституционные принципы, общие для устройства и функционирования власти, в целом, определяющие деятельность государства, являются обязательными и для органов местного самоуправления.

Поскольку государство устанавливает общие принципы организации местного самоуправления, а Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации (статья 15), постольку государство закрепляет в качестве одного из принципов местного самоуправления – их светскость. Хотя непосредственно этот принцип в российском

Закрепленный в части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации и продублированный в пункте 1 статьи 4 комментируемого Закона принцип равенства религиозных объединений перед законом является одной из гарантий (существенным признаком) принципа недопустимости установления общеобязательной религии, который, в свою очередь, представляет собой один из двух существенных признаков светскости государства.

Детальное изучение принципа равенства религиозных объединений перед законом необходимо в исследовании светскости государства в силу того, что практическое применение норм о светскости государственных и муниципальных образовательных учреждений при рассмотрении ряда вопросов, в том числе о допустимости включения теологических факультетов в структуру государственных университетов или о допустимости религиозного образования в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях, обязательно сталкивается с вопросом, может ли государство осуществлять расширенное сотрудничество с несколькими религиозными организациями, крупнейшими и исторически сложившимися в данной стране⁶³. Очевидно, что государство не в состоянии обеспечить преподавание (тем более, углубленное) знаний обо всех существующих на территории страны религиозных объединениях, это было бы и не обоснованно. Очевидно, что учащиеся государственных и муниципальных образовательных учреждений должны получать знания о крупнейших религиозных организациях, исторически действующих в стране. Однако здесь возникает вопрос, насколько такая избирательность не противоречит части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации.

Чтобы ответить на вопрос, возможно ли избирательное расширенное сотрудничество светского государства с несколькими крупнейшими религиозными организациями, следует выяснить, не нарушает ли такая избирательность в отношении нормы о равенстве религиозных объединений перед законом, то есть не повлечет ли такое разграничение массива религиозных объединений дискриминацию тех религиозных объединений, с которыми государство не осуществляет расширенного сотрудничества.

законодательстве и не закреплен. С другой стороны, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает требования, аналогичные некоторым составным элементам признаков светскости государства – равенство прав независимо от отношения к религии, убеждений и принадлежности к общественным объединениям (пункт 2 статьи 3). Следует отметить также нормы пункта 7 статьи 40, статьи 72, подпункта 2 пункта 1 статьи 74 и др. Очевидно, что существование теократического местного самоуправления в рамках светского государства было бы очевидным абсурдом.

⁶³ Введение понятия «религиозные организации традиционных религий» означает введение разграничения совокупности всех религиозных объединений, действующих на территории государства, на религиозные организации традиционных религий и религиозные объединения, которые не являются традиционными для Российской Федерации.

На примере России проведем конституционно-правовой анализ с целью выяснения наличия или отсутствия противоречия установления правовой дифференциации в порядке осуществления прав религиозных организаций, в том числе во взаимоотношениях с государством, части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации, устанавливающей равенство религиозных объединений перед законом.

Правовое равенство не является абстрактным императивом и, следуя правилам логики, выявление объективного смысла явления возможно только при изучении его в конкретных условиях.

Конституционную норму о равенстве религиозных объединений перед законом обоснованно рассматривать при обязательном учете сложных исторических и социально-культурных аспектов объекта анализа в данном разделе – деятельности религиозных объединений и их отношений с остальной частью общества и государством. Такой подход необходим, поскольку в юридической науке, вообще, и в конституционном праве, в частности, понятие юридического равенства не рассматривается в отрыве от сущности и принципов правовой системы, целей законодателя, без учета конкретных особенностей субъектов права, социальных условий. Напротив, всегда правовая наука призывает законодателя и правоприменителя к системному толкованию юридических норм с учетом их социально-правового контекста, духа и буквы закона. Для выявления смысла и содержания анализируемой нормы права необходимо применить несколько способов (приемов) ее толкования.

Грамматическое и логическое толкование

Часть 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации, устанавливающая: «Религиозные объединения... равны перед законом», закрепляет **юридическое, формальное равенство** религиозных объединений перед законом.

Указанная норма не содержит требования обеспечения фактического равенства религиозных объединений, что, очевидно, невозможно в силу различий между религиозными объединениями – по числу последователей, по вкладу в формирование российской государственности, исторического и культурного наследия народов России и пр. Также в части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации отсутствуют положения о равенстве в подходах, приоритетах и объемах сотрудничества государства с различными религиозными объединениями.

Целесообразно обратить внимание на общепринятое разъяснение смысла слова «равенство». Толковый словарь С.И. Ожегова определяет равенство как «положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права, равноправие». Современный толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова: «Равенство – равное положение людей в обществе»⁶⁴. Русский толковый словарь В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной:

⁶⁴ Современный толковый словарь русского языка / Автор проекта и гл. ред. д. филол. н. С.А. Кузнецов / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Норинт, 2001. – С. 661.

«Равенство – то же, что равноправие. Равноправный – обладающий одинаковыми с кем-нибудь правами»⁶⁵.

С.А. Авакьян понятия «равенство» и «равноправие» раскрывает следующим образом: «Равенство – одна из наиболее распространенных социально-философских категорий и политических идей, вокруг которой многие столетия разгораются непримиримые споры и борьба, особым предметом которых является равенство человека с человеком. Равенство имеет два основных аспекта: фактическое равенство и юридическое равенство... История свидетельствует об утопичности попыток достижения фактического равенства людей, поскольку все они различаются по своим индивидуальным параметрам. Поэтому в законодательстве находит отражение принцип равенства всех перед законом (перед законом и судом), или юридического равенства, т. е. равноправия. В этом смысле равенство означает предоставление каждому равного объема юридических прав и свобод и возложение одинакового объема юридических обязанностей. Используя возможности, предоставленные конституцией и законами, индивид строит свою жизнь и добивается того или иного фактического положения в обществе и государстве... Равноправие – один из конституционных принципов положения человека и гражданина в РФ, специально закрепленный в статье 19 Конституции РФ, которая гласит, что все равны перед законом и судом... Исходя из Конституции РФ, можно выделить несколько аспектов равноправия: человека с человеком; женщины и мужчины (равноправие полов); национальное равноправие. Во многих аспектах можно также говорить о равноправии независимо от государственной принадлежности (российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства), поскольку многие права и свободы гарантируются в Российской Федерации любой личности (это отражается в упомянутой формуле «все равны перед законом и судом», а также в словах «каждый имеет право», «каждому гарантируется», которые используются в некоторых конституционных нормах)»⁶⁶.

Анализируя соотношение категорий «юридическое равенство» и «фактическое равенство», следует отметить их различное, нетождественное содержание. По своему конкретному имущественному и неимущественному положению, по конкретному набору субъективных прав и обязанностей, обусловленному множеством социальных факторов (количество последователей и пр.), религиозные объединения весьма отличаются друг от друга. С помощью норм права, в целом, и конституционного права, в частности, можно гарантировать именно юридическое равенство религиозных объединений, т. е. равное положение любого религиозного объединения перед законом, равные основные права, свободы и обязанности, правовые критерии и правовые условия, регулирующие их деятельность. Фактическое же равенство или неравенство религиозных объединений в жизни зависит от количества их членов, от их имущественного положения, социального влияния,

⁶⁵ Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – С. 557.

⁶⁶ Конституционное право: Энциклопедический словарь / Под ред. С.А. Авакьяна. – С. 494–496.

исторической укорененности данного религиозного объединения в России и т. д.

По мнению А.В. Логинова, указанное равенство предполагает, прежде всего, право на равную защиту законом, в то время как между самими религиозными объединениями, разумеется, не может быть поставлен знак равенства в силу многих объективных исторических и канонических причин⁶⁷.

Согласно части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации, религиозные объединения равны перед законом. Но точно так же, согласно нормам частей 3 и 4 статьи 13 Конституции Российской Федерации и Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, равны перед законом и все общественные объединения. Равны перед законом политические партии, профсоюзы, творческие ассоциации, благотворительные общественные фонды и т. п.

Тем не менее государство одни из общественных объединений поддерживает больше, другие – меньше, оказывает некоторым из них преференции, а к остальным относится индифферентно, не препятствуя в осуществлении их уставных целей. Объективными причинами такого дифференцированного подхода являются разное отношение к ним граждан, их неравнозначное влияние на культурную жизнь страны, различия в социальной значимости, общественной полезности их деятельности. Все они приносят обществу неодинаковую пользу, отличаются друг от друга по количеству членов, по масштабам социального влияния.

Соблюдение юридического равенства перед законом, в смысле равенства основных прав, равенства требований к деятельности религиозных объединений, ни в коем случае не препятствует реализации права многонационального народа Российской Федерации, являющегося, согласно части 1 статьи 3 Конституции Российской Федерации, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, определять, какие объединения поддерживать в большей степени, а какие – в меньшей. Эта воля народа реализуется через соответствующие представительные и исполнительные органы государственной власти.

Целый ряд конституционных правовых норм закреплены с учетом возможного фактического неравенства субъектов права или не исключают его возникновения. Так, согласно части 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации, все равны перед законом. Но закрепление в статьях 34 и 45 Конституции Российской Федерации за каждым права частной собственности и свободы предпринимательской деятельности допускает различие в личном имущественном положении людей, не препятствует фактической социальной дифференциации общества и не может трактоваться как запрет на такую дифференциацию. Конституция Российской Федерации предоставляет всем равные возможности ре-

---

⁶⁷ Логинов А.В. Выступление на заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации 1 сентября 1997 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. – 1997. – № 3–4 (13–14). – С. 102.

лизации указанных прав и свобод. Но от конкретного человека зависит, как и насколько эффективно он использует предоставленные ему права и свободы или не использует их вовсе.

Итак, закрепленное частью 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации равенство всех людей перед законом не препятствует различному отношению государства к разным категориям граждан и различным конкретным членам общества. Повышенное внимание законодательства и государства к некоторым категориям лиц – несовершеннолетним, инвалидам, пенсионерам, ветеранам, беременным женщинам и др. – не нарушает принцип равноправия или юридического равенства, а является проявлением закрепленной в части 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации социальной природы Российского государства, есть практическая реализация закрепленной в статье 2 Конституции Российской Федерации нормы о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Закрепленное в Гражданском кодексе Российской Федерации (статьи 26, 28–30, 23) разделение граждан на категории с разными объемами дееспособности – полностью дееспособные, малолетние, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, признанные судом недееспособными, ограниченные судом в дееспособности, предприниматели без образования юридического лица – не нарушает принципа равенства всех людей перед законом, не отменяет конституционной нормы о равенстве всех людей перед законом (часть 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации) и не вступает с нею в противоречие.

Фактическое равенство всех людей – это фикция. Но при этом, согласно статье 19 Конституции Российской Федерации, все равны перед законом, обладают юридическим равенством, равенством в основных правах и возможностях, предоставляемых им Конституцией Российской Федерации и законами. Юридическое равенство выражается в наделении субъектов права одинаковым объемом соответствующих прав, свобод и обязанностей; если вводятся критерии и условия, регламентирующие порядок, гарантии и ограничения, то они одинаковы для всех.

Точно так же религиозные объединения, добившиеся определенного влияния в обществе, приобретают особые возможности в отношениях с государственными органами, обусловленные объективными характеристиками их положения в социуме. При условии, что при этом не нарушаются охраняемые законом права и интересы других религиозных объединений. Как нельзя обеспечить фактическое равенство всех людей, так и невозможно реализовать фактическое равенство религиозных объединений.

В этом аспекте представляется убедительным мнение К.В. Арановского относительно категории «равенство»: «Если же государство, общество отрицают равноправие и люди юридически неравны в отношениях с себе подобными, то действует принцип дифференцированного правового регулирования статуса личности. Правовую дифференциацию не следует отождествлять с дискриминацией. Дискриминация предполагает не просто неравенство, но неравенство

несправедливое, неправовое. Не обязательно люди, находящиеся в принижённом правовом состоянии, оценивают его как несправедливость. Правовая дифференциация может быть основана на прочных общественных традициях, принята как должное. Недовольство правовой дифференциацией не более вероятно, чем разочарование от последствий формального равенства»⁶⁸.

Уяснение смысла слов, использованных в формулировке части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что под «равенством религиозных объединений перед законом» имеется в виду их **юридическое равенство**, то есть **равенство подходов государства ко всем религиозным объединениям, наличие единого для всех религиозных объединений законодательства, регулирующего их конституционно-правовой статус и деятельность**.

Учитывая вышесказанное, возможное наделение расширенной правосубъектностью религиозных организаций традиционных религий, предполагающей возможность преимущественного сотрудничества государства с ними, не противоречит конституционной норме о равенстве религиозных объединений перед законом.

Сравнительно-правовое обоснование

Законодательное закрепление перечня религиозных организаций традиционных религий или наделение одной религиозной организации (религии) статусом государственной имеет множество прецедентов в различных странах мира. В законодательстве Норвегии, Дании, Аргентины, Великобритании и других стран либо закрепляется статус государственной за определенной религией, либо присутствуют положения об особом правовом статусе определенных религиозных организаций. Так, в Англии традиционной религиозной организацией является Англиканская церковь, в Израиле – иудаистские религиозные организации, в Италии, Испании, Боливии и Аргентине – Католическая церковь. Такое положение сложилось в этих странах исторически, оно отражает глубокое убеждение народа в благотворном воздействии тех или иных религий на политику и общественную мораль. При этом во всех указанных странах гарантируется свобода вероисповедания.

В целом ряде стран, где никакая религия не имеет юридического статуса государственной, официальной или традиционной (ФРГ, Индия, Япония и др.), в правовой системе даны предпочтения одной или нескольким религиозным организациям или религиям. Это, по мнению А.А. Шилова, связано с тем, что к данной религиозной организации или религии выражает принадлежность или предпочтительное отношение большинство населения страны и, как следствие, ей оказывает полуофициальное предпочтение государство⁶⁹.

Конституции и законодательство большинства стран мира закрепляют конституционно-правовой статус религиозных организаций

---

⁶⁸ Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран: Учебн. пособие. – М.: ИНФРА-М; ИД «ФОРУМ», 2000. – С. 357–358.

⁶⁹ Шиллов А.А. Конституционно-правовое регулирование и обеспечение личных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. – М., 2000. – С. 186.

традиционных религий. При этом практически во всех государствах мира установлено равенство религиозных объединений перед законом.

Согласованность и отсутствие противоречия между нормой, устанавливающей равенство всех религиозных объединений перед законом, и нормой, закрепляющей выделение традиционных религий, отражены в Конституции Испании от 27 декабря 1978 г. (статья 16): «1. Гарантируется свобода идеологии, вероисповедания и отправления культов для граждан и их объединений без каких-либо ограничений, кроме тех, которые необходимы для поддержания общественного порядка, охраняемого законом... 3. Никакая религия не может быть государственной. Органы власти принимают во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживают соответствующие отношения сотрудничества с Католической Церковью и другими конфессиями»⁷⁰.

Вполне четко отражено непротиворечие выделения религиозных организаций традиционных религий конституционной норме о равенстве всех религиозных объединений перед законом в статьях 7 и 8 Конституции Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. Статья 8 устанавливает: «Все религиозные конфессии равно свободны перед законом». Однако ранее статья 7 и далее статья 8 Конституции Итальянской Республики устанавливают привилегированное, особое положение Католической Церкви: «Государство и католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере. Их отношения регулируются Латеранскими соглашениями. Изменения этих соглашений, принятые обеими сторонами, не требуют пересмотра Конституции» (статья 7); «...Религиозные конфессии, отличные от католической, имеют право создавать организации, согласно своим уставам, если они не противоречат итальянскому правовому порядку...» (статья 8)⁷¹. То есть Конституция Итальянской Республики, устанавливая равенство религиозных объединений перед законом, закрепляет разграничение всего массива религиозных объединений, действующих в стране, на две части – Католическая церковь и все остальные.

Анализ зарубежного законодательства⁷² позволяет сделать вывод о том, что в конституционном праве большинства зарубежных стран установление демократической нормы о равенстве религиозных объединений перед законом и установление правовой дифференциации в порядке осуществления прав религиозных организаций, в том числе во взаимоотношениях с государством, не вступают в противоречие друг с другом.

Специальное юридическое толкование

Конституционная норма о юридическом равенстве религиозных объединений перед законом не означает требования абсолютного

⁷⁰ Конституции государств Европы. Т. 2. – С. 53.

⁷¹ Там же. С. 104–105.

⁷² Более развернутый анализ приведен в монографиях автора: Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003. – 416 с.; Светскость государства. – М.: Изд-во Учебно-научного центра довузовского образования, 2004. – 466 с.

юридического и фактического равенства всех религиозных объединений между собой во всем и, прежде всего – в отношениях с государством.

Принцип равенства религиозных объединений перед законом отнюдь не диктует построения отношений государства с ними как с равнозначимыми. Собственно, этот принцип предполагает равенство основных прав религиозных объединений (свобода вероисповедания, отправление культа, распространение вероучения и т. д.), а также равенство их как субъектов права. В то же время, при равенстве основных прав, государство и общество могут оказывать религиозным объединениям поддержку или не оказывать таковой на избирательной основе, учитывая количество последователей религиозного объединения, его традиционность, включенность в социально значимую деятельность, наличие или отсутствие проявлений экстремизма, фактов противозаконной деятельности последователей и лидеров, доказанной в суде и обусловленной их религиозными взглядами.

Следует также отметить, что государство, как институт, призванный представлять интересы всех своих граждан, должно при взаимодействии с религиозными объединениями учитывать, что значительно различающиеся по численности части населения Российской Федерации выражают принадлежность или предпочтительное отношение к разным религиозным объединениям. Из этого следует, что государство вправе по-разному сотрудничать с религиозной организацией, имеющей многовековую историю и насчитывающей сотни тысяч или миллионы последователей, и, например, недавно созданной религиозной группой из нескольких десятков человек.

Государство не может игнорировать тот факт, что значительная часть населения нашей страны относит себя в той или иной мере или выражает каким-либо образом предпочтение тем религиозным организациям тех религий, которые принято называть традиционными. Отказ признавать этот факт на том основании, что другие группы граждан не относят себя к этим конфессиям, является, безусловно, ошибочным. В реальных взаимоотношениях государство должно учитывать, какова роль той или иной религии в жизни населения страны в целом или в отдельном субъекте Российской Федерации. Государство вправе выбирать, с какими религиозными организациями ему сотрудничать, взаимодействовать в большей степени, чем с остальными. Без соблюдения такого подхода невозможно соблюсти баланс интересов значительных по численности частей российского общества.

Рассмотрим, противоречит ли на практике правовая дифференциация религиозных объединений, в том числе во взаимоотношениях с государством, российскому законодательству, в частности правовым нормам о юридическом равенстве религиозных объединений.

Религиозные объединения, согласно законодательству, являются объединениями граждан России и иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории России. Равенство религиозных объединений перед законом является гарантией, производной от одной из свобод человека – свободы вероисповедания, которая, однако же, не

является абсолютной (безграничной) и может быть ограничена федеральным законом, в соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, федеральным законом может быть установлен механизм реализации гарантии равенства религиозных объединений перед законом, ограничивающий права определенных религиозных объединений в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В этом же отношении определенные запреты установлены и Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23.11.1999 № 16-П по делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого части 3 статьи 27 Федерального закона от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» сказано:

«Из статьи 28 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 13 (часть 4), 14, 19 (части 1 и 2) и 30 (часть 1) следует, что свобода вероисповедания предполагает свободу создания религиозных объединений и свободу их деятельности на основе **принципа юридического равенства**... меры, относящиеся к учреждению, созданию и регистрации религиозных организаций, не должны искажать само существо свободы вероисповедания, права на объединение и свободы деятельности общественных объединений, а возможные ограничения, затрагивающие эти и иные конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно значимым целям. В демократическом обществе с присущим ему религиозным плюрализмом, как следует из статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им положений статьи 18 (пункты 2 и 3) Международного пакта о гражданских и политических правах, а также статьи 9 (пункт 2) Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подобного рода ограничения могут быть предусмотрены законом, если это необходимо в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Государство вправе предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности (в том числе в связи с проблемой прозелитизма), если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным конституционным правам и

свободам, а именно сопровождается предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении, психологическим давлением или угрозой применения насилия и т. п.»⁷³

Таким образом, из Постановления Конституционного Суда РФ следует, что основанное строго на законе ограничение прав некоторых религиозных объединений не нарушает принцип юридического равенства всех религиозных объединений перед законом. Показано, что предоставление недавно созданным религиозным объединениям такого же правового статуса, как и религиозным организациям, которые существуют в России уже длительное время и поддерживаются значительной частью граждан Российской Федерации, не является обоснованным. То есть дифференциация правовой регламентации отдельных видов религиозных объединений не противоречит Конституции Российской Федерации.

Установление правовой дифференциации в порядке осуществления прав религиозных организаций, в том числе во взаимоотношениях с государством, представляет собой учет и реализацию коллективных прав и законных интересов верующих религиозных организаций традиционных религий. Права религиозных объединений по своей природе – это коллективные права, поскольку они реализуются гражданином совместно с другими гражданами посредством создания религиозного объединения⁷⁴.

Но если свобода совести и свобода вероисповедания, как индивидуальные права, закрепленные в статье 28 Конституции Российской Федерации, унифицированы и едины для всех, то реализация коллективных прав верующими одной религиозной организации не может быть предметом претензий других религиозных организаций, если это прямо или косвенно не ущемляет их прав и законных интересов, а также прав и интересов верующих этих организаций. Расширенное сотрудничество государства с одной религиозной организацией (несколькими религиозными организациями традиционных религий) не может быть названо ни прямым, ни косвенным ущемлением прав и интересов других религиозных организаций. Примитивный уравнительный подход здесь просто неприемлем.

Органы государственной власти, действуя от лица государства и общества, в сфере конституционно-правовых отношений вправе

---

⁷³ Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика / Сост. канд. юрид. наук А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский. – М.: Юриспруденция, 2001. – С. 241–242.

На такую правомерность обращается внимание в постановлении Европейского Парламента от 12 февраля 1996 г. «О сектах в Европе» и в рекомендации Совета Европы № 1178 (1992) «О сектах и новых религиозных движениях», а также в постановлениях Европейского Суда по правам человека от 25 мая 1993 г. (Series A № 260-A) и от 26 сентября 1996 г. (Reports of Judgments and Decisions, 1996-IV), где разъясняется характер и масштаб обязательств государства, вытекающих из статьи 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁷⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.11.1999 г. № 16–П.

самостоятельно, в соответствии с законодательством и в пределах их компетенции, определять, учитывая интересы граждан Российской Федерации, порядок, формы и объемы государственного сотрудничества с разными религиозными объединениями. Естественно, что при выборе форм и объемов такого сотрудничества государственные органы должны учитывать исторические, социальные, религиозно-духовные аспекты деятельности соответствующих религиозных объединений, они и вынуждены, и обязаны учитывать разную численность верующих различных религиозных объединений.

В качестве примера, иллюстрирующего необходимость дифференцированного подхода государства при сотрудничестве с различными религиозными объединениями, приведем следующий. Если религиозное объединение осуществляет действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, или осуществляет пропаганду неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, совершает иные противоправные действия, то государство вправе применять к такому объединению определенные законодательством меры, начиная от предупреждения, заканчивая ликвидацией и запретом деятельности такого объединения, привлечением к уголовной ответственности его членов, но никак не меры, способствующие его деятельности.

Аналогично, к религиозным организациям религий, которые веками являются традиционными для народов Российской Федерации, к религиозным организациям, которые сохраняют историческое и культурное наследие многонационального народа Российской Федерации, пользуются уважением большинства населения в государстве, ведут активную социально полезную деятельность, государство вправе принимать меры поддержки, содействующие их социально значимой деятельности, а не меры, которые низводили бы их права до прав недавно образованного малочисленного религиозного объединения.

В этом смысле уместно сослаться на мнение И.А. Куницына, который относительно части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации приводит следующие аргументы: «Речь здесь идет не о равноправии религиозных объединений, а о равенстве перед законом. Разница между ними весьма существенна. Равноправие – наделение законом того или иного субъекта равным объемом прав по сравнению с другими. Равенство перед законом означает, что деятельность всех религиозных объединений, независимо от их конфессиональной принадлежности, должна осуществляться на основании и в соответствии с законодательными актами Российской Федерации. Система государственно-конфессиональных отношений не изолирована от всей общественной системы: являясь ее составной частью, она испытывает на себе воздействие многих процессов, происходящих в обществе. Одновременно, религиозные объединения представляют собой коллективную реализацию священного права человека на свободу совести, провозглашенного в странах с далеко не одинаковым типом правового регулирования и не тождественным содержанием статуса религиозных

объединений. Правовой статус... должен соответствовать фактическому статусу религиозных объединений, поэтому закрепление в законодательстве светского государства социально адекватного правового статуса религиозных объединений способствует оптимальной реализации права на свободу совести»⁷⁵.

Подытоживая сказанное, можно резюмировать, что установление правовой дифференциации в порядке осуществления прав религиозных организаций, в том числе во взаимоотношениях с государством, не противоречит российскому законодательству, включая правовые нормы о юридическом равенстве религиозных объединений.

Функциональное толкование

Функциональное выявление правовой сути конституционной нормы части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации, закрепляющей «равенство религиозных объединений перед законом», позволяет сделать вывод о том, что правовой сутью указанной нормы права является следующее.

1. Равенство членов любого законно действующего религиозного объединения перед законом в своих правах и обязанностях.

С.А. Авакьян, акцентируя внимание на равенстве религиозных объединений перед законом, детализирует это положение следующим образом: «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Детализируя данные положения, указанный Закон называет основные гарантии свободы вероисповедания. Все граждане РФ равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни, независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности»⁷⁶.

Статья 28 Конституции Российской Федерации, устанавливающая: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними», закрепляет эти права для всех верующих любых религиозных объединений.

Пункт 4 части 3 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Указанная норма права установлена не только для священнослужителей Русской Православной Церкви, для служителей культа мусульманских, протестантских или иудейских религиозных объединений, но и для всех прочих религиозных объединений. Соответственно, любой священнослужитель не подлежит ответственности в соответствии с частью 8 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и со статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации за отказ от дачи показаний об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди.

⁷⁵ Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. – М.: Православное дело, 2000. – С. 128–129.

⁷⁶ Конституционное право: Энциклопедический словарь / Под ред. С.А. Авакьяна. – С. 525.

Сюда же можно отнести равенство прав религиозных объединений на обращение в органы государственной власти и муниципального управления по вопросам, связанным с защитой и своих интересов, так же как и равные права на обжалование в суде решений органов государственной власти и органов муниципального управления. Государственные органы не вправе избирательно реагировать на обращения религиозных объединений. Это означает, к примеру, что жалобу, поступившую от Русской Православной Церкви позднее, чем поступила жалоба от буддистов, органы государственной власти должны рассмотреть позднее, чем жалобу буддистов, поступившую ранее.

2. Равные требования, предъявляемые законодательством ко всем религиозным объединениям, вне зависимости от каких-либо их характеристик, и установление единых правовых основ, критериев и условий деятельности религиозных объединений.

Это означает, в частности, что деятельность религиозных организаций Русской Православной Церкви регулируется теми же нормативно-правовыми актами, что и деятельность религиозных новообразований. К примеру, любая религиозная организация – и православная местная религиозная организация, и местная религиозная организация лютеран – должны представлять в органы Министерства юстиции Российской Федерации формально одинаковые пакеты документов (включающие в себя один и тот же набор документов – естественно, с занесенными в них различными по содержанию данными). Это также означает, что к документам, представляемым различными религиозными объединениями в органы Министерства юстиции Российской Федерации, предъявляются равные требования. То же касается и отношений религиозных объединений с иными государственными органами.

3. Распространение установленных законодательством Российской Федерации запретов и ограничений на все религиозные объединения в одинаковом объеме.

Нарушать российское законодательство или нарушать права граждан запрещается как новообразованной религиозной группе, так и мусульманской, буддийской, баптистской или православной религиозной организации.

Это означает, что в случае действий православной (мусульманской, или иудейской, или протестантской) религиозной организации, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, или создания этой религиозной организацией вооруженных формирований, или осуществления ею пропаганды войны, разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни, человеконенавистничества (часть 2 статьи 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»), такая религиозная организация должна быть запрещена в том же порядке и в соответствии с теми же процессуальными нормами, как должна быть запрещена позволяющая себе аналогичные действия любая малочисленная религиозная группа.

Часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, закрепляющая, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, относится ко всем членам любых религиозных объединений.

Запрет на возбуждение религиозной вражды и пропаганду неполноценности граждан по признаку отношения к религии, установленный в части 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации и статье 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, распространяется на всех – и православных, и мусульман, и на религиозные меньшинства, и т. д. Не может быть различий в отношении правоохранительных органов к лицам, возбуждающим религиозную вражду, в зависимости от религиозной принадлежности этих лиц.

4. Установление в законодательстве Российской Федерации равных мер ответственности в отношении любых религиозных объединений и их членов за совершение правонарушений.

К примеру, штрафные санкции, налагаемые на буддийскую религиозную организацию за налоговые правонарушения, при всех прочих равных условиях должны быть равнозначны штрафным санкциям, налагаемым за те же правонарушения на православную религиозную организацию. Член мусульманской религиозной организации и член какой-либо новообразованной религиозной группы, совершившие одинаковые преступления или административные правонарушения, при всех прочих равных условиях должны понести одинаковое наказание.

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующий вывод.

Принцип равенства религиозных объединений перед законом означает их юридическое равенство, то есть равные их основные права и обязанности, правовые критерии и правовые условия, регулирующие их деятельность, равенство подходов государства ко всем религиозным объединениям, наличие единого для всех религиозных объединений законодательства, регулирующего их правовой статус, и допускает возможность установления правовой дифференциации религиозных организаций в их взаимоотношениях с государством и в порядке осуществления их прав, включая возможность предоставления государством определенным религиозным объединениям дополнительных преференций, являющихся элементом государственной политики в области отношений с религиозными объединениями.

2. В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство:

не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания;

не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных

органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит настоящему Федеральному закону;

обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Данный пункт, устанавливающий ряд правовых гарантий принципа отделения религиозных объединений от государства, прокомментирован выше.

Норма об установлении государством светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях дублирует норму пункта 4 статьи 2 Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (с послед. изменениями).

Светскость (светский характер) образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях – производная светскости государства, характеристическое свойство образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (и одновременно требование к такому образованию).

Светскость (светский характер) образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации закреплена в пункте 4 статьи 2 Закона Российской Федерации «Об образовании», устанавливающим в качестве одного из принципов государственной политики в области образования светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, в пункте 2 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», закрепляющем, что, в соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства, государство обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, а также в ряде подзаконных актов. Так, согласно пункту 4 Типового положения об общеобразовательном учреждении (утверждено Постановлением Правительства РФ от 19.03.2001 г. № 196), деятельность общеобразовательного учреждения основывается на принципах демократии, гуманизма, общедоступности, приоритета общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, гражданственности, свободного развития личности, автономности и светского характера образования.

Понятно, что светское образование – это образование, обладающее чертами светскости, качеством светскости. Однако для реализации закрепленного в законодательстве требования светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях необходимо конкретизировать содержание этого правового требования.

Как и в случае с необоснованным толкованием светскости государства как его полной нерелигиозности, необоснованны утверждения, что светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях предполагает отсутствие всякого влияния религии и религиозных объединений.

Внерелигиозность образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (понимаемая как полная внерелигиозность, включая запрет на преподавание знаний о религии) – одно из идеологических требований секуляризма, представляющее собой или утопическое требование, равнозначное требованиям внекультурности или вненациональности образования, или сознательную дискриминацию и нарушение прав граждан по признаку отношения к религии, поскольку интеграция личности в национальную культуру и современное общество как раз предполагает ознакомление учащихся со своей национальной культурой – русской, татарской, еврейской, калмыцкой и пр., которые создавались на основе конкретных религий – православия, ислама, иудаизма, буддизма и т. д.

Полная изоляция религии от национальной системы образования противоречит нормам части 2 статьи 14 Закона РФ «Об образовании», устанавливающей, что содержание образования должно обеспечивать формирование у обучающегося адекватной современному уровню знаний и уровню образовательной программы (ступени обучения) картины мира; интеграцию личности в национальную и мировую культуру; формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества. Но интеграция личности в национальную культуру и современное общество как раз предполагает ознакомление учащихся со своей национальной культурой – русской, татарской, украинской и т. д., которые создавались на основе конкретных религий – православия или ислама.

Сам по себе светский характер образования не предусматривает запрета на реализацию в государственных и муниципальных образовательных учреждениях преподавания знаний, касающихся религии.

Определяющим критерием отнесения к светскому или не являющемуся таковым образованию здесь выступает принадлежность к внутренней (внутриконфессиональной, внутрицерковной, внутриденоминационной) системе религиозного объединения – системе профессионального религиозного (духовного) образования. Если образование имеет непосредственное отношение к подготовке служителей культа (православных священников, диаконов, протестантских пасторов, мулл, раввинов и пр.), относится к внутренней образовательной системе религиозного объединения (так называемые духовные школы – духовные семинарии, медресе и пр.), то это несветское образование – но именно только лишь в той части, которая непосредственно направлена на профессиональную религиозную подготовку служителей культа⁷⁷.

---

⁷⁷ Что, вместе с тем, не исключает создания и функционирования учреждений профессионального религиозного образования (духовных школ) как негосударственных светских образовательных учреждений, осуществляющих свою образовательную деятельность в соответствии с государственными стандартами и готовящих специалистов по светским специальностям. При этом образование, направленное на непосредственную подготовку священнослужителей, в таких учреждениях является лишь частью всего образовательного процесса, основу которого составляет светское образование (см. ниже).

К не являющимся светскими следует отнести также внутренние образовательные системы религиозных объединений, реализующие приходское образование (православные церковно-приходские и монастырские школы, школы при мечетях и пр.).

Светскость образования – характеристика образования, отражающая независимость образования от религиозного санкционирования или давления, от подчинения образовательной деятельности религиозным объединениям, ненаправленность образования на профессиональную религиозную (духовную) подготовку служителей религиозного культа, на обучение или навязывание какой-либо религии, на катехизацию («воцерковление») либо осуществление аналогичных, свойственных для нехристианских религиозных объединений форм привлечения обучаемых в религиозное объединение.

Светское образование (гражданское, общегражданское, общесоциальное) – образование, независимое от религиозного санкционирования или давления, от подчинения образовательной деятельности религиозным объединениям, не направленное на профессиональную религиозную (духовную) подготовку служителей религиозного культа, на обучение или навязывание какой-либо религии, на катехизацию («воцерковление») либо осуществление аналогичных, свойственных для нехристианских религиозных объединений форм привлечения обучаемых в религиозное объединение.

В собирательном, обобщенном смысле, **светская школа** – совокупность образовательных учреждений, реализующих в соответствии с государственными образовательными стандартами образование различного уровня, независимое от религиозного санкционирования или давления, от подчинения образовательной деятельности религиозным объединениям, не направленное на профессиональную религиозную (духовную) подготовку служителей религиозного культа, на обучение или навязывание какой-либо религии, на катехизацию («воцерковление») либо осуществление аналогичных, свойственных для нехристианских религиозных объединений форм привлечения обучаемых в религиозное объединение, а также совокупность соответствующих преемственных образовательных программ и научно-методического обеспечения.

Можно выделить следующие **существенные признаки светскости государственных и муниципальных образовательных учреждений**⁷⁸:

1. Гарантии свободы мировоззренческого выбора:

- недопустимость установления в государственных и муниципальных образовательных учреждениях общеобязательной религии;

⁷⁸ Учитывая, что образовательная деятельность является определяющей в деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений, предложенные существенные признаки светскости государственных и муниципальных образовательных учреждений одновременно являются и существенными признаками светскости образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

- равенство прав каждого на поступление в образовательные учреждения и получение образования независимо от убеждений или отношения к религии;

- обеспечение прав учащихся и преподавателей на свободу убеждений; обеспечение добровольности при обучении религии или изучении религиозной культуры, а также при вступлении в какое-либо объединение или пребывании в нем; недопустимость принуждения к определению своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию в религиозных обрядах и праздниках, участию в деятельности и мероприятиях религиозных объединений.

2. Светскость внутреннего устройства и деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений и органов управления образованием:

- независимость управления государственными и муниципальными образовательными учреждениями от религиозного санкционирования или давления, от вмешательства религиозных объединений, недопустимость передачи им полномочий администрации указанных образовательных учреждений;

- недопустимость проведения в государственных и муниципальных образовательных учреждениях религиозных обрядов в рамках образовательных программ, реализуемых в соответствии с государственными стандартами;

- недопустимость профессиональной религиозной (духовной) подготовки служителей религиозного культа государственными или муниципальными образовательными учреждениями;

- недопустимость создания и деятельности в государственных и муниципальных органах управления образованием и образовательных учреждениях подразделений религиозных объединений, что не исключает осуществления ими образовательной, культурно-просветительской и благотворительной деятельности в соответствии с законодательством.

3. Требования светскости к выполнению служебных обязанностей работниками государственных и муниципальных образовательных учреждений и органов управления образованием:

- запрет открытого ношения элементов религиозной одежды и знаков религиозной принадлежности преподавательским и административным составом государственных и муниципальных образовательных учреждений, что не исключает ношения нательных знаков религиозной принадлежности в той мере, в какой это обосновано свободой совести и выражения религиозных убеждений;

- светскость профессиональной этики.

4. Религиозная нейтральность используемых учебных программ и учебной литературы:

- светскость государственных образовательных стандартов;

- ненаправленность преподавания образовательными учреждениями знаний о религии на вовлечение учащихся в религиозное объединение;

- осуществление государственного контроля за недопущением в используемых учебных программах и учебной литературе положений,

возбуждающих ненависть либо вражду, унижающих достоинство или пропагандирующих неполноценность человека либо группы лиц по признаку отношения к религии.

Государство вправе осуществлять сотрудничество (воспитательные, культурно-просветительские, благотворительные, оздоровительные мероприятия и т.п.) в сфере образования с религиозными объединениями:

- опираясь на добровольное волеизъявление учащихся образовательных учреждений и их родителей (законных представителей) на получение образовательных услуг, связанных со взаимодействием религиозных объединений и государственных и муниципальных органов управления образованием и образовательных учреждений;

- с соблюдением запрета на вовлечение в какой бы то ни было форме малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих;

- с учетом количества учащихся, добровольно выразивших желание в получении образовательных услуг, связанных со взаимодействием религиозных объединений и государственных и муниципальных органов управления образованием и образовательных учреждений;

- с соблюдением принципа добровольности при выборе изучения предметов религиозного образования, которое должно реализовываться не в ущерб общегражданскому образованию;

- с учетом обязанности представителей религиозных и национальных меньшинств знать основы культуры большинства.

Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования должно быть основано на учете национально-культурной и религиозной идентичности граждан и обусловлено существующими социальными потребностями.

Необходимость соблюдения принципа добровольности и учета национально-культурной идентичности обуславливает правило, согласно которому, представитель религиозного объединения может прийти в образовательное учреждение только к тем учащимся, которые выражают свою принадлежность к данному религиозному объединению (религиозному вероучению). Право распространять религиозные и иные убеждения не может быть абсолютизировано, этому праву совершенно не корреспондирует обязанность граждан выслушивать религиозную пропаганду проповедников. Абсолютизация права распространять религиозные и иные убеждения (в том числе посредством проведения культурно-массовых и благотворительных мероприятий) нарушает права и свободы тех граждан, кто не идентифицирует себя с данным религиозным объединением и не желает подвергаться навязыванию религиозного вероучения чуждой ему религии (чужого для него религиозного объединения).

3. Государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую,

материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании.

Пункт 3 статьи 4 устанавливает важную гарантию в отношениях между государством и религиозными организациями в Российской Федерации.

Этому пункту корреспондируют нормы законодательства Российской Федерации, устанавливающие для религиозных организаций ряд налоговых льгот.

Не затрагивая в настоящем кратком комментарии вопросы налогового, финансового и бюджетного законодательства, отметим лишь, что иногда встречающееся в литературе обоснование светскостью государства запрета на оказание государством какой-либо материальной (финансовой) помощи религиозным объединениям является надуманным, юридически не обоснованным. Такая помощь оказывается во всех странах мира, включая Францию и США и исключая Северную Корею, и обусловлена обязанностью государства содействовать коллективной реализации свободы вероисповедания.

Как пишет О.Е. Кутафин, светский характер государства не препятствует тому, что оно может оказывать религиозным объединениям материальную помощь из государственного бюджета⁷⁹. О.Е. Кутафин отмечает, что государство регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании⁸⁰.

Согласно М.В. Баглаю, нравственный долг требует, чтобы государство оказывало религиозным объединениям содействие в их деятельности⁸¹. В Юридическом энциклопедическом словаре под общей редакцией В.Е. Крутских указывается, что светский характер государства не препятствует ему оказывать религиозным общинам материальную помощь из государственного бюджета⁸².

---

⁷⁹ Государственное право Российской Федерации / Под ред. О.Е. Кутафина. – М.: Юрид. лит., 1996. – С.156–161.

⁸⁰ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – С.195.

⁸¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА (НОРМА–ИНФРА-М), 2002. – С.121.

⁸² Юридический энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 357.

Это подтверждает и Ж. Боберо, отмечающий, что светская нейтральность и принцип непризнания ни одной из религий со стороны государства делает невозможным выплату жалованья служителям религиозного культа и прочие формы прямой финансовой помощи религиозным объединениям со стороны государства (во французской модели правоотношений между государством и религиозными объединениями, – прим. авт.), что, однако, не мешает государству поддерживать армейских священников (капелланов); государство контролирует исполнение законов, касающихся наследования имущества, возможностей снижения налогов для благотворительных взносов в помощь религиозным объединениям, использования недвижимости⁸³.

Даже если в законодательстве той или иной страны напрямую закреплено, что государство не оплачивает и не субсидирует никакую религию, то это – декларация, касающаяся базовых принципов взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, не препятствующая на практике оказывать финансовую поддержку социально значимой деятельности религиозных организаций.

Так, абзац 1 статьи 2 Закона Франции от 9 декабря 1905 г. о разделении церквей и государства устанавливает, что Республика не признает, не оплачивает, не субсидирует никакую религию. Вместе с тем, третий абзац этой же статьи закрепляет, что в указанные бюджеты могут быть включены расходы на функционирование капелланских служб и на обеспечение свободного исповедания религий в таких государственных учреждениях как лицеи, колледжи, школы, хосписы, приюты и тюрьмы⁸⁴.

В своей работе под названием «Светскость, которая нами управляет во имя государства», беря во внимание статью 2 Закона Франции о разделении церквей и государства от 1905 г.: «*Республика не признает, не оплачивает, не субсидирует никакую религию*», директор по учебе Французской Высшей школы социальных наук и директор по исследованиям Национального центра социальных исследований (CNRS) Эмиль Пуля обосновывает вывод о том, что:

- Республика «признает» (все-таки);
- Республика «субсидирует и оплачивает» (все-таки);
- Республика «финансирует и освобождает от налогов» (все-таки)⁸⁵.

Как комментирует Жозеф Доре в своей работе «Конкордат и светский характер в нынешней Франции»: «*Это впечатляет, и здесь упомянуты не только условия, касающиеся Эльзаса и Мозеля!*»⁸⁶. Эльзас

⁸³ Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность?

⁸⁴ Journal officiel, 11.12.1905; с изменения и дополнениями, введенными законами от 28.03.1907, 13.04.1908, 19.07.1909, 31.12.1913, Декретом-законом от 04.04.1934, Законом от 25.12.1942, Декретом № 66-388 от 13.06.1966, законами №73-4 от 02.01.1973 и №98-546 от 02.07.1998 // Cultes et associations culturelles congrégations et collectivités religieuses. Edition établie par les soins du Ministère de l'intérieur. Edition mise à jour au 12 mars 1999. – Paris, 1999. – P. 9.

⁸⁵ Poulat E. La laïcité qui nous gouverne. Au nom de l'État // Documents Episcopat. Bulletin du Secrétariat de la Conférence des évêques de France. Juin 2001. – № 8/9. – P. 12–16.

⁸⁶ Doré J. Concordat et laïcité dans la France d'aujourd'hui // Documents Episcopat (Bulletin publié sous la responsabilité du Secrétariat général de la Conférence des évêques de France).

и Мозель – территории Франции с особым правовым режимом отношений между государством и религиозными организациями.

Такая финансовая помощь имеет вполне прагматическое обоснование, так как крупнейшие и традиционные для данной страны религиозные организации снимают с государства часть социальных задач, возлагая их на себя. Фрэнсис Фукуяма пишет, что религия оказывается не препятствием, а подспорьем демократизации⁸⁷.

В некоторых государствах круг религиозных объединений, получающих финансовую помощь от государства, достаточно широк. Например, в Норвегии не только государственная Норвежская церковь, но и все так называемые «свободные церкви» получают финансовую помощь от государства в зависимости от численности общины⁸⁸.

Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Государственная Дума ФС РФ, иные государственные органы ежегодно осуществляют планирование и выделение из федерального бюджета целевого финансирования централизованным религиозным организациям на реставрацию памятников истории и культуры. Такая финансовая поддержка осуществляется и из бюджетов субъектов Российской Федерации.

Следует отметить, что перечень форм помощи государством в пункте 3 комментируемой статьи не является исчерпывающим.

Формулировка пункта 3 об оказании государством помощи в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании, является юридически неточной, вызывающей ряд вопросов. Скорее всего, речь идет об общем образовании и о поддержке государством учрежденных религиозными организациями гимназий и иных общеобразовательных учреждений. Хотя после внесения в Закон «Об образовании» в 2004 году изменений, такая помощь сведена почти на нет.

4. Деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не сопровождается публичными религиозными обрядами и церемониями. Должностные лица органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления, а также военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии.

Данный пункт закрепляет требования светскости, предъявляемые к деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также к деятельности государственных и муниципальных служащих.

– Mars 2002. – № 4/5. – Р. 20.

⁸⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – С. 329.

⁸⁸ Чернышева О.В., Комаров Ю.Д. Церковь в скандинавских странах. – М.: Наука, 1988. – С. 144.

Недопустимость использования государственными служащими своего служебного положения для формирования того или иного отношения к религии предусматривает, что ко всем гражданам должен быть одинаковый подход, вне зависимости от того, какие у них верования или убеждения. С другой стороны, необходимо, чтобы администрация, подчиненная политической власти, не только бы давала все гарантии нейтральности, но также и проявляла нейтральность практически, чтобы гражданин не мог в ней усомниться. Вне исполнения служебных обязанностей государственный служащий свободен проявлять свои суждения и верования при условии, что эти проявления не будут отражаться на его службе. Точно так же при исполнении служебных обязанностей должен применяться принцип строгой нейтральности. Всякая манифестация религиозных убеждений в рамках службы запрещена, равно как и ношение знаков религиозной принадлежности (за исключением ношения нательных знаков религиозной принадлежности в той мере, в какой это обосновано свободой совести и выражения религиозных убеждений), даже тогда, когда государственные служащие не соприкасаются с потребителями услуг государственных органов.

Известны несколько решений Европейского суда по правам человека, касавшихся вопросов светскости и утвердивших требования, сравнимые с требованиями французской судебной практики относительно как государственных служащих, так и граждан. Так, в постановлении по делу «Далаб против Швейцарии» от 15 февраля 2001 г. по жалобе государственной служащей-преподавательницы из швейцарского кантона Женевы, на которую было наложено дисциплинарное взыскание за отказ на работе снять мусульманский платок, Европейский суд по правам человека отказал в удовлетворении жалобы, мотивировав это тем, что запрет носить платок в рамках деятельности службы начального образования является необходимой мерой в демократическом обществе. В постановлении по делу «Калас против Турции» от 1 июля 1997 г. Европейский суд по правам человека подтвердил правомерность дисциплинарного взыскания, наложенного на военнослужащего за осуществление религиозного прозелитизма с использованием служебного положения⁸⁹.

Вместе с тем, данный запрет не следует абсолютизировать и толковать как полное запрещение любого сколько-нибудь более частого взаимодействия государственных должностных лиц или государственных служащих с одними религиозными организациями, чем с другими, поскольку государство обязано осуществлять более широкое взаимодействие с крупнейшими религиозными организациями, чем с теми, которые представляют по несколько десятков верующих.

Пункт 4 статьи 4 устанавливает недопустимость сопровождения служебной деятельности государственных служащих публичными религиозными обрядами и церемониями.

---

⁸⁹ Rapport de la Commission de réflexion sur l'application du principe de laïcité dans la République remis au Président de la République, 11.12.2003. Commission présidée par Bernard Stasi. – P. 49–50.

К нарушениям данного требования можно отнести наличие явной религиозной символики в зданиях и помещениях. Следует отметить, что данная проблема сложна и не может решаться без рассмотрения каждого конкретного случая по существу. Так, несомненно, религиозная символика не может превалировать в декорировании зданий и помещений, где размещены органы государственной власти, другие государственные органы, подразделения государственной службы. Это, однако, не препятствует нахождению в кабинете государственного служащего каких-то предметов, содержащих религиозную символику, если наличие таких предметов обосновано свободой совести и убеждений данного госслужащего, не несет прозелитических целей, не направлено на формирование того или иного отношения к религии. Сложность и неоднозначность восприятия проблемы можно описать на простейшем примере. Наличие небольшой православной иконы в кабинете госслужащего может вызвать в определенной ситуации большое количество негативных эмоций и протестов со стороны ревностных приверженцев секуляризма, но никогда подобное их отношение почему-то не возникает из-за висящего на стене в кабинете госслужащего плаката с астрологическими изображениями и текстами, хотя оккультно-религиозный характер учения астрологии бесспорен.

Явным нарушением этого требования являлось официальное размещение в течение почти десятилетия в фойе второго этажа Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации так называемого «знамени мира» – оккультно-религиозного символа религиозного объединения последователей Рерихов, не несущего в себе никакой, помимо оккультно-религиозной, смысловой и символической нагрузки.

Не менее сложной является проблема проведения обрядов освящения военной техники и зданий государственных органов христианами священнослужителями. Такой обряд может быть как правомерным, так и нарушающим права и свободы лиц, исповедующих другие религии, все зависит от конкретной ситуации.

5. В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства религиозное объединение:

создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям;

не выполняет функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления;

не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления;

не участвует в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь.

Установленные пунктом 5 требования и ограничения, предъявляемые к религиозным объединениям, корреспондируют требованиям светскости государства и отделения религиозных объединений от государства.

См. комментарий к пункту 1 настоящей статьи.

6. Отделение религиозных объединений от государства не влечет за собой ограничений прав членов указанных объединений участвовать наравне с другими гражданами в управлении делами государства, выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, деятельности политических партий, политических движений и других общественных объединений.

Данная норма определяет, что ограничения налагаемые в политической сфере на религиозные объединения, обоснованы не антирелигиозной политикой государства и его стремлением подавлять свободу совести, как это было в советский период, а требованиями светскости государства. Поэтому любой верующий, в том числе священнослужитель, вправе принимать пассивное или активное участие на равных с другими лицами основаниях в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления, в управлении делами государства, принимать участие в деятельности политических партий.

Фраза о допустимости участия членов религиозных объединений в деятельности общественных объединений здесь избыточна, поскольку они, и без того, имеют такое право, нет никаких оснований для подобных ограничений хоть в личном качестве, хоть в качестве священнослужителя.

7. По просьбам религиозных организаций соответствующие органы государственной власти в Российской Федерации вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях.

Данная норма определяет допустимость установления крупнейших религиозных праздников в качестве нерабочих праздников.

Статья 112 «Нерабочие праздничные дни» Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с послед. изменениями) устанавливает в качестве нерабочего праздничного дня в Российской Федерации 7 января – Рождество Христово (по православному празднованию).

Следует отметить, что государство не в состоянии закрепить в качестве нерабочих дней на всей территории России и также дни религиозных праздников всех прочих религий. И это не является их дискриминацией.

Согласно пункту 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда

города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина, относящиеся к основам конституционного строя Российской Федерации принципы плюралистической демократии, многопартийности и светского государства применительно к законодательной регламентации создания и деятельности (в том числе условий регистрации) политических партий не могут истолковываться и реализовываться без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий.

В этом отношении целесообразно, по аналогии и для примера, процитировать Доклад Государственного Совета Французской Республики за 2003 год, который был представлен и обнародован 5 февраля 2004 года и в части второй «Век светскости» гласил: «Не стоит преувеличивать значение проблем, связанных с тем, что светскость во Франции – это светскость «на христианском фоне»: поскольку совершенно невозможно пренебречь вековой историей и считать неправильным, что нерабочие дни и официальные праздники связаны напрямую или почти исключительно с воспоминаниями о событиях христианской жизни... С трудом можно себе представить, на каком основании можно было бы пересматривать вопрос о предоставлении отдыха в воскресенье, поскольку этот день помимо того, что позволяет людям, исповедующим христианскую религию, отправлять свой культ, соответствует социальной необходимости предоставлять подавляющему большинству работающих общий день отдыха один раз в неделю. С другой стороны, это не исключает возможности поиска решения, которое позволило бы на практике сторонникам религиозных меньшинств совмещать свою религиозную принадлежность с календарём и ритмом жизни французского общества»⁹⁰.

Вместе с тем, субъекты Российской Федерации вправе самостоятельно устанавливать выходными нерабочими днями дни религиозных праздников других религий, имеющих отношение к историческому и культурному наследию народов России. Кроме того, вполне решаем вопрос об освобождении работника в частном порядке на дни его религиозных праздников с учетом производственных особенностей его работы.

Статья 5. Религиозное образование

1. Каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими.

Данная норма является одной из правовых гарантий свободы вероисповедания, поскольку, де-факто и в соответствии с пунктом 1 статьи 6 и пунктом 1 статьи 8 комментируемого Закона распространение веры, в

---

⁹⁰ Rapport public de Conseil d'Etat, 05.02.2004. Jurisprudence et avis de 2003. Un siècle de laïcité (Réflexions sur la laïcité) // Études et documents. №55. – Paris, 2004. – P. 241–400.

том числе посредством религиозного образования, является характерным признаком и одной из целей создания религиозного объединения.

Право на получение религиозного образования является элементом свободы совести. Это следует из статьи 28 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому человеку свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Этот тезис бесспорен и получил отражение во многих научных публикациях⁹¹.

Эти права являются естественными правами человека, то есть теми, которыми каждый человек обладает от рождения, и, следовательно, они не могут быть даны ему ни государством, ни обществом, так как уже принадлежат ему, но они должны быть признаны государством и подкреплены в законодательстве правовыми гарантиями их соблюдения и защиты.

Конституционная норма статьи 28 согласуется с нормами целого ряда международных актов о правах человека.

Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г.: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» (статья 18); «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений...» (статья 19)⁹².

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.: «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь и принимать религию или убеждения по своему личному выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком... 2. Никто не должен подвергаться принуждению,

⁹¹ См, например: Rapport de la Commission de réflexion sur l'application du principe de laïcité dans la République remis au Président de la République, 11.12.2003. Commission présidée par Bernard Stasi. – Paris: La Documentation française, 2004. – 166 p.; Rapport public de Conseil d'Etat, 05.02.2004. Jurisprudence et avis de 2003. Un siècle de laïcité (Réflexions sur la laïcité) // Études et documents. №55. – Paris, 2004. – P. 241–400 ; Hervieu Léger Danièle. La religion à l'école. – Paris: Cerf, 1990; Debray Régis. Rapport au ministre de l'Education nationale «L'enseignement du fait religieux dans l'Ecole laïque», Février 2002. – Paris: Odile Jacob, 2002. – 62 p.; Debray Régis. Le «fait religieux»: définitions et problèmes // L'enseignement du fait religieux. Actes de séminaire national interdisciplinaire (Paris, 5–7 novembre 2002). – Châtillon (France): Centre régional de documentation pédagogique de l'Académie de Versailles, 2003. – 372 p. – P. 15–19; Suchocka H. Nauczanie religii w szkole w swietle kosztujacych i ustawodawstwa wybranych panstw europejskich [Сухоцкая Ханна. Религиозное обучение в школе в конституциях и законодательстве некоторых европейских стран] // Nauczanie religii w szkole w panstwie demokratycznym. – Lublin, 1991. – S. 85–99.

⁹² Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: НОРМА (НОРМА–ИНФРА-М), 2000. – С. 41–42.

уменьшающему его свободу иметь или принимать религию и убеждения по своему выбору. 3. Свобода исповедовать религию и убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц...» (статья 18); «Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений» (часть 1 статьи 19)⁹³.

Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960 г.: «...никому в отдельности и ни одной группе лиц, взятой в целом, не следует навязывать религиозное воспитание, несовместимое с их убеждениями...» (статья 5)⁹⁴.

Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г.: «Государства–участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка...» (часть 1 статьи 12); «Ребенок имеет право свободно выражать свое мнение...» (часть 1 статьи 13); «Государства–участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии... Свобода исповедовать свою религию или веру может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения и защиты основных прав и свобод других» (части 1 и 3 статьи 14)⁹⁵.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 г.⁹⁶: «1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и совместно с другими лицами, публичным или частным порядком, в богослужении, учении и отправлении религиозных и ритуальных обрядов. 2. Свобода исповедовать свою религию или свои убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц» (статья 9)⁹⁷.

Вышеприведенные положения международных актов показывают, что право на получение религиозного образования, которое является одной из форм распространения религиозных убеждений, входит в комплекс прав, составляющих свободу вероисповедания.

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации не содержится прямых запретов на осуществление религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях Российской Федерации. Пункт 4 статьи 5 Федерального

⁹³ Там же. – С. 59.

⁹⁴ Там же. – С. 161.

⁹⁵ Там же. – С. 309–310.

⁹⁶ Текст, измененный в соответствии с положениями Протокола № 3, вступившего в силу 21.09.1970 г., Протокола № 5 (ETS, № 55), вступившего в силу 20.12.1971 г., и Протокола № 8 (ETS, № 118), вступившего в силу 01.01.1990 г., и содержащий текст Протокола № 2 (ETS, № 44).

⁹⁷ Международные акты о правах человека. Сборник документов. – С. 542.

закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает: «По просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы», так же не запрещает реализации религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в силу того, что правовое регулирование образования в Российской Федерации закреплено в другом нормативно-правовом акте – Законе РФ «Об образовании». А предметом регулирования Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» являются не отношения, связанные со сферой образования, а свобода совести, а также статус и деятельность религиозных объединений, в том числе их взаимоотношения с государством. Кроме того, в указанной норме говорится об обучении религии религиозными организациями.

Пункт 5 статьи 1 Закона РФ «Об образовании», запрещающий создание и деятельность организационных структур религиозных объединений в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и органах управления образованием, не содержит запрета религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, не имеет к этому вопросу отношения.

Норма пункта 1 статьи 5 является одним из оснований (хотя и не регулирует прямо) реализации светского по форме религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях – преподаванию знаний о религиозной культуре (культурологический курс) на основе добровольности выбора. Данный вопрос регулируется законодательством Российской Федерации об образовании и лишь опосредованно – указанной и некоторыми другими нормами комментируемого закона.

Пункт 1 статьи 5 комментируемого Закона имеет прямое отношение и к такой форме религиозного образования – как теологическое образование⁹⁸.

Когда заходит речь о теологическом образовании, то обычно ожидается стандартный ответ: теология – это наука, предметом изучения которой является Бог и которая отражает элементы христианского вероучения с точки зрения и посредством научных методов. Но такой ответ при всей его верности не является исчерпывающим. Современная теология поднимает вопросы жизни как общества в целом, так и отдельного человека, рассматривая их целостно и системно, делая акцент на ценностную ориентацию и религиозное сознание человека. Поэтому теологическое образование связано с изучением обширного спектра предметов, с овладением всеми основными научными методами и

---

⁹⁸ Подробнее см.: Понкин И.В. Теологический факультет государственного университета: Европейский опыт правового регулирования. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2006. – 212 с.

существенным объемом познаний в самых разных областях человеческого знания.

По мнению руководителя по учебе теологического (католического) факультета Университета кантона Люцерн Швейцарии Маркуса Верли, при теологическом образовании речь идет не только о приобретении знаний и не только о занятии религией, но и о содействии становлению и развитию таких человеческих качеств, как чуткость, способность к аргументации и готовность к диалогу⁹⁹.

Сегодня отношение в обществе к теологическому образованию, особенно – в секуляризованном обществе, строится на основе множества мифов и устаревших стереотипов. Эти стереотипы вызваны отчасти идеологической зашоренностью, обусловленной воздействием агрессивной антирелигиозной пропаганды в европейских странах (особенно – в СССР и странах Восточной Европы) на протяжении многих десятилетий, а отчасти – тем, что сами преподаватели-теологи не всегда учитывают современные реалии в жизни общества и не стремятся преодолевать устаревшие стереотипы в открытой дискуссии.

Упомянутый католический теолог Маркус Верли в этом отношении ставит весьма важные вопросы интеграции современного теологического образования в общественную жизнь согласно уровню развития современного общества, вопросы, весьма значимые для будущего всей системы университетского теологического образования¹⁰⁰. – Как осуществить представление теологического образования таким образом, чтобы потенциальные кандидаты на учебу, в первую очередь – молодежь, смогли бы узнать интересные и привлекательные возможности такого образования и заманчивые перспективы для их будущего? Вообще, возможно ли это без того, чтобы инсценировать нечестное PR-шоу и замалчивать непосредственное отношение этой учебы к католической вере и к Католической церкви? Как объяснить потенциальным кандидатам на учебу, что теологическое образование дает основания для рукоположения в священники, но совершенно не принуждает к этому, и выбор остается за каждым выпускником?

Применительно к ситуации в России к этим вопросам можно также добавить и другие вопросы: Как выстроить теологическое образование, чтобы выпускники имели определенные гарантии востребованности на рынке труда? Как обеспечить прорыв из состояния определенной корпоративной замкнутости (и даже изолированности) современного теологического образования в России и обеспечить нормальные взаимоотношения теологии с другими направлениями человеческого знания и научной мысли, прежде всего – снять (без ущерба для самой теологии) напряженность в отношениях с философами, особенно – старой советской «закалки»? Как обеспечить в России снижение настороженности Русской Православной Церкви к теологическому образованию в православных образовательных учреждениях как условию рукоположения получившего такое образование мужчины в священнослужителя (по крайней мере, допустимого условия)? И как обеспечить соответствие

---

⁹⁹ Wehrli M. Theologie in Luzern. Attraktives Theologiestudium // <http://www.unilu.ch/tf>.

¹⁰⁰ Там же.

качества теологического образования чаянием Русской Православной Церкви?

Сегодняшнее упорное нежелание Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России вводить ученые степени кандидата и доктора теологии тем более непонятны, что теология как специальность и как направление подготовки сегодня уже длительное время закреплена в целом ряде российских нормативных правовых документов¹⁰¹.

Впервые государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 520200 «теология» (бакалавриат) был утвержден 30 декабря 1993 г. Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию¹⁰².

Тогда же Общероссийский классификатор специальностей по образованию, утвержденный Постановлением Госстандарта России от 30.12.1993 г. № 296¹⁰³, закрепил теологию в качестве направления подготовки в высшем образовании:

Код	Контрольное число	Наименование направления подготовки в высшем образовании	Код по Международной стандартной классификации образования (МСКО) ЮНЕСКО	Сокращенный код направления подготовки
5202 00 2	9	Теология	62600	0200

Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию Приказом от 5 марта 1994 г. № 180 «Об утверждении государственного образовательного стандарта в части классификатора направлений и специальностей высшего профессионального

¹⁰¹ Анализ, касающийся документов по теологическому образованию выполнен на основе: Заключение заведующего кафедрой государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, члена-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Г.В. Мальцева и доктора юридических наук, профессора кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации М.Н. Кузнецова от 11.01.2005 о правовой обоснованности признания государством дипломов о высшем и послевузовском образовании и об ученой степени, выдаваемых в образовательных и научных учреждениях и организациях Русской Православной Церкви, а также внесения специальности «теология» в Номенклатуру специальностей научных работников и создания в установленном законом порядке диссертационных советов по специальности «теология».

¹⁰² Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования – Требования к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра по направлению 520200 – Теология. Утвержден заместителем Председателя Госкомвуза России В.Д. Шадриковым 30.12.1993.

¹⁰³ Утратил силу – Постановление Госстандарта РФ от 30.09.2003 № 276-ст. Дата введения – 1 июля 1994 г. Разработан Научно-исследовательским институтом высшего образования (НИИВО) Госкомвуза России и Всероссийским научно-исследовательским институтом классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ) Госстандарта России. Представлен Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию. Внесен Главным управлением технической политики в области стандартизации Госстандарта России.

образования»¹⁰⁴ утвердил в соответствии с решением Межведомственного экспертного совета по государственным образовательным стандартам от 23.02.1994 г. и ввел с 1994 / 1995 учебного года «Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Классификатор направлений и специальностей высшего профессионального образования» (Приложение к указанному приказу). В этом классификаторе теология (код – 520200) была закреплена в качестве направления высшего профессионального образования.

Распоряжение Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 23.07.1999 г. № 893-14 «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования в части перечня направлений подготовки и специальностей университетского образования» во исполнение решения коллегии министерства от 01.06.1999 № 12/1 «Об основных направлениях проектирования Перечня направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования» и Приказа Минобразования России от 28.06.1999 № 49 «Об основных направлениях проектирования Перечня направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования» утвердило на период формирования государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования второго поколения примерный Перечень направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования в части образовательных областей и специальностей университетского образования. Указанным распоряжением, в частности, теология (код – 520200) утверждена в качестве одного из направлений подготовки (в образовательной области 520000 – Гуманитарные и социально-экономические направления).

Специальность «теология» впервые была утверждена Приказом Министерства образования Российской Федерации от 02.03.2000 № 686 «Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования»¹⁰⁵.

Приказ Министерства образования Российской Федерации №1230 от 26.04.2000 г. «О закреплении направления 520200 Теология и специальности 020500 Теология за Учебно-методическим объединением университетов России» в целях обеспечения необходимого научного и

¹⁰⁴ Утратил силу – Приказ Минобразования РФ от 02.03.2000 № 686.

¹⁰⁵ Собственно, закрепленный в Приложении к Приказу Минобразования России от 2 марта 2000 г. № 686 Перечень направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования утратил силу в соответствии с Приказом Минобразования РФ от 08.11.2000 № 3200. Однако теология как специальность и как направление подготовки в результате этого не была отменена, получив закрепление и дальнейшее развитие в целом ряде последующих актов.

Например, теология как направление подготовки и специальность указана в Приложении 2 к письму Минобразования России от 29 января 2004 г. № 19-52-104ин/19-28 «Перечень направлений подготовки и специальностей по Общероссийскому классификатору специальностей по образованию (ОКСО) с указанием уровней образования (высшее профессиональное образование (ВПО), среднее профессиональное образование (СПО) по каждому направлению и специальности и кодов специальностей среднего профессионального образования по классификатору специальностей среднего профессионального образования Минобразования России».

учебно-методического уровня подготовки специалистов по направлению 520200 «теология» и специальности 020500 «теология» (а также учитывая ходатайство руководства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова от 14.02.2000 №01-27/11) закрепил за Учебно-методическим объединением университетов России¹⁰⁶ (отделение истории и искусствovedения) указанные направление и специальность и назначил председателем отделения УМО академика РАЕН профессора С.П. Карпова.

Министерством образования Российской Федерации 08.11.2000¹⁰⁷ был утвержден Перечень направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования, согласно которому теология является одним из направлений подготовки бакалавров и магистров и одной из специальностей подготовки дипломированных специалистов:

1. Перечень направлений подготовки бакалавров и магистров

Код и наименование направления подготовки бакалавров и магистров	Код ступени профессионального образования в соответствии с ОКСО и наименование академической степени
520200 – Теология	2 – Бакалавр теологии 3 – Магистр теологии

2. Перечень специальностей

Код и наименование специальности подготовки дипломированных специалистов	Код ступени профессионального образования в соответствии с ОКСО и наименование квалификации
020500 Теология	3 - Теолог

В последующем государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 520200 «теология» (квалификация выпускника – бакалавр теологии) и Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 520200 «теология» (квалификация выпускника – магистр теологии) были утверждены Министерством образования Российской Федерации 12.03.2001 (регистр. № 511гум./бак. и № 512гум./маг. соответственно).

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 020500 «теология» (квалификация выпускника – теолог, преподаватель) впервые был утвержден Министерством образования Российской Федерации 28.01.2002 (регистр. № 531гум./сп.)

¹⁰⁶ Приказом Министерства образования Российской Федерации от 25.06.2001 № 2496 было переименовано в Учебно-методическое объединение по классическому университетскому образованию.

¹⁰⁷ Приказ Министерства образования Российской Федерации от 08.11.2000 № 3200 «О частичном изменении Приказа Минобразования России от 02.03.2000 № 686 “Об утверждении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования”», в ред. Приказов Минобразования РФ от 25.07.2001 № 2795, от 31.07.2001 № 2845, от 23.08.2001 № 3003, от 24.01.2002 № 181, от 25.07.2001 № 2795, от 08.10.2002 № 3521, от 08.10.2002 № 3522, от 15.04.2003 № 1611, от 28.04.2003 № 1882, от 25.09.2003 № 3676.

В настоящее время Общероссийский классификатор специальностей по образованию, утвержденный Постановлением Госстандарта России от 30.09.2003 № 276-ст.¹⁰⁸, устанавливает следующие специальности и направления подготовки:

Код	Направление подготовки	Код квалификации по направлению подготовки ¹⁰⁹	Квалификация по направлению подготовки
031900	Теология	62	Бакалавр теологии
		68	Магистр теологии
031901	Теология	65	Теолог, преподаватель

Согласно Указателю соответствия между перечнем направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования и общероссийским классификатором специальностей по образованию ОК 009-2003 (Приложение № 2 к Приказу Минобразования России от 04.12.2003 № 4482 «О применении Общероссийского классификатора специальностей по образованию»), теология и как специальность по образованию, и как направление подготовки и специальность высшего профессионального образования встроена в систему образования и науки Российской Федерации:

Перечень направлений подготовки и специальностей высшего профессионального образования	Общероссийский классификатор специальностей по образованию
1. Направления подготовки бакалавров и магистров	
520200 – Теология	031900 – Теология
2. Специальности подготовки дипломированных специалистов	
020500 – Теология	031900 – Теология

Получила свое закрепление теология и в системе повышения квалификации. 09.04.2002 Министерством образования Российской Федерации были утверждены Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки для получения дополнительной квалификации «Эксперт в области теологии».

Министерство образования Российской Федерации Приказом от 09.03.2004 № 1136 «О введении в действие государственных требований к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительных квалификаций»¹¹⁰ ввело в действие государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительных квалификаций, в том числе к минимуму содержания и уровню требований

¹⁰⁸ Дата введения – 01.01.2004.

¹⁰⁹ Цифра в 1-м разряде кода квалификации указывает уровень образования: 6 – высшее профессиональное образование; цифра во 2-м разряде указывает уровень квалификации: 2 – бакалавр, 8 – магистр.

¹¹⁰ В соответствии с Положением о порядке и условиях профессиональной переподготовки специалистов, утвержденным Приказом Минобразования России от 06.09.2000 № 2571 (зарегистрир. в Минюсте России 24.10.2000 за № 2424).

к специалистам для получения дополнительной квалификации «Эксперт в области теологии» (утвержденных Минобразованием России 09.04.2002).

По специальности «теология» и по направлению подготовки «теология» уже получили государственную аккредитацию многие российские вузы (см., например, Приказ Министерства образования Российской Федерации от 10.12.2003 № 4549 «О государственной аккредитации и аттестации образовательных организаций»).

Действующие на сегодня в России государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования предусматривают возможность реализации программ подготовки бакалавра, специалиста и магистра теологии.

<u>Направление \ специальность</u>	<u>Квалификация</u>
Теология 031900-62	Бакалавр теологии
Теология 031901-65	Теолог, преподаватель
Теология 031900-68	Магистр теологии

Сказанное дает достаточные основания утверждать о бесспорной встроенности теологии в систему образования и науки Российской Федерации, а также о вполне исчерпывающей правовой урегулированности требований, предъявляемых к теологии как направлению подготовки и специальности профессионального высшего образования и экспертной квалификации.

2. Воспитание и образование детей осуществляются родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания.

Смысл требуемого пунктом 2 статьи 5 учета свободы вероисповедания ребенка родителями при его воспитании не конкретизирован в комментируемом Законе. Можно предположить, что речь идет о недопустимости форм жесткого насилия в отношении ребенка, не желающего посещать какое-либо религиозное объединение, обряды или иная деятельность которого вызывают у ребенка устойчивое состояние страха. Что-то иное предположить достаточно сложно в этой ситуации, поскольку родители самостоятельно (за исключением крайних каких-то случаев) определяют этические и / или религиозные ценности, на основе которых они воспитывают собственного ребенка. Абсурдно говорить, что ребенок 4-11 лет имеет собственные воззрения на свое воспитание и что его свобода совести не позволяет его родителям вести его на службу в церковь (мечеть, синагогу и т.д.), когда он хочет играть с мячом на улице или посмотреть дома телевизор. Собственно, такого рода абсурдные толкования данной нормы, связанные с правовым нигилизмом, делаются представителями тех религиозных объединений, которые игнорируя права и законные интересы несовершеннолетних и их родителей, ориентированы на некорректные формы прозелитизма среди

несовершеннолетних с целью навязывания им своего вероучения и вовлечения их в свою религиозную деятельность.

Мнение о том, что эта норма совместно с нормой пункта 5 статьи 3 комментируемого Закона определяет, что с 14 лет ребенок исключительно самостоятельно решает вопрос о своем отношении к религии, так же является необоснованным, поскольку в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации нормы международных договоров о правах человека, участником которых является Российская Федерация, устанавливающие приоритетные права родителей на выбор и осуществление воспитания своих несовершеннолетних детей, имеют прямое действие.

Приоритетное право родителей в выборе образования для своих несовершеннолетних детей закреплено в целом ряде международных актов о правах человека. Некоторые из актов закрепляют такое право родителей только в отношении малолетних детей, другие – в отношении несовершеннолетних детей.

Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948: «Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей» (часть 3 статьи 26)¹¹¹.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966: «Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов... обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями» (часть 3 статьи 13)¹¹².

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966: «Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями» (часть 4 статьи 18);

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25.11.1981: «1. Родители или, в соответствующих случаях, законные опекуны ребенка имеют право определять образ жизни в рамках семьи в соответствии со своей религией или убеждениями, а также исходя из нравственного воспитания, которые, по их мнению, должен получать ребенок. 2. Каждый ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или убеждений в соответствии с желанием его родителей или, в соответствующих случаях, законных опекунов и не принуждается к обучению в области религии или убеждений вопреки желаниям его родителей или законных опекунов, причем руководящим принципом являются интересы ребенка... 4. Если ребенок не находится на попечении своих родителей или законных опекунов, то принимаются должным образом во внимание выражаемая ими воля или любые проявления их воли в вопросах религии или убеждений, причем руководящим принципом

¹¹¹ Международные акты о правах человека. Сборник документов. – С. 43.

¹¹² Там же. – С. 48.

являются интересы ребенка. 5. Практика религии или убеждений, в которых воспитывается ребенок, не должна наносить ущерб ни его физическому или умственному здоровью, ни его полному развитию...» (статья 5)¹¹³.

Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14.12.1960: «1. Государства, являющиеся сторонами настоящей Конвенции, считают, что... b) родители и, в соответствующих случаях, законные опекуны должны иметь возможность, во-первых, в рамках, определенных законодательством каждого государства, свободно посылать своих детей не в государственные, а в другие учебные заведения, отвечающие минимальным требованиям, предписанным или утвержденным компетентными органами образования, и, во-вторых, обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их убеждениями; никому в отдельности и ни одной группе лиц, взятой в целом, не следует навязывать религиозное воспитание, несовместимое с их убеждениями... 2. Государства, являющиеся сторонами настоящей Конвенции, обязуются принять все необходимые меры, чтобы обеспечить применение принципов, изложенных в пункте 1 настоящей статьи» (статья 5)¹¹⁴.

Протокол № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при выполнении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать детям такое образование и обучение в соответствии с собственными религиозными и философскими убеждениями» (статья 2)¹¹⁵.

В соответствии с частью 2 статьи 38 Конституции Российской Федерации, забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Часть 1 статьи 63 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает, что родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами.

Учитывая, что пункт 6 статьи 2 Закона РФ «Об образовании» устанавливает в качестве одного из принципов государственной политики в сфере образования – государственно-общественный характер управления образованием, а также, что вообще система образования функционирует на деньги налогоплательщиков, целесообразно соотнесение данной нормы и с вопросом возможности преподавания знаний о религиозной культуре на основе добровольности выбора в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях. Хотя следует отметить, что изучение в школах религиозной культуры регулируется в первую очередь законодательством Российской Федерации об образовании.

Развернувшаяся в октябре 2002 – марте 2003 г. в российских СМИ дискуссия вокруг письма Министерства образования Российской Федерации органам управления образованием субъектов Российской Федерации

---

¹¹³ Там же. – С. 133–134.

¹¹⁴ Там же. С. 161.

¹¹⁵ Там же. – С. 551.

Федерации от 22.10.2002 № 14-52-876ин/16, сопроводившего материал, предназначенный для оказания методической помощи работникам органов управления образованием, руководителям образовательных учреждений, методических центров, разработчикам учебно-методического обеспечения учебных курсов православной культуры, как лакмусовая бумажка выявила существующую и по сей день в нашей стране идеологическую предвзятость и безграмотность в области образования и религиозной культуры многих работников СМИ и чиновников, в ряде случаев отягощенные еще и нетерпимостью к православному христианству. Практически одновременно в ряде СМИ была начата пропагандистская кампания, направленная против самой возможности получения российскими школьниками знаний по учебному предмету «Православная культура» на основе добровольного выбора ими этого учебного курса.

Большинство подобных публикаций вводили читателей в заблуждение, преподнося и комментируя указанное письмо Министерства образования Российской Федерации как введение нового общеобязательного предмета, представляющего, по сути, «Закон Божий», хотя ничего подобного в указанном письме не содержалось. Более того, в ряде СМИ ставилось под сомнение само право российских граждан изучать основы своей традиционной религиозной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. О недобросовестном и неконструктивном отношении некоторых журналистов свидетельствует и почти полное молчание СМИ по поводу письма Министерства образования Российской Федерации органам управления образованием субъектов Российской Федерации от 13.02.2003 № 01-51-013ин, в котором содержались дополнительные разъяснения к письму Министерства образования Российской Федерации от 22.10.2002 № 14-52-876ин/16 и был уточнен порядок реализации учебного курса «Православная культура».

На самом деле, цель указанного письма Министерства образования Российской Федерации была в том, чтобы способствовать упорядочению содержания уже преподаваемых в школах в различных субъектах Российской Федерации учебных предметов, основным содержанием которых являются знания о православной культуре. Будь то всего лишь пятнадцатиминутный экскурс в основы православной культуры в течение годового курса истории или преподавание отдельного учебного предмета «Православная культура», реализуемого как факультативный предмет вне сетки часов либо как предмет школьного компонента общеобразовательной школьной программы из числа предметов по выбору – строго на основе добровольного выбора, а также уважения и соблюдения свободы совести учащихся и их родителей (законных представителей).

Показательно, что критика в адрес Министерства образования была основана не на какой-либо серьезной и квалифицированной правовой или научно-педагогической аргументации, а исключительно на введении в заблуждение, искажениях и эмоциональном комментировании этих искажений. Практически все критики ограничивались лишь высказыванием голословных обвинений, никак их не аргументируя, или же

аргументация была весьма надуманной, характеризовалась отсутствием правдивости и ясности изложения ситуации.

Один из противников преподавания православной культуры А.И. Адамский заявлял: *«После того как осенью прошлого года Министерство образования спровоцировало волну религиозной экспансии в школы, общественность выступила резко против»*¹¹⁶.

Правда, однако, состоит в том, что никаких «протестов общественности» не было. Была кампания в СМИ, развернутая тремя десятками людей (частично консолидированных в несколько объединений), изучение публикаций которых ясно свидетельствует об их ненависти и нетерпимости (в той или иной мере) к православному христианству и основанной именно на этом их мотивации к выступлениям против возможности получения школьниками знаний о православной религиозной культуре в государственных и муниципальных образовательных учреждениях даже на основе добровольности выбора.

Другое заявление А.И. Адамского, сделанное им относительно наличия учебного курса литературы в школьной программе 27.11.2006 на проводившихся в Общественной палате Российской Федерации слушаниях по вопросу преподавания религиозной культуры в светской школе: *«Мы знаем, к чему приводит обязательное изучение литературы. Ни к чему, кроме отвращения, это не приводит»*¹¹⁷, позволяет сделать обоснованный вывод об общей антикультурной направленности попыток воспрепятствовать правомерной реализации возможности изучать религиозную культуру в школе на основе добровольности выбора.

Анализ публикаций и сообщений по рассматриваемой проблеме в средствах массовой информации, в том числе – электронных СМИ, показывает, что резко против преподавания учебного предмета «Православная культура» в государственных и муниципальных образовательных учреждениях выступили только несколько государственных служащих, выступления которых были широко распространены, а фактически – разрекламированы некоторыми средствами массовой информации. Кроме того, было несколько десятков авторских публикаций журналистов, посвященных вопросу правомерности, возможности и обеспеченности преподавания православной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Из этих публикаций часть (в основном в изданиях либеральной направленности) была негативной оценочной направленности, а часть – в поддержку материала Министерства образования Российской Федерации.

Как две капли воды оказалась похожа на кампанию 2002–2003 гг. развязанная летом-осенью 2006 г. в СМИ кампания «общественных

¹¹⁶ Адамский А. Религия на пороге школы? Конфликт вокруг «Основ православной культуры» вновь разрастается: теперь и другие конфессии предлагают внести основы своих вероучений в школьную программу // Первое сентября. – 08.05.2003.

¹¹⁷ Несмотря на подобного рода сомнительные педагогические воззрения отдельных лиц или нежелание отдельных школьников изучать литературу, курс литературы, очевидно, не может быть изъят из школьной программы.

протестов» (так же продуцируемых малочисленной группой лиц¹¹⁸) против преподавания православной культуры. Основным объектом нападков здесь явился белгородский областной закон «Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования в Белгородской области» от 03.07.2006 № 57, который был совершенно безосновательно выдан за якобы антидемократический.

По-прежнему, главный тезис противников изучения православной культуры в светской школе на основе добровольности выбора в том, что будто бы это приведет к нарушению прав «других», приведет к социальной напряженности и даже межрелигиозным конфликтам. При этом, правда, никогда не указываются конкретные города и образовательные учреждения, где были (если были) нарушены права конкретных учащихся из семей мусульман, иудаистов, буддистов, протестантов, католиков и пр.

Можно допустить, что такие нарушения случаются. Как случаются нарушения при реализации любого школьного предмета. При выявлении реальных фактов принуждения детей из мусульманских, иудаистских и др. семей к углубленному изучению православной культуры, фактов нарушения прав несовершеннолетних и их родителей, такие факты должны становиться предметом административного и дисциплинарного разбирательства, повлечь реагирование органов управления образованием и, в случае необходимости, правоохранительных органов, но не становиться обоснованием допустимости и оправданности массовой дискриминации детей из православных семей.

Возникающие опасения в том, что будут нарушены права учащихся, необходимо снимать не скандальными требованиями дискриминации православных, а разработкой и нормативным закреплением детально прописанного порядка преподавания в светской школе знаний о религиозной культуре, чтобы предупредить эти нарушения (установление жестких профессиональных требований к учителям, особый порядок допуска учебных пособий, жесткая регламентация реализации курса, гарантии соблюдения добровольности и т.д.).

Вся эта дискуссия очень сильно переполнена оценками, основанными на идеологических пристрастиях или религиозных антипатиях лиц, принимающих участие в этой дискуссии. Правовой подход зачастую подменяется на идеологические утверждения, выдаваемые за истину. Следует понимать, что в этом споре беспочвенны попытки любого его участника выдать себя за «абсолютно беспристрастного рефери».

И когда представители прочих религиозных организаций заявляют, что они категорически против изучения детьми из православных семей православной культуры в школе, то такие требования являются неправомерными и совершенно безосновательными, поскольку такие лица не имеют к данному вопросу никакого прямого отношения. Свои законные интересы они могут отстаивать, избрав для своего ребенка альтернативный курс (нерелигиозной этики или др. учебный курс), либо организовав курс изучения религиозной культуры своей религии для детей из

---

¹¹⁸ Подробнее см.: Понкин И.В., Кузнецов М.Н. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. – М., 2005. – 216 с.

соответствующих семей (при этом, вообще всем религиозным организациям такая возможность чисто физически не может быть предоставлена и не предоставляется нигде в тех странах мира, где в школе изучается религиозная культура или Закон Божий).

Зачастую воспрепятствование изучению детьми религиозной культуры своего народа мотивировано лишь стремлением застолбить поле для собственного прозелитизма.

Поэтому протесты некоторых протестантских религиозных деятелей против добровольного изучения детьми из православных семей курса «Православная культура» необходимо рассматривать в связи с тем, что протестантский фонд «Добро» навязывает российским школьникам собственные мировоззренческие и религиозные убеждения абсолютно без учета их конфессиональной принадлежности и свободы совести, их прав и прав их родителей. Аналогичные протесты Совета муфтиев России следует рассматривать на фоне являющихся грубейшими нарушениями принципа светскости проектов создания полностью за счет федерального бюджета России Российского исламского университета, требований Совета муфтиев России ввести квотирование мест в вузах по признаку религиозной принадлежности, беспрецедентной помощи государства в организации религиозного паломничества исключительно только для мусульман. Двойные стандарты проявляются в данной сфере как нигде более.

С другой стороны, неразработанность российского законодательства по указанным вопросам, может обоснованно вызывать определенные опасения у религиозных меньшинств. Выходом является разработка и принятие региональных законов (а в дальнейшем – и федеральных актов), четко и детально регламентирующих все условия реализации учебных курсов религиозной культуры, гарантии добровольности выбора родителей учащихся и самих учащихся таких курсов, требования к допуску учителей к преподаванию таких курсов и допуску учебных пособий по таким курсам, ответственность за нарушения в этой области.

Можно предложить для обсуждения следующий модельный проект закона субъекта Российской Федерации «Об образовательной области “Нравственность и культура” регионального компонента государственного стандарта общего образования»¹¹⁹.

«Статья 1. Цели настоящего Закона [субъекта Российской Федерации]

Целями настоящего Закона [субъекта Российской Федерации] являются:

обеспечение гарантий свободы вероисповедания и равноправия граждан независимо от их отношения к религии, а также гарантий прав обучающихся на получение образования и развитие в соответствии с ценностями своей национальной культуры;

---

¹¹⁹ Проект рабочей группы Общественного совета ЦФО.

духовно-нравственное воспитание обучающихся, содействие духовно-нравственному формированию и развитию личности;

обеспечение гуманистического характера образования, воспитание любви к семье и Родине, формирование гражданской ответственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека;

защита и развитие национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства;

приобщение обучающихся к историческому и культурному наследию [субъекта Российской Федерации], их интеграция в национальную и мировую культуру.

Статья 2. Образовательная область «Нравственность и культура» регионального компонента государственного стандарта общего образования

1. На основании статей 2, 14, 29 и 30 Закона Российской Федерации «Об образовании» настоящим Законом [субъекта Российской Федерации] в региональный компонент государственного образовательного стандарта начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования (далее – региональный компонент государственного стандарта общего образования) вводится образовательная область «Нравственность и культура».

2. Региональный компонент государственного стандарта общего образования содержит по образовательной области «Нравственность и культура» требования к обязательному минимуму содержания образовательных программ, к максимально допустимому объему учебной нагрузки обучающихся.

3. Региональный компонент государственного стандарта общего образования по образовательной области «Нравственность и культура» разрабатывается [органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области образования] с учетом требований законодательства Российской Федерации к обязательному минимуму содержания основных общеобразовательных программ, максимально допустимому объему учебной нагрузки обучающихся, воспитанников и утверждается [законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации].

4. Региональный компонент государственного стандарта общего образования по образовательной области «Нравственность и культура» обязателен для реализации во всех государственных, муниципальных и имеющих государственную аккредитацию негосударственных образовательных учреждениях начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования [субъекта Российской Федерации] (далее – образовательных учреждениях общего образования [субъекта Российской Федерации]) и рассчитан на обучающихся 2–10 классов.

5. Родители (законные представители) обучающихся в указанных в части четвертой настоящей статьи образовательных

учреждениях обязаны выбрать для изучения их детьми один из следующих учебных курсов образовательной области «Нравственность и культура»:

учебный курс «Культура и этика» этического и философско-культурологического содержания, основанный на общепризнанных нормах морали, общегражданских ценностях и традиционной культуре народов России и не связанный с какой-либо религией или идеологией;

учебный курс «Религиозная культура», соответствующий одной из религий, составляющих неотъемлемую часть исторического и культурного наследия народов России и представленных в [субъекте Российской Федерации] соответствующей централизованной религиозной организацией.

6. Объем учебной нагрузки, необходимый для освоения выбранного курса образовательной области «Нравственность и культура», определяется региональным базисным учебным планом и составляет не менее одного часа в неделю по каждому году обучения (2–10 классы).

7. Образовательное учреждение вправе за счет компонента образовательного учреждения государственного стандарта общего образования увеличить количество часов на изучение курсов образовательной области «Нравственность и культура» с учетом максимально допустимой учебной нагрузки обучающихся по каждому году обучения.

8. При отсутствии у образовательного учреждения возможности организовать преподавание учебных курсов, указанных в части пятой настоящей статьи, допускается временно преподавать вместо этих курсов учебные курсы историко-обществоведческой и краеведческой направленности.

Статья 3. Добровольность выбора обучающимися и их родителями учебных курсов образовательной области «Нравственность и культура»

1. Учебный курс «Религиозная культура» не является обязательным для обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

2. Выбор и изучение обучающимся курса «Религиозная культура» осуществляется добровольно и при наличии обязательного письменного согласия (заявления) его родителей (законных представителей), направленного в администрацию образовательного учреждения, а для несовершеннолетнего старше 14 лет – также его письменного заявления о выборе и согласии изучать соответствующий учебный курс. Допускается учет согласия одного из родителей при отсутствии письменного возражения другого родителя. Разногласия родителей обучающегося, либо обучающегося старше 14 лет и его родителей в выборе указанного курса рассматриваются как их согласие на выбор обучающимся учебного курса «Культура и этика».

3. Непредставление в установленный срок заявлений, указанных в части второй настоящей статьи, рассматривается как согласие

обучающегося и его родителей на выбор учебного курса «Культура и этика».

4. Обучающиеся с согласия своих родителей вправе выбрать альтернативный учебный курс образовательной области «Нравственность и культура» только с начала нового учебного года.

Статья 4. Учебные курсы «Религиозная культура» образовательной области «Нравственность и культура»

1. Учебный курс «Религиозная культура» имеет религиозно-культурологический характер, его преподавание осуществляется с соблюдением светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, не может сопровождаться совершением религиозных обрядов и быть направлено на вовлечение обучающихся в религиозные объединения.

2. Содержание учебных курсов «Религиозная культура» должно учитывать интересы формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся в образовательных учреждениях общего образования, их патриотического воспитания как граждан единого многоэтнического и многоконфессионального государства, уважительно относящихся к законным интересам и правам всех соотечественников и сограждан независимо от их отношения к религии.

3. Учебный курс «Религиозная культура», соответствующий одной из религий, составляющих неотъемлемую часть исторического и культурного наследия народов России, реализуется при наличии в классе не менее 12 обучающихся, выразивших согласие изучать этот курс, и при согласии их родителей. При наличии в образовательном учреждении не менее 15 таких обучающихся из разных классов, но одной возрастной группы могут формироваться сводные учебные группы для изучения указанного курса. Решением муниципального органа управления образованием могут формироваться сводные группы в составе не менее 20 обучающихся для изучения учебного курса «Религиозная культура» определенной религии на основе нескольких школ одного муниципального образования.

4. Администрация образовательного учреждения перед началом учебного года обязана ознакомить родителей (законных представителей) обучающихся, переведенных во второй класс, и обучающихся, переводящихся из других образовательных учреждений, с основным содержанием образовательных программ по учебным курсам образовательной области «Нравственность и культура».

5. Заявления, указанные в части второй статьи 3 настоящего Закона, принимаются к рассмотрению администрацией образовательного учреждения не позднее чем за 5 дней перед началом очередного учебного года.

6. Результаты итоговой аттестации обучающихся по учебным предметам образовательной области «Нравственность и культура» заносятся в документы государственного образца о получении образования исключительно по желанию выпускника.

Статья 5. Порядок допуска преподавателей к преподаванию учебных курсов образовательной области «Нравственность и культура» и допуска учебных пособий

1. Порядок допуска преподавателей к преподаванию учебных курсов образовательной области «Нравственность и культура» и допуска учебных пособий устанавливается [органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области образования].

2. Преподаватель курсов «Религиозная культура» должен иметь высшее профессиональное педагогическое образование или образование, считающееся равноценным, диплом, которым удостоверяется повышение квалификации по программе «Религиозная культура» в установленном объеме, согласованной с руководством или уполномоченным органом соответствующей централизованной религиозной организации, а также персональное разрешение на преподавание указанных курсов, выданное руководством или уполномоченным органом указанной централизованной религиозной организации.

3. [Орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области образования] по согласованию с руководством или уполномоченным органом указанной в части второй настоящей статьи централизованной религиозной организации, с которой этим государственным органом заключено соглашение о процедуре такого согласования, осуществляет:

подготовку и проведение конкурса на разработку комплектов учебных пособий по указанному в части 2 настоящей статьи учебному курсу;

экспертизу, утверждение и допуск образовательных программ, учебных пособий и другого учебно-методического обеспечения указанного учебного курса к использованию в образовательных учреждениях общего образования [субъекта Российской Федерации];

разработку информационно-методических материалов по вопросам организации преподавания указанного учебного курса;

допуск преподавателей к преподаванию указанного учебного курса.

4. Повышение квалификации преподавателей курсов «Религиозная культура» осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством [субъекта Российской Федерации].

5. В производстве экспертизы и осуществлении допуска образовательных программ, учебных пособий и другого учебно-методического обеспечения учебного курса «Культура и этика» образовательной области «Нравственность и культура» к использованию в образовательных учреждениях общего образования [субъекта Российской Федерации] принимает участие Общественная палата [субъекта Российской Федерации].

Статья 6. Права родителей обучающихся

Родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся имеют право принимать участие в выборе для своих детей учебного курса образовательной области «Нравственность и культура», право на получение информации от администрации образовательного учреждения о содержании указанных курсов и квалификации преподавателей, обращаться в случае ненадлежащего преподавания указанных курсов в соответствующее образовательное учреждение и [орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области образования] с жалобами и предложениями.

Статья 7. Контроль за преподаванием учебных курсов образовательной области «Нравственность и культура»

Контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации, прав и законных интересов обучающихся и их родителей (законных представителей) при преподавании курсов образовательной области «Нравственность и культура» регионального компонента государственного стандарта общего образования осуществляется [органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в области образования] и муниципальными органами управления образованием.

Статья 8. Финансирование преподавания учебных курсов образовательной области «Нравственность и культура»

Финансирование расходов, связанных с преподаванием учебных курсов образовательной области «Нравственность и культура» регионального компонента государственного стандарта общего образования [субъекта Российской Федерации] образовательными учреждениями общего образования, осуществляется за счет средств бюджета [субъекта Российской Федерации], а также за счет внебюджетных средств.

Статья 9. Вступление в силу настоящего Закона [субъекта Российской Федерации]

Настоящий Закон [субъекта Российской Федерации] вступает в силу с [1 января 2008 г.]»

Приведенный проект закона субъекта Российской Федерации «Об образовательной области «Нравственность и культура» регионального компонента государственного стандарта общего образования» разработан в целях обеспечения гарантий свободы вероисповедания и равноправия граждан независимо от их отношения к религии, а также гарантий прав обучающихся на получение образования и развитие в соответствии с ценностями своей национальной культуры; духовно-нравственного воспитания обучающихся, приобщение их обучающихся к историческому и культурному наследию региона, их интеграция в национальную и мировую культуру.

В соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации, с пунктом 1 статьи 7 и статьей 29 Закона РФ «Об образовании», субъект

Российской Федерации вправе реализовывать в рамках регионального компонента государственного стандарта общего образования учебные курсы по своему усмотрению, при соблюдении законодательства Российской Федерации.

Требование защиты и развития системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства (пункт 2 статьи 2 Закона РФ «Об образовании»), гарантии свободы мировоззренческого выбора, свободы вероисповедания и прав несовершеннолетних на воспитание в рамках национальной культуры (статьи 13, 14, 28 и 44 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права), а также существующий образовательный запрос в среде учащихся и их родителей (законных представителей) – все это обуславливает необходимость принятия данного закона.

Этот закон обеспечивает возможность изучения в школе религиозной культуры, связанной с культурой народа того или иного учащегося, при этом гарантирует свободный выбор таких учебных курсов и возможность отказа от них.

Данный законопроект корреспондирует европейской практики организации учебных курсов по изучению религиозной культуры в государственных и муниципальных школах.

Сегодняшние попытки Минобрнауки отменить региональный и школьный компоненты государственного стандарта общего образования являются грубейшим нарушением Конституции Российской Федерации (статьи 1, 5, 72 и 73) и принципов федерализма в образовании, нарушением прав и законных интересов субъектов Российской Федерации.

Не утихающая в России на протяжении уже многих лет дискуссия относительно допустимости и необходимости преподавания знаний о религии в государственных и муниципальных общеобразовательных школах на основе религиозных мировоззренческих подходов, с участием соответствующих религиозных организаций актуализирует необходимость обращения к опыту европейских стран в этой области¹²⁰.

Вопрос реализации прав граждан на получение образования в соответствии со своими убеждениями, в том числе посредством религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, во многих зарубежных государствах решен положительно.

При соблюдении светского характера государства и образования и отделения религиозных объединений от государства, в государственных и муниципальных общеобразовательных школах и в вузах многих западноевропейских стран преподаются предметы религиозного образования. Причем это является основанной на законе практикой,

---

¹²⁰ Подробнее см.: Понкин И.В. Преподавание знаний о религии в светской школе: европейский опыт правового регулирования // Религиозная культура в светской школе: Сборник материалов / Отв. ред. и сост. Л.С. Гармаш и И.В. Понкин. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2007. – 215 с. – С. 6–38.

реализующей, прежде всего, права родителей на выбор получаемого их детьми воспитания и образования.

Выполнять требования «подравняться» под европейские или мировые нормы – было бы, по словам французского исследователя Режиса Дебрэ¹²¹, анахронизмом, неправильно: «нелепо принуждать черного барана “подравняться” под “общинный образец”». Тем более, что не существует единого образца. Сегодня в мире существует множество моделей светского характера образования в государственных школах, что определяется национально-культурными, историческими и социальными особенностями разных государств. В одних странах – один опыт решения вопросов светскости государственного образования, в других – другой.

Изучение европейского опыта так же показывает, что отсутствует унифицированная европейская модель, единый подход в области правового регулирования и практической реализации религиозного образования в светской школе. Национальное сознание каждой страны по-своему распоряжается своим историческим достоянием и по-своему формирует отношение к духовному наследию, к культурной преемственности, в том числе в сфере национального образования. Вместе с тем, имеются и схожие черты: добровольность выбора, возможность выбора изучения религиозной культуры своей конфессии или курса нерелигиозной этики, требование согласования содержания религиозного образования с представителями соответствующей конфессии.

Религиозное образование организуется и контролируется религиозными общинами, которые берут на себя подготовку и отбор преподавателей, определение программ и апробацию учебников (Австрия, Бельгия, Кипр, Испания, Греция, Мальта, Польша, Португалия, Чешская Республика). В некоторых странах (например, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Германия, Финляндия) государство и религиозные общины сотрудничают в различных вышеупомянутых задачах. В этом случае преподаватели религии нуждаются в сертификате пригодности, выдаваемом религиозными общинами (Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Греция, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Польша, Португалия, Чешская Республика, Словакия). Чаще всего это религиозное конфессиональное обучение факультативно или по выбору. Если оно обязательно, то от него в основном можно освободиться (Германия, Австрия, Кипр, Финляндия, Греция, Мальта, Словакия). Конфессиональное обучение религии с организационной и экономической точки зрения поддерживается государством (которое берет на себя оплату труда преподавателей, предоставление помещений и учебного времени, и т.д.). Следует отметить, что эта поддержка государства избирательна и что только некоторые религии могут преподаваться, поэтому существуют критерии отбора¹²².

¹²¹ Debray Régis. Rapport au ministre de l'Education nationale «L'enseignement du fait religieux dans l'Ecole laïque», Février 2002. – Paris: Odile Jacob, 2002.

¹²² Ferrari Silvio. L'enseignement des religions en Europe: un aperçu juridique [Феррари Сильвио. Религиозное образование в Европе: юридический обзор] // Des maîtres et des dieux. Écoles et religions en Europe / Sous la direction de Jean-Paul Willaime avec la

Условием для организации группы конфессионального обучения в светской государственной школе является¹²³:

наличие у данной конфессии официального права на ведение образовательной деятельности (или конкордата с государством);

наличие определенного минимума желающих обучаться. Минимальное количество учащихся в группе обычно устанавливается в пределах 7–13 человек (в Польше – 7, Германии – 8–12, Австрии – 10, Болгарии – 13).

Условно можно выделить следующие представленные в европейских странах подходы в преподавании в государственных школах знаний о религии.

1. В школах официально (конституционно, специальным законом, на основе положений заключенного между государством и конкретной религиозной организацией договора, распоряжением органа управления образованием) введен и реализуется самими школами учебный курс религиозного образования: от курса обучения религии (учебные предметы «Закон Божий», «Коран» или аналоги) до обязательного для всех учащихся религиозно-культурологического курса. Предоставляется возможность замены данного курса на альтернативный учебный курс иной конфессиональной направленности или этический курс нерелигиозной направленности. В качестве примеров можно привести Германию, Швейцарию, Финляндию, Великобританию, Бельгию, Грецию, Испанию, Италию, Ирландию, Румынию, Польшу, Эстонию¹²⁴. Религиозное образование финансируется государством и может осуществляться как штатными преподавателями, так и специалистами, которых светская администрация образовательного учреждения или органа управления образованием выбирает из списка кандидатов, представленных религиозной организацией (Испания, Италия).

2. Преподавание знаний о религиях осуществляется преимущественно в рамках обязательных гуманитарных курсов (исторические, литературоведческие, обществоведческие и языковедческие дисциплины, география, философия). Обучение религиозными организациями учащихся государственных школ религии («Закон Божий» и аналоги) разрешается в специально выделенный день вне рамок обязательной образовательной программы, утвержденной государством, иногда – и вне государственных школ. В качестве примера можно привести Францию (за исключением Эльзаса и Мозеля) и Венгрию. Но и в этих странах обсуждается возможность введения и существуют прецеденты преподавания отдельного курса углубленного изучения культуры религии, не направленного на катехизацию или воцерковление (или иной аналогичный этому результат в нехристианских религиях), на

---

collaboration de Séverine Mathieu. – Paris: Belin, 2005. – P. 36.

¹²³ Козырев Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе. – СПб.: Апостольский город, 2005. – С. 351.

¹²⁴ Очевидно, что все указанные государства отличает собственная специфика модели светскости государства и организации вопросов религиозного образования в светских школах.

вовлечение учащихся в религиозные объединения, то есть по типу, указанному в пункте 1 выше.

3. Религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные учреждения.

Данная норма является одной из правовых гарантий свободы вероисповедания, поскольку распространение религиозной организацией веры (характерный признак религиозного объединения вообще) невозможно без профессиональных проповедников, священнослужителей, церковнослужителей, иного религиозного персонала, выполняющего свои обязанности на профессиональной основе. А для этого требуется профессиональная подготовка такого религиозного персонала, то есть создание духовных школ – семинарий, медресе, академий, институтов и т.д.

Кроме того, данная норма предоставляет религиозным организациям возможности учреждения светских образовательных учреждений (общеобразовательных школ, вузов).

4. По просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.

Данная норма устанавливает порядок обучения детей религии, хотя и в помещениях государственных или муниципальных образовательных учреждений, но не самими такими учреждениями, а непосредственно религиозными организациями, вне рамок образовательных программ, реализуемых указанными учреждениями, просто в помещениях этих учреждений.

Главное отличие обучения религии от других форм преподавания знаний, касающихся религий и религиозных объединений, состоит в том, что обучение религии предполагает и включает в себя обучение религиозной практике и саму религиозную практику – отправление религиозного культа, совершение богослужений и иных религиозных обрядов и церемоний. Именно этим, а также направленностью на привлечение обучаемых в религиозное объединение и обусловлены несветский характер этой формы преподавания знаний, касающихся религий и религиозных объединений, и обязательность соблюдения принципа добровольности как основы ее осуществления.

Приказ Министерства образования Российской Федерации № 2833 от 01.07.2003 несколько (хотя и недостаточно) конкретизировал порядок реализации этой нормы закона.

Пункт 4 статьи 5 часто ошибочно толкуется (преимущественно не юристами) как имеющий какое бы то ни было отношение к преподаванию самими образовательными учреждениями учебных курсов религиозной культуры на основе добровольности выбора и запрещающий такое преподавание. Это не соответствует действительности.

Такая постановка вопроса юридически некорректна, так как преподавание предмета «Православная культура» не является реализуемым религиозными организациями обучением религии, то есть обучением религии в том смысле, в каком это понятие закреплено в статье 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Сама же указанная норма не имеет отношения ни к преподаванию православной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, ни к письму Министерства образования Российской Федерации от 22.10.2002 № 14-52-876ин/16, сопроводившему материал «Примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура»».

В пункте 4 статьи 5 регламентируется обучение религии, тогда как учебный курс «Православная культура» (или «Культура ислама», «Культура иудаизма») является не обучением религии, а преподаванием знаний о религии в форме религиозно-культурологического образования, то есть культурологическим курсом.

Учебный курс «Православная культура» («Культура ислама», «Культура иудаизма» («Традиция») и т.д.) реализуется государственными и муниципальными образовательными учреждениями, а пункт 4 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает, повторимся, порядок реализации одной из форм обучения религии **религиозной организацией** в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Поэтому правовая норма пункта 4 статьи 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» не имеет никакого отношения к преподаванию курсов религиозной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

Статья 19. Учреждения профессионального религиозного образования

1. Религиозные организации в соответствии со своими уставами имеют исключительное право создавать учреждения профессионального религиозного образования (духовные образовательные учреждения) для подготовки служителей и религиозного персонала.

Данная норма, наряду с пунктом 3 статьи 5 комментируемого Закона, является одной из правовых гарантий свободы вероисповедания, поскольку распространение религиозной организацией веры (характерный признак религиозного объединения вообще) невозможно без профессиональных проповедников, священнослужителей,

церковнослужителей, иного религиозного персонала, выполняющего свои обязанности на профессиональной основе. А для этого, как уже говорилось, требуется профессиональная подготовка такого религиозного персонала.

Следует отметить установление этой нормой исключительного права религиозных организаций создавать учреждения профессионального религиозного образования (духовные образовательные учреждения) для подготовки служителей и религиозного персонала.

Государство, исходя из принципа отделения от него религиозных объединений, не вправе вмешиваться во внутренние дела такого рода учреждений, их образовательный процесс, образовательные программы и т.д., если речь идет о выдаче внутриконфессиональных сертификатов об образовании.

Вместе с тем, данная норма имеет непосредственное отношение к вопросу о правовой возможности государственной аккредитации учреждений профессионального религиозного образования в части реализации этими учреждениями государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования.

Целесообразно дать правовую оценку¹²⁵ правовой возможности государственной аккредитации негосударственного образовательного учреждения профессионального религиозного образования (духовного образовательного учреждения), зарегистрированного в форме религиозной организации,¹²⁶ в части реализации им государственных образовательных стандартов.

Следует отметить, что не вполне корректна постановка вопроса о вообще государственной аккредитации учреждений профессионального религиозного образования – без конкретизации, что речь идет именно об аккредитации в части реализации государственных образовательных стандартов, поскольку в этом случае речь идет об аккредитации учреждений профессионального религиозного образования в целом, аккредитации всего образовательного процесса в этих учреждениях (всех направлений подготовки, специальностей или внутриконфессиональных аналогов). Совершенно очевидно, что такая («полная») аккредитация государством учреждений профессионального религиозного образования невозможна и неправомерна. Равно как недопустима государственная аккредитация узкоконфессиональной профессиональной религиозной

---

¹²⁵ Выполнено совместно с заведующим кафедрой государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, членом-корреспондентом Российской академии наук, доктором юридических наук, профессором Г.В. Мальцевым, доктором юридических наук, профессором С.И. Носовым, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором кафедры конституционного и муниципального права России Московской государственной юридической академии, профессором Н.А. Михалевой, профессором кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором М.Н. Кузнецовым.

¹²⁶ Далее – учреждение профессионального религиозного образования.

подготовки¹²⁷ служителей религиозного культа или иного религиозного персонала религиозных организаций.

Однако подготовка специалистов¹²⁸ на основе государственных образовательных стандартов в учреждениях профессионального религиозного образования, равно как и государственная аккредитация негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного образования **в части реализации** государственных образовательных стандартов вполне возможна.

Суть обсуждаемой проблемы проще может быть сформулирована следующим образом: вправе ли, например, духовная семинария Русской Православной Церкви, семинария или институт какой-либо другой религиозной организации (католической или протестантской) либо иное аналогичное образовательное учреждение мусульман, иудаистов или буддистов параллельно с узкоконфессиональной профессиональной религиозной подготовкой готовить, допустим, историков, искусствоведов, философов-религиоведов, теологов, культурологов и т.д. по образовательным программам профессионального образования в соответствии с требованиями соответствующих государственных образовательных стандартов?

Отметим, что решение этого вопроса значимо не только для правового регулирования деятельности религиозных организаций (в данном случае – в области образования), но и для всего российского общества в целом, отечественной культуры, национальной системы образования, социальных отношений, даже для интересов национальной безопасности государства. Ответ на этот вопрос, в частности, тесно связан с возможностью и необходимостью социализации религиозных служителей, религиозного персонала, иных выпускников учреждений профессионального религиозного образования разных конфессий в российском обществе. Он также значим для преодоления и предотвращения внутренней самозамкнутости религиозных организаций, сложившейся со времен атеистического государства, которая может являться питательной средой для культивирования различных форм радикализма на религиозной почве.

Отказ учреждениям профессионального религиозного образования в праве предоставления своим учащимся параллельно с собственно узкоконфессиональной профессиональной религиозной подготовкой возможности получения высшего¹²⁹ профессионального образования в соответствии с государственными образовательными стандартами и, как следствие, в получении ими диплома государственного образца, возможности трудиться в различных сферах общественной жизни, помимо собственно структур религиозной организации, имеет ряд негативных

---

¹²⁷ Специфическая, специализированная непосредственная профессиональная (пастырская и т.п.) подготовка служителей конкретного религиозного культа и религиозного персонала, осуществляемая в интересах конкретной религиозной организации.

¹²⁸ А также бакалавров и магистров.

¹²⁹ Собственно, излагаемая позиция в определенной мере касается и среднего профессионального образования. Однако здесь эти вопросы далее опускаем.

следствий. В частности, к таковым можно отнести сохранение существенного разрыва между государственной системой образования и системами образовательных учреждений крупнейших религиозных организаций России, что препятствует интеграции и укреплению единства общенационального российского образовательного и культурного пространства. Отметим, что такого разрыва нет ни в одной цивилизованной демократической стране, и его наличие в нашей стране обусловлено экстремальным развитием государственно-конфессиональных отношений в прошлом. Это и сохранение фактической социальной дискриминации граждан по признаку отношения к религии, ограничений прав верующих на возможность реализации ими своих законных прав в области образования, что также негативно сказывается на социальном самочувствии религиозной части населения, составляющей в настоящее время по критерию выражения принадлежности или предпочтительного отношения к тем или иным религиям, по крайней мере, не менее половины от общей численности населения в Российской Федерации.

Содержание обсуждаемой проблемы можно представить в виде ряда логически взаимосвязанных позиций, тогда алгоритм ее решения будет включать ответы на следующие вопросы:

1. Может ли образовательное учреждение профессионального религиозного образования реализовать государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, проводить подготовку обучающихся согласно требованиям государственных образовательных стандартов по соответствующим направлениям подготовки (бакалавр, магистр) или специальностям высшего профессионального образования?

2. Существуют ли в законодательстве Российской Федерации прямые запреты на государственную аккредитацию учреждения профессионального религиозного образования в части реализации этим учреждением профессионального образования в соответствии с государственными образовательными стандартами?

3. Может ли государство по обращению учреждения профессионального религиозного образования давать оценку содержанию, уровню и качеству образования, реализуемого в таком учреждении в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования?

4. Препятствует ли государственной аккредитации учреждения профессионального религиозного образования (в части реализации им государственных образовательных стандартов) норма пункта 17 статьи 33 Закона РФ «Об образовании», устанавливающая, что свидетельство о государственной аккредитации образовательного учреждения подтверждает его государственный статус?

5. Препятствует ли статья 4 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации» возможности государственной аккредитации учреждения профессионального религиозного образования в части реализации государственных образовательных стандартов?

6. Ограничивает ли российское законодательство деятельность негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного образования исключительно подготовкой «служителей и религиозного персонала»?

Рассмотрим эти вопросы.

1. Может ли образовательное учреждение профессионального религиозного образования реализовать государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования, проводить подготовку обучающихся согласно требованиям государственных образовательных стандартов по соответствующим направлениям подготовки (бакалавр, магистр) или специальностям высшего профессионального образования?

Если бы действительно не могли, не имели для этого соответствующих профессиональных кадров или условий, то данный вопрос вообще бы не имело смысла ставить и обсуждать. Все дело в том, что как раз могут, причем могут делать это не хуже, чем многие прошедшие государственную аккредитацию частные вузы. Правовых же ограничений на такое использование государственных образовательных стандартов не существует.

Государство вправе устанавливать определенные требования к образовательному учреждению для его государственной аккредитации, выносить решение о соответствии или несоответствии образования, заявленного как реализуемое в соответствии с государственным образовательным стандартом, таковому стандарту, вправе принимать решение о государственной аккредитации образовательного учреждения или об отказе в таковой. Но любое получившее лицензию образовательное учреждение вправе реализовывать государственный образовательный стандарт, этому совершенно не препятствует законодательство Российской Федерации.

Если, к примеру, Московская духовная семинария будет самостоятельно реализовать Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 520200 «теология» (квалификация выпускника – бакалавр теологии), Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 520200 «теология» (квалификация выпускника – магистр теологии), утвержденные Министерством образования Российской Федерации 12.03.2001 г. (регр. № 511гум./бак. и № 512гум./маг. соответственно), или Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 020500 «теология» (квалификация выпускника – теолог, преподаватель), утвержденный Министерством образования Российской Федерации 28.01.2002 г. (регр. № 531гум./сп.), то тем самым это учреждение профессионального религиозного образования будет реализовать свое законное право самостоятельно осуществлять образовательную деятельность (пункт 6 статьи 2 Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992 №3266-1 (с послед. изменениями), пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 № 125-ФЗ (с послед. изменениями)), будет обеспечивать

осуществление конституционных прав граждан на получение образования (часть 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации), будет давать образование, соответствующее по содержанию, уровню и качеству подготовки выпускников требованиям государственных образовательных стандартов (пункт 20 статьи 33 Закона РФ «Об образовании»).

Государство при этом может, выявив определенные несоответствия, не дать государственную аккредитацию по указанным направлениям подготовки или специальности. Но сама по себе возможность реализации данных образовательных программ на основе государственных образовательных стандартов в учреждении профессионального религиозного образования не может оспариваться, она юридически вполне допустима.

Государство утверждает образовательные стандарты для профессиональной оценки качества образования, чтобы дать определенные критерии качества образования и инструменты оценки этого качества, а не для того, чтобы разрешать или не разрешать готовить учащихся по тем или иным специальностям или направлениям подготовки тем или иным образовательным учреждениям – как государственным учреждениям, так и негосударственным, в том числе зарегистрированным в форме религиозных организаций.

Если реализация образования по направлению подготовки «теология» или специальности «теология» непосредственно не направлена на подготовку служителя религиозного культа или иного религиозного персонала, осуществляется согласно соответствующим государственным образовательным стандартам, то нет никаких правовых ограничений для реализации такого образования в любом образовательном учреждении – как государственном, так и негосударственном.

Согласно части 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии и убеждений, запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признаку отношения к религии или религиозной принадлежности. Если гражданин обучается в учреждении профессионального религиозного образования, готовится стать служителем того или иного религиозного культа или готовится трудиться в будущем в какой-то церковной должности (чтеца, иконописца, регента церковного хора и т.д.), то этот факт не может давать оснований для ограничения его прав на получение одновременно профессионального образования в соответствии с государственными образовательными стандартами, не может ограничивать его конституционное право на образование, исключать возможность обучаться параллельно в том же образовательном учреждении по той или иной светской специальности.

Очевидно, что не должна осуществляться подмена одного образования на другое, не должно быть нарушений требований, устанавливаемых государственными образовательными стандартами по направлениям подготовки или специальности «теология» (как и любым другим специальностям и направлениям подготовки). Но для этого и существуют специальные органы исполнительной власти в сфере

образования и по осуществлению надзора в сфере образования, которые и должны осуществлять контроль.

2. Существуют ли в законодательстве Российской Федерации прямые запреты на государственную аккредитацию учреждения профессионального религиозного образования в части реализации этим учреждением профессионального образования в соответствии с государственными образовательными стандартами?

Правовые нормы пунктов 1 и 2 статьи 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» не препятствуют получению зарегистрированным в форме религиозной организации негосударственным образовательным учреждением профессионального религиозного образования лицензии и государственной аккредитации на общих основаниях в части реализации направлений подготовки или специальностей высшего и послевузовского профессионального образования в соответствии с государственными образовательными стандартами.

Анализ норм российского законодательства о государственной аккредитации негосударственных образовательных учреждений (норм Закона РФ «Об образовании» и Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании») позволяет сделать вывод об отсутствии прямых правовых запретов на государственную аккредитацию учреждения профессионального религиозного образования, зарегистрированного в форме религиозной организации, в части реализации указанным учреждением профессионального образования в соответствии с государственными образовательными стандартами. Поэтому зарегистрированные в форме религиозной организации учреждения профессионального религиозного образования вправе получить государственную аккредитацию в установленном законом порядке в части реализации ими государственных образовательных стандартов профессионального образования. Получение лицензии и государственной аккредитации в этом случае осуществляется на общих основаниях.

Статья 14 Конституции Российской Федерации, устанавливающая светскость государства и отделение религиозных объединений от государства, ничего не говорит относительно возможности или невозможности государственной аккредитации учреждений профессионального религиозного образования в части реализации государственных образовательных стандартов.

Согласно пункту 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15.12.2004 № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина, относящийся к основам конституционного строя Российской Федерации принцип светского государства не может истолковываться и реализовываться без учета особенностей исторического развития России, вне контекста национального и конфессионального состава российского

общества, а также особенностей взаимодействия государства, политической власти, этнических групп и религиозных конфессий.

Реализация в учреждениях профессионального религиозного образования (духовных школах – академиях, семинариях, училищах, медресе и др.) узкоконфессиональной профессиональной религиозной подготовки служителей религиозного культа, вместе с тем, не исключает функционирования этих учреждений профессионального религиозного образования как негосударственных образовательных учреждений высшего и послевузовского профессионального образования, осуществления ими образовательной деятельности в соответствии с государственными образовательными стандартами и подготовки специалистов по светским специальностям. При этом образование, направленное на непосредственную специфическую профессиональную религиозную подготовку служителей конкретного религиозного культа, в таких учреждениях может являться лишь частью образовательного процесса в целом.

Государство вправе предъявлять требования к качеству образования, реализуемого на основе государственных образовательных стандартов исключительно по тем направлениям подготовки или специальностям высшего профессионального образования, по которым данное образовательное учреждение заявляет желание получить государственную аккредитацию. Качество или «квалифицированность» узкоконфессионального профессионального религиозного образования вообще не может становиться предметом вмешательства или заботы государства, это – дело исключительно самого учреждения профессионального религиозного образования и соответствующей религиозной организации, как раз в силу конституционных норм о светскости государства и отделении религиозных объединений от государства. Если образование по конкретным направлениям подготовки или специальностям полностью соответствует государственным образовательным стандартам, иным требованиям, устанавливаемым государством, то именно это и только это является определяющим условием для принятия решения о государственной аккредитации данного образовательного учреждения или об отказе в таковой.

Можно представить себе и другую ситуацию, когда реализуемое в соответствии с государственными образовательными стандартами обучение в учреждении профессионального религиозного образования из-за перегруженности учащихся сделало бы качество собственно узкоконфессиональной профессиональной религиозной подготовки недостаточным. Но это так же является проблемой исключительно самого негосударственного учреждения профессионального религиозного образования, но никак не государства.

Норма пункта 2 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» о недопустимости вмешательства государства в деятельность религиозных объединений (если эта деятельность не противоречит законодательству Российской Федерации) не имеет прямого отношения к рассматриваемой проблематике.

Государство не может устанавливать государственные образовательные стандарты целевым образом для негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного образования по учебным дисциплинам, составляющим содержание узкоконфессиональной профессиональной подготовки служителей религиозного культа и иного религиозного персонала, в противном случае это явилось бы нарушением принципа отделения религиозных объединений от государства и противоречило бы светскости государства в Российской Федерации. Кроме того, это вообще невозможно, поскольку в стране действует огромное количество религиозных объединений (многие из которых вообще не регистрируются), представляющих сотни различных религиозных учений и направлений.

Однако из этого не следует, что негосударственные образовательные учреждения профессионального религиозного образования не могут использовать в своей образовательной деятельности, реализуемой в соответствии с законодательством Российской Федерации, существующие государственные образовательные стандарты, установленные по конкретным направлениям подготовки или специальностям высшего профессионального образования. Эти стандарты устанавливаются государством безотносительно негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного образования, устанавливаются для неограниченного круга образовательных учреждений и вполне могут использоваться негосударственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования, в том числе и негосударственными образовательными учреждениями профессионального религиозного образования.

3. Может ли государство по обращению учреждения профессионального религиозного образования давать оценку содержанию, уровню и качеству образования, реализуемого в таком учреждении в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования?

Суть государственной аккредитации образовательного учреждения носит в своей основе не запретительный или разрешительный характер, хотя имеются определенные такого рода правовые последствия успешного прохождения государственной аккредитации, а состоит в том, что государство дает оценку содержанию, уровню и качеству образования.

Следовательно, если негосударственное образовательное учреждение реализует образование, полностью отвечающее требованиям государственных образовательных стандартов, то нет никаких правовых оснований, чтобы государство отказалось провести государственную аккредитацию по конкретным направлениям подготовки или специальностям высшего профессионального образования.

Государство не вправе требовать государственной аккредитации направлений подготовки или специальностей узкоконфессиональной профессиональной религиозной подготовки, осуществлять такую аккредитацию. Что, однако, не препятствует возможности оценки государством содержания, уровня и качества образования, реализуемого в

учреждениях профессионального религиозного образования в соответствии с государственными образовательными стандартами, на основе обращения этого учреждения.

4. Препятствует ли государственной аккредитации учреждения профессионального религиозного образования (в части реализации им государственных образовательных стандартов) норма пункта 17 статьи 33 Закона РФ «Об образовании», устанавливающая, что свидетельство о государственной аккредитации образовательного учреждения подтверждает его государственный статус?

Государственная аккредитация негосударственного образовательного учреждения предполагает не придание негосударственному образовательному учреждению государственного статуса как статуса государственного учреждения или органа, а признание государством содержания, качества и уровня образования в данном образовательном учреждении по тем направлениям подготовки и специальностям, по которым получает государственную аккредитацию негосударственное образовательное учреждение.

Нет оснований для отождествления результата государственной аккредитации негосударственного образовательного учреждения с наделением этого негосударственного образовательного учреждения государственным статусом в смысле приравнивания такого учреждения по его статусу к статусу государственного учреждения или органа, поскольку в таком случае получается правовой нонсенс: такое образовательное учреждение – одновременно и государственное (как утверждается), и негосударственное, поскольку организационно-правовая форма, в которой оно зарегистрировано, сохраняется.

Действительно, пункт 6 статьи 12 Закона РФ «Об образовании» устанавливает, что государственный статус образовательного учреждения (тип, вид и категория образовательного учреждения, определяемые в соответствии с уровнем и направленностью реализуемых им образовательных программ) устанавливается при его государственной аккредитации. Вследствие чего образовательное учреждение не приобретает статус государственного учреждения, а получает государственный аккредитационный статус, то есть происходит признание государством достижения негосударственным образовательным учреждением определенного уровня профессиональной компетентности, установленного государством уровня качества подготовки обучающихся и соответствия реализуемых в этом учреждении образовательных программ государственным образовательным стандартам. То же касается и пунктов 17 и 23 Положения о порядке аттестации и государственной аккредитации образовательных учреждений, утвержденного Приказом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 22.05.1998 № 1327.

Важно отметить, что в действительности вообще отсутствует какой-либо универсальный «государственный статус», которым можно было бы наделить негосударственное образовательное учреждение, прошедшее государственную аккредитацию (в случае признания справедливым обратного утверждения). Различные органы

государственной власти, государственные органы и учреждения сами по себе различаются по своим правовым статусам.

Следовательно, речь должна вестись именно о государственном аккредитационном статусе, в смысле его наличия (образовательное учреждение имеет государственную аккредитацию) или отсутствия (образовательное учреждение не имеет государственную аккредитацию).

Государственная аккредитация негосударственного образовательного учреждения по своему правовому содержанию не является наделением его статусом государственного учреждения, а состоит в следующем:

- государство признает (подтверждает на очередной срок) и, тем самым, поручается перед обществом за уровень и качество образования, реализуемого в данном образовательном учреждении¹³⁰; как следствие – официальное признание вуза в системе высшего образования конкретной страны и реклама на международном рынке образовательных услуг;

- государство признает (подтверждает на очередной срок) и, тем самым, поручается перед конкретными потребителями (учащимися, а в определенных случаях – и перед их законными представителями) за уровень и качество образования, реализуемого в данном образовательном учреждении; для потребителя важен не набор результатов оценок по различным критериям, а интегральная оценка вуза – получение информации о наличии либо отсутствии у образовательного учреждения лицензии, а также документов, подтверждающих государственную аккредитацию;

- государство признает (подтверждает на очередной срок) уровень и качество образования, реализуемого в данном образовательном учреждении, признавая результат освоения лицом образовательной программы высшего профессионального образования соответствующей ступени в высшем учебном заведении, имеющем государственную аккредитацию, в качестве основания для занятия этим лицом в государственной, муниципальной организации определенной должности;

- образовательное учреждение, успешно прошедшее государственную аккредитацию в установленном законом порядке (то есть получившее государственный аккредитационный статус), обременяется государством обязательствами соблюдать определенные требования, тем самым обеспечивая высокий уровень и постоянное повышение уровня качества образовательного процесса;

- государство наделяет образовательное учреждение расширенной правосубъектностью посредством наделения дополнительными правами (по сравнению с образовательными учреждениями, не имеющими государственной аккредитации), в частности правом выдачи дипломов государственного образца по тем направлениям подготовки и специальностям, по которым образовательное учреждение аккредитовано, а также рядом других прав;

- государство берет на себя обязательство вести мониторинг уровня и качества образования, реализуемого в данном образовательном

¹³⁰ Применительно к тем направлениям подготовки и специальностям, по которым аккредитовано образовательное учреждение.

учреждении, с целью содействия обеспечению образовательным учреждением таких условий образовательного процесса, которые соответствовали бы требованиям государственной аккредитации;

- государство содействует конкуренции на рынке образовательных услуг, способствуя улучшению качества образования, обеспечивая эффективность введенных критериев оценки качества образования в образовательных учреждениях и, тем самым, содействуя информированию граждан о возможности получения ими образования.

Наделение государством негосударственного образовательного учреждения полномочием выдавать диплом государственного образца не является главной целью, а является производным от факта успешного прохождения негосударственным образовательным учреждением процедуры государственной аккредитации. При этом правомочие выдавать диплом государственного образца по конкретным направлениям подготовки или специальностям высшего профессионального образования является следствием того, что государство аккредитовало негосударственное образовательное учреждение по этим направлениям подготовки и специальностям, признав и своим авторитетом гарантировав таким образом содержание, качество и уровень образования по этим направлениям подготовки и специальностям, в том числе соответствие этого образования требованиям государственных образовательных стандартов.

Необоснованным является встречающееся в литературе отождествление наделения государством негосударственного образовательного учреждения правомочиями по выдаче дипломов государственного образца (разумеется, в случае получения таким учреждением государственной аккредитации) и возложения на религиозные объединения функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления, а также выполнение религиозными объединениями функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления, что запрещается пунктами 2 и 5 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Такой подход является ложным, поскольку пункты 2 и 5 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» не имеют к обсуждаемой проблематике прямого отношения.

Реализация негосударственным образовательным учреждением предоставленного ему государством правомочия выдавать дипломы государственного образца не является самостоятельно или в силу какой-либо формы делегирования государством взятой на себя реализацией функций органов государственной власти, других государственных органов или государственных учреждений. Такая функция нигде в законодательстве Российской Федерации не отнесена к компетенции органов государственной власти, других государственных органов или государственных учреждений.

Формально, государственные образовательные учреждения имеют такую функцию – выдавать дипломы государственного образца по аккредитованным направлениям подготовки и специальностям. Но если речь идет о негосударственных образовательных учреждениях, то из того, что негосударственное образовательное учреждение (в общем, безотносительно религиозной тематики), успешно пройдя процедуру государственной аккредитации, получает право выдавать диплом государственного образца, не следует, что реализация такого права превращает это негосударственное образовательное учреждение (которое и после государственной аккредитации остается негосударственным образовательным учреждением) в государственное учреждение либо государственный орган.

Выдача в установленном законом порядке дипломов государственного образца учреждением профессионального религиозного образования (являющимся частным случаем, видом негосударственных образовательных учреждений) по аккредитованным государством направлениям подготовки или специальностям высшего профессионального образования точно так же не может быть отождествлена с выполнением эти учреждением функций органов государственной власти, других государственных органов или государственных учреждений, поскольку не является таковым.

Таким образом, норма пункта 17 статьи 33 Закона РФ «Об образовании», устанавливающая, что свидетельство о государственной аккредитации образовательного учреждения подтверждает его государственный статус, не препятствует государственной аккредитации учреждения профессионального религиозного образования в части реализации государственных образовательных стандартов.

5. Препятствует ли статья 4 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации» возможности государственной аккредитации учреждения профессионального религиозного образования в части реализации государственных образовательных стандартов?

Остановимся на анализе содержащегося в некоторых публикациях обоснования точки зрения о неправомерности государственной аккредитации негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного образования через указание на невозможность использования негосударственным образовательным учреждением, зарегистрированным в форме религиозной организации, печати с изображением Государственного герба Российской Федерации.

Согласно статье 4 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации» от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ (с послед. изменениями), Государственный герб Российской Федерации воспроизводится на документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, на иных документах общегосударственного образца, выдаваемых федеральными органами государственной власти, а также органами, осуществляющими государственную регистрацию актов гражданского состояния. Государственный герб Российской Федерации помещается на печатях

федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, организаций и учреждений, на печатях органов, организаций и учреждений независимо от форм собственности, наделенных отдельными государственно-властными полномочиями, а также органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния.

Однако по смыслу пункта 16 статьи 33 Закона РФ «Об образовании» наделение правомочием на использование печати с изображением Государственного герба Российской Федерации с момента государственной аккредитации образовательного учреждения не является целью, основным содержанием или основным правовым последствием государственной аккредитации образовательного учреждения. То есть вполне справедливо утверждение, что наделение правомочием на пользование печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации является следствием государственной аккредитации, но ошибочно утверждение, что наделение правомочием на пользование печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации является целью государственной аккредитации. Действительные основные цели государственной аккредитации – совершенно иные, и они были охарактеризованы выше.

Наделение правомочием на использование печати с изображением Государственного герба Российской Федерации имеет формальное значение. Так, если бы на печати учреждения высшего профессионального образования, имеющего государственную аккредитацию, был бы в соответствии с законодательством изображен герб этого учреждения, то на существовании правоотношений между государством и этим учреждением это никак бы не отразилось.

Гипотетическая невозможность достижения одного из второстепенных правовых последствий государственной аккредитации применительно к учреждениям профессионального религиозного образования отнюдь не делает принципиально невозможной саму такую государственную аккредитацию этих учреждений.

В свете сказанного, не будет нарушением светскости государства внесение соответствующих дополнений в Федеральный конституционный закон «О Государственном гербе Российской Федерации», позволяющих использование печати с изображением Государственного герба Российской Федерации учреждениям профессионального религиозного образования для документов, свидетельствующих о получении образования по аккредитованным направлениям подготовки или специальностям высшего профессионального образования, учитывая, что использованное в статье 4 указанного Федерального конституционного закона выражение «государственно-властные полномочия» формально может восприниматься как препятствие для распространения действия этой статьи на религиозные организации.

Однако следует отметить, что использование имеющим государственную аккредитацию негосударственным учреждением профессионального религиозного образования печати с изображением Государственного герба Российской Федерации не является выполнением

«отдельных государственно-властных полномочий», не является наделением таковыми полномочиями и не свидетельствует о наделении такого учреждения подобными полномочиями.

В дипломе государственного образца печать с изображением Государственного герба Российской Федерации заверяет успешное прохождение выпускником определенной образовательной программы, заверяет подлинность документа об образовании. Это и обозначается в дипломе в форме приложения с перечнем дисциплин или указанием о прохождении полного курса по определенной указанной в дипломе специальности профессионального образования и присвоения владельцу диплома обозначенной в дипломе квалификации. В этом отношении место приобретения выпускником этой квалификации или освоения специальности профессионального образования не имеет принципиального значения – будь то государственное или же негосударственное образовательное учреждение, в том числе зарегистрированное в форме религиозной организации. Использование изображения Герба Российской Федерации на дипломе государственного образца и на печати, которой заверяется этот диплом, это просто элемент оформления документов и осуществляется для заверения содержания, уровня и качества полученного выпускником образования, зафиксированных государством в виде утвержденных перечней специальностей и соответствующих государственных образовательных стандартов, но никак не статуса образовательного учреждения (государственный или негосударственный), в котором обучался выпускник.

По существу, пометка печати с изображением Государственного герба Российской Федерации на диплом, выдаваемый негосударственным образовательным учреждением профессионального религиозного образования по аккредитованным направлениям подготовки или специальностям, не может быть обозначена как «выполнение государственно-властных полномочий». Государственно-властные полномочия в данном случае уже были ранее исполнены тем государственным органом, который уполномочен на проведение государственной аккредитации образовательных учреждений и который осуществил государственную аккредитацию данного направления подготовки (или данной специальности), об окончании образования, по которому и выдается диплом, заверяемый печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации.

В этом смысле и применительно к обсуждаемой ситуации вполне возможно ограничить право учреждения профессионального религиозного образования иметь и использовать печать с изображением Государственного герба Российской Федерации исключительно только для заверения выдаваемых этим учреждением дипломов государственного образца по аккредитованным государством направлениям подготовки или специальностям высшего профессионального образования.

Обозначение на печати с изображением Государственного герба Российской Федерации названия конфессионального учебного заведения в этом отношении не является присвоением религиозной организацией или делегированием ей государственно-властных полномочий, равно как и

обозначение названия любого другого негосударственного образовательного учреждения – учрежденного общественной организацией, фондом, частным лицом, не является присвоением этим частным лицом, фондом, общественной организацией государственно-властных полномочий. Это просто обозначение учреждения, места, в котором выпускник прошел курс дисциплин по данной специальности в соответствии с государственными образовательными стандартами. Этот факт и подтверждает государство, давая право учреждению заверять дипломы выпускников печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации, поскольку именно государство (применительно к обсуждаемой сфере), а не данное учреждение или кто-то еще, устанавливает, утверждает и контролирует содержание, уровень и качество образования, претендующего на диплом государственного образца.

Проблема может быть решена и другим способом – посредством непредоставления получившему государственную аккредитацию негосударственному образовательному учреждению профессионального религиозного образования правомочия пользоваться такой печатью. Юридически этот порядок вполне может быть закреплен подзаконным актом – постановлением Правительства Российской Федерации. А практически это может быть реализовано так: получившее государственную аккредитацию в части реализации государственных образовательных стандартов учреждение профессионального религиозного образования выдает дипломы государственного образца по аккредитованным направлениям подготовки и специальностям высшего профессионального образования, используя печать не с изображением Государственного герба Российской Федерации, а иного типа печать установленного или признаваемого государством для этого случая образца. Или же выдаваемый таким учреждением по аккредитованному государством направлению подготовки или специальности диплом будет получать дополнительное заверение федеральным органом исполнительной власти в области образования посредством печати с изображением Государственного герба Российской Федерации. При этом такое дополнительное заверение печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации не будет нарушением Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации», поскольку будет осуществляться государственным органом, а цель такого заверения будет соответствовать цели государственной аккредитации – признание государством определенного содержания, качества и уровня образования, реализуемого данным образовательным учреждением. Но этот способ вряд ли можно назвать эффективным.

В любом случае, доказательство точки зрения о неправомерности государственной аккредитации негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного образования через указание на невозможность использования негосударственным образовательным учреждением, зарегистрированным в форме религиозной организации,

печати с изображением Государственного герба Российской Федерации является необоснованным, ложным.

6. Ограничивает ли российское законодательство деятельность негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного образования исключительно подготовкой «служителей и религиозного персонала»?

Учреждения профессионального религиозного образования, созданные в форме религиозных организаций, являются видом негосударственных образовательных учреждений и на них распространяются все возможности, которые имеют негосударственные вузы.

Согласно пункту 1 статьи 11.1 Закона РФ «Об образовании», негосударственные образовательные организации могут создаваться в организационно-правовых формах, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации для некоммерческих организаций. Религиозная организация – это одна из предусмотренных российским законодательством форм некоммерческой организации. В соответствии с частью 3 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), финансируемых собственником учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом. Приведенный в данной статье перечень не является исчерпывающим. Возможны и иные формы некоммерческих организаций, устанавливаемые законом (см., например, статью 121 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (с послед. изменениями), некоммерческие организации могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных законами.

Статья 24 «Высшее профессиональное образование» Закона РФ «Об образовании» не содержит никаких запретов относительно учреждений профессионального религиозного образования, в том числе на реализацию данным учреждением профессиональной подготовки в соответствии с государственными образовательными стандартами.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» так же не содержит таких ограничений. Пункт 3 статьи 5 указанного Федерального закона устанавливает право создания образовательных учреждений уже существующими и зарегистрированными в установленном законом порядке религиозными организациями и не содержит положений относительно возможности или запрета реализации учреждениями профессионального религиозного образования государственных образовательных стандартов.

Пункт 1 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает существенные признаки религиозной организации, но не ограничивает деятельность религиозных организаций исключительно лишь совместным исповеданием и распространением веры. Не устанавливает исчерпывающий перечень видов деятельности и пункт 1 статьи 6 указанного Федерального закона, определяющий признаки религиозного объединения.

Одна из целей деятельности учреждений профессионального религиозного образования – исповедание и распространение веры – не исключает возможности получения обучающимися в них гражданами помимо профессионального религиозного образования, также и профессионального образования в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов в целях более глубокой и широкой, разносторонней подготовки религиозного служителя в современном обществе, его социализации для тех же целей – исповедания и распространения веры.

Пункт 1 статьи 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» предоставляет право создания учреждений профессионального религиозного образования для подготовки служителей и религиозного персонала исключительно религиозным организациям. Основной смысл этой нормы состоит именно в ограничении круга организаций, имеющих право создавать учреждения профессионального религиозного образования для подготовки служителей и религиозного персонала, но из этой нормы совершенно не следует, что такие учреждения профессионального религиозного образования должны заниматься исключительно только подготовкой служителей и религиозного персонала, поскольку слово «исключительно» относится в данной норме именно к праву религиозных организаций, но не к видам деятельности учреждений профессионального религиозного образования.

Кроме того, статья 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулирующая статус и деятельность учреждений профессионального религиозного образования для подготовки служителей и религиозного персонала, создаваемых религиозными организациями, ничего не устанавливает относительно возможности или запрета реализации этими учреждениями государственных стандартов профессионального образования.

Пункт 5 статьи 1 Закона РФ «Об образовании» имеет отношение к государственным и муниципальным образовательным учреждениям, не регулируя статус и деятельность негосударственных образовательных учреждений.

Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» так же не устанавливает запрета на реализации учреждениями профессионального религиозного образования государственных стандартов профессионального образования.

Таким образом, законодательство Российской Федерации не устанавливает ограничений деятельности негосударственных образовательных учреждений профессионального религиозного

образования в виде дозволения им заниматься исключительно только подготовкой «служителей и религиозного персонала».

Законодательство Российской Федерации предоставляет правовые возможности для государственной аккредитации негосударственного образовательного учреждения профессионального религиозного образования (духовного образовательного учреждения), зарегистрированного в форме религиозной организации, в части реализации им государственных образовательных стандартов.

2. Учреждения профессионального религиозного образования подлежат регистрации в качестве религиозных организаций и получают государственную лицензию на право осуществления образовательной деятельности.

Данная норма устанавливает обязательность государственной регистрации учреждений профессионального религиозного образования в форме религиозных организаций, хотя целесообразнее было бы ввести в качестве разновидности религиозной организации особую организационно-правовую форму – учреждение религиозного образования.

К сожалению, данная норма не содержит четких указаний относительно формы и содержания государственной лицензии на право осуществления такими учреждениями образовательной деятельности. Из чего можно сделать предположение, что такие учреждения получают указанные лицензии на общих основаниях.

3. Граждане, обучающиеся на очных отделениях учреждений профессионального религиозного образования, которые имеют государственную лицензию, пользуются льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Данная норма является достаточно сложной для применения, поскольку льготы устанавливаются преимущественно для обучающихся в образовательных учреждениях, имеющих не столько лицензию, сколько государственную аккредитацию.

Научно-практическое издание

Понкин Игорь Владиславович
доктор юридических наук

**Комментарий к некоторым статьям
Федерального закона
«О свободе совести
и о религиозных объединениях»**

**Ponkine Igor. Commentaire des articles
1-5 et 19 de Loi Fédérale
de la Fédération de Russie
«Sur la liberté de conscience
et sur les groupements religieux»
du 26.09.1997 № 125-FZ**

Подписано в печать 13.06.2007.
Формат 60х90/16
Гарнитура «Arial». Бумага офсетная №1.
Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 250 экз. Заказ № 27.